

XXI ВЕК

ВОЛГА

11-12 2015

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А. Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А. Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А. А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В. И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е. А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
А. А. Демченко – доктор филологических наук, профессор СГУ им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)
Д. Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О. И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В. В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В. А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М. А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В. Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М. С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г. П. Муренина – директор музея Н. Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н. В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2015

**11-12
2015**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Мария ЗНОБИЩЕВА. По праву родства

ОТРАЖЕНИЯ

Наталья ОСИПОВА. Самая красивая женщина Мариуполя

ПОЭТОГРАД

Татьяна ШИШКИНА. Отчего я люблю тишину...

ОТРАЖЕНИЯ

Я. УДИН. Бзик

ПОЭТОГРАД

Александр ДИВЕЕВ. Бирюзовое колечко

Миллана НОВА. Если я не вернусь...

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Татьяна КУЗНЕЦОВА. По Волге: путешествие за радостью

ПОЭТОГРАД

Татьяна КУЗНЕЦОВА. По Волге

ОТРАЖЕНИЯ

Николай БЕСЕДИН. Распутица

Алексей РЯСКИН. Вышни

ФЭНТЕЗИ

Джордж МАКДОНАЛЬД. КАРАЧУН *(Окончание)*

КАМЕРА АБСУРДА

Михаил МУЛЛИН. Идёт коза рогатая

Нелли КРЕМЕНСКАЯ. Разорванное время

РЕЦЕНЗИИ

Михаил МУЛЛИН. Воин Любви и Света

Елизавета МАРТЫНОВА. Силуэты и гравюры Нелли Кременской

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Андрей МИХАЙЛОВ. Род Карелиных (Карелиных)

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Евгений БАЖАНОВ. Волго-Уральский регион – родина росо-ариев

Игорь ДРЁМОВ. Загадки «первого» Саратова

Виктор ТОТФАЛУШИН. «Лыжи у печки стоят»

ИНТЕРВЬЮ

«Музыка войны и мира»

ОТКЛИКИ

Письма читателей

ИТОГИ ГОДА

Содержание номеров журнала «Волга–XXI век» за 2015 год

Мария ЗНОБИЩЕВА

Мария Игоревна Знобищева родилась в 1987 году. Окончила Институт русской филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Вопросы литературы», «Подъём», «Волга–XXI век», «Московский колокол» и др. Автор шести поэтических сборников. Участник форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Член Союза писателей России. Живёт в Тамбове.

ПО ПРАВУ РОДСТВА

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Звёзд сегодня не видно, и тихие ткуются стихи.
Оплавают, дымят и слезятся свечные огарки.
Но у добрых родителей так: даже детям плохим
В Рождество – так и быть – оставляют под ёлкой подарки.

Мы подавлены щедростью, мы забываем слова,
И цветёт законной метелью черёмуха-радость.
Но дающую руку порой нелегко целовать,
Мы привыкли скользить без руки, разбежаться и падать.

А подарок велик, и его ни за что не постичь.
Даже страшно развязывать алую ленточку в звёздах...
И поэтому вместо «пусти» я сказала «прости»,
Если только не поздно... Пожалуйста, если не поздно.

РАЗГОВОР

Улыбнулась спокойно и просто,
Словно сердцу игрушку дала:
– Нам дорога одна – до погосту.
Нагостились. Такие дяла...

И по сизым сосновым вершинам
Древний ветер неслышно прошёл.
И, шумя, шелестели машины
Мимо этих заброшенных сёл.

– Ты сама-то, поди, из Тамбова?
Может, знаешь сынка моего?
Он таксист, а по имени Вова.
Ты, наверно, видала яво.

– Может быть...
– Энто младшенький, дочка.
– Молодой он у вас?
– Молодой.
Пятьдесят яму скоро годочков,
У висков ещё только седой.

И представить его мне нетрудно –
Словно сжатого в крепкий кулак,
А мальчишкой у той вон запруды,
С хохолком на затылке... – никак!

Но в глазах у Марии Андревны
Ни печали, ни горечи нет:
Пруд, муравка, заря над деревней –
То, с чем дети родятся на свет.

...Что ей время? И что ей полвека?
Так же в ветре плывут ковыли,
Где с избытком дано человеку
И любви, и беды, и земли.

***

А небо – большое, как в детстве душа,
И можно смотреть в него нежно и долго.
И если луна – это ёлочный шар,
Какая, наверно, огромная ёлка...

Фонарики синие тихо горят,
Волшебные сны осыпаются с веток,
И звёзды на ней не развешены в ряд,
А будто разбросаны сеточкой светлой.

Но выше – над блеском, над плеском, над всем,
Чему уготован ценитель и зритель,
Звезда зажигается – только затем,
Чтоб кто-нибудь маленький крикнул: «Смотрите!»

Её не увидишь ни над потолком,
Ни с райских высот, ни в космической дрожи –
А только вот так: из-под ёлки, тайком,
Колочее кружево чувствуя кожей.

ПТИЦЫ

У сердца много жизней. Помнишь, было
Оно пичужкою короткокрылой,
Стучало в окна – солнечно, спроста,
Садилось смело на руку любую,
И под стрехой пережидало бурю,
И думало, что это высота.

Потом апрельской ласточкой парило,
Не задевая крыльями перила,
В слепую высь взвивалось как стрела
И под каким-то вертикальным креном
По небесам писало, как по стенам,
То, что и птица видеть не могла.

А после словно вдруг отяжелело
И жалостью звериной заболело,
Огромный мир рождая как яйцо.
И заворчалось на толстой ветке:
Не ласточка – несущка и наседка –
В неумолимом гомоне птенцов.

И если есть надежда возвратиться,
То вряд ли человеком, зверем, птицей –
Косым лучом сквозь листья и слова.
Лучом, растущим вопреки законам
От скорченных корней – к шумящим кронам –
Где, расступаясь, свищет синева...

НАШИ ДЕТИ

Наши дети боятся явиться на свет –
Свет, которого мало, которого нет.
Очарованным бабочкам негде кружить,
И приходится их уговаривать жить...

Из-под ста одеял, из-под ста облаков
Выходить, чтобы слушать вечерних сверчков,
Разговаривать с ветром и майским жуком
И по ласковым травам бежать босиком...

Этим душам с рождения тысячи лет.
Им не надо на свет – они видели Свет,
Улыбаются грустно, не могут забыть,
И приходится их уговаривать быть...

***

Мне было всегда любопытно,
Что происходит с бабочками,
Которые прежде реяли
Над теми, кого мы любили,
Над нами, которых любили?..

И было одно подозрение:
Они превращаются в гусениц –
В махровых китайских халатах
И накрахмаленных фартуках, –
Ранимо скрывают приглашенный,
Но всё ещё нежный свет.
И тратят его очень бережно,
Как воду в захваченном городе,
И сами гаснут от голода –
За тех, кого рядом нет.

И было ещё подозрение:
Они остаются в коллекции
Ценителя редкостных древностей,
Пришпиленные булавками,
Распластанные, – гляди!
Порой он берёт одну из них
Холёными длинными пальцами,
Рассматривает и прикладывает
К давно остывшей груди.

И даже однажды подумалось:
Они осыпаются листьями –
Со свистом бросаются под ноги
Тем, кто любовью влеком.
И с лёгким хрустом ли, вздохом ли
Цветной пылью рассыпаются
Под звонким и в жизнь вонзающимся,
Стремительным каблучком.

...Прошу вас всех, кто любил меня,
Забудьте меня – чтобы помнить меня,
Как я, забывая на э т у жизнь,
Запомнила вас на т у.
Мне сердца не жалко, но бабочки...
Мне света не жалко, но бабочкам...
Слепым и рассеянными бабочкам –
Оставьте их слепоту.

Наталья ОСИПОВА

Наталья Николаевна Осипова родилась в г. Мариуполь Донецкой области. В 1959–1985 гг. жила в Саратове. Окончила филологический факультет СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Пишет для детей, публикуется в детских журналах и сборниках. Является автором и ведущей программ «Сказкин дом» и «Литературная гостиная» на радио «Русский Мир». Участница международных конкурсов и литературных фестивалей в Варшаве, Париже, Вене, Сочи, Красноярске. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

САМАЯ КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА МАРИУПОЛЯ

В своей жизни мой отец не любил, пожалуй, только две вещи: оставшийся на второй день борщ и вождя всех народов Иосифа Сталина. Если он узнавал, что борщ, который ему предстояло съесть, сварен вчера, он его выливал. Со Сталиным было сложнее. Может быть, поэтому о нём отец говорил нечасто.

– Едет! – сообщаю я маме, как только замечаю из окна тёмно-зелёный «Газик».

Прильнув к стеклу, наблюдаю, как «Газик» проезжает через КПП и сворачивает к двухэтажным домам нашего военного городка.

– Спасибо, доча, – ласково отзывается из кухни мать.

У неё давно уже всё наготове: на разделочной доске топорщатся измельчённые в крошку лук, чеснок, помидор, морковь и петрушка. На медленном огне газовой горелки томится кастрюля с борщом, а чугунная сковорода со шматками сала на доньшке скромно ожидает своего старта.

Слышно, как «Газик» тормозит у подъезда. Мама торопливо чиркает спичкой – голубые язычки пламени охватывают сковороду. Шматочки сала начинают ёжиться и шипеть.

В этот момент, как обычно, в дом заходит отец.

– Эх, да что же это я, – сокрушается мама при его появлении, – опять не успела борщ закончить. Заправочка ещё не готова.

– Ничего-ничего, свеженького и подождать не грех.

Отец споласкивает руки над умывальником и неспешно усаживается за стол.

Мама суетится вовсю. По всей кухне уже разносится резковатый дух жареного чеснока, бело-розовое сало тает на глазах, превращаясь в коричневые шкварки. Теперь нужно ещё лук добавить, а когда тот станет золотистым и почти прозрачным, забросить морковь и помидор.

– И с чего это ты у нас такой привередливый? – не упускает случая подтронуть над отцом мама. – Сам же рассказывал, как в деревне похлёбку из лебеды хлебал – и ничего. А тут ему с пылу-с жару борщи подавай! И не дай Бог, если вчерашний...

Ох, лучше бы она этого не говорила! Сейчас отец обязательно про Сталина вспомнит. И точно – вспомнил.

– А из-за кого я, интересно, лебеду хлебал? Не знаешь? – в голосе отца звучат нотки плохо скрываемого раздражения. – Из-за кого, интересно, столько народу в тридцатых перемёрло? Тоже не знаешь?

– Не знаю, – как можно беспечней, отвечает мать. – Я в тридцатом в «Артеке» отдыхала! Мне, девочке из многодетной рабочей семьи, путёвку дали. За отличную учёбу, между прочим...

– В «Артеке» она отдыхала! – передразнивает отец. – Задницу наедала...

– Да, кормили нас там хорошо, – оставив грубость незамеченной, продолжает мать. – На полдник даже шоколадки давали.

Любит мама про «Артек» рассказывать. В её времена вместо домиков там палатки стояли, а фрукты и маленькие шоколадки действительно давали, но следили, чтобы дети всё съедали в столовой. Однако мама всё равно ухитрялась шоколадки выносить и прятать под подушку. Она мечтала привести их своим – маме, папе, четырём сёстрам и трем братьям. То-то обрадуются! Но – увы! В последний день перед отъездом, пока артековцы сидели у костра, кто-то проверил постели пионеров – и шоколадки из-под подушки исчезли.

Но сейчас ей не до рассказов: не перетомить бы заправку – муж не любит переваренное.

– Советская власть обо всех заботилась! – заканчивает она.

– Да уж, забота великая! – в голосе отца зашкаливает ирония. – Загнали в колхозы, отобрали скотину, зерно. А тут вдруг – бац! – недород! Вот и пришлось траву жрать. А вождю нашему расчудесному – что? Ему ничего. Сталин в Кремле сладко кушал...

– Перестань при ребёнке! – обрывает его мать.

Ну вот, наконец-то и обо мне вспомнили. Вечно между собой что-то выясняют, меня только в качестве последнего аргумента прикладывают.

– Не то сказал? – отец делает удивлённое лицо.

– Уймись.

– А надо было что? – не унимается тот.

– Надо было тебя, умника, в МГБ сдать! – Мать резко выключает плиту и сердито добавляет: – Как врага народа.

– Иди сдавай! – с готовностью предлагает отец.

Что такое МГБ, я спросить не решаюсь. Не хочется попадать «под горячую руку». У отца обед всего час. Потом его снова отвезёт зелёный «Газик» на какой-то ужасно секретный полигон. Где он находится – об этом никто в стране знать не должен. Но мы-то с мамой знаем: полигон этот где-то здесь, в Подмосковье, рядом с нашим военным городком. А иначе как бы смог отец домой на обеды приезжать?

– В «Артек» она ездила... Падайте ниц! – выдаёт отец новую порцию подначек.

Мама не отвечает. Она ловко соскребаёт со сковороды приправу и быстро добавляет её в борщ. Наконец, обернувшись к мужу, весело объявляет: «Готово! Ешьте молчки!»

Эту фразу мама взяла из анекдота, который мы с отцом хорошо знаем. Правда, звучит там она немного грубее. Словом, так: «Пришёл русский в гости к хохлушке. Та его угощать стала. Русский, желая угощение похвалить, спрашивает:

– Как называется это блюдо?

– Жри молчки! – отвечает ему хохлушка.

То есть: «ешь молча». А он подумал, что так называется угощение.

– Ах, до чего же вкусные «кримовчики!» – воскликнул он».

На этом месте обычно положено смеяться.

– Много гущи не клади, – отец внимательно следит за тем, как жена наполняет его тарелку ярко-бордовой жидкостью, именуемой «украинский борщ».

Говорят, когда рождается хохлушка, то рецепт «украинского борща» уже записан в её генах. Наверное, так случилось и с моей мамой. Впрочем, это касалось всего, что делали её руки. В те времена офицерские семьи собирались на праздники большими компаниями. Еду обычно на стол готовили в складчину. Отец складчину не любил. И если собирались у нас, то всё готовила мама. Подвыпившие гости то и дело нахваливали холодец из свиных ножек, утку с черносливом, кролика в тушёной капусте – мама умела поразить воображение.

– Ещё? – спрашивает мать, как только у отца пустеет тарелка.

– Та ни трэбо, – отец неожиданно переходит на украинский. Это может означать только одно: он сыт и настроение у него соответствующее.

– Вот это борщ так борщ! – начинает он нахваливать мамину стряпню. – Его же есть приятно. Свежак! Не то что на второй день. На второй день это уже не борщ. Это уже помои.

Мы с матерью незаметно переглядываемся. Эх, папа-папа, не хочется тебя разочаровывать. Что бы ты сказал, узнав, что борщу этому на самом деле уже третий денёк пошёл? Просто, чтобы угодить тебе, мама всякий раз ловко имитирует «приготовление свеженького», добавляя в кастрюлю чуток новых ингредиентов.

После борща наступает очередь картофельных зраз, щедро политых сметаной, и компота, слегка охлаждённого в пузатеньком холодильнике «Зил».

– В МГБ, говоришь, надо было сдать? – беззлобно продолжает отец прерванную тему. – А что ж ты за врага народа замуж-то пошла?

– Так не знала же! – мама разводит руками, демонстрируя полную беспомощность.

Она любит иногда перед мужем дурочкой прикинуться. И ей, между прочим, это очень идёт. Такая миленькая-премиленькая дурёшка...

– А если б знала, пошла? – прихлёбывая компот, как бы между прочим, интересуется супруг.

– Та никогда! – Мама делает важное лицо, но ужасно озорное слышится в её голосе.

За окном бибикает «Газик». Солдат-водитель уже вернулся. Стоя в прихожей, отец слегка приобнимает хозяйку:

– Значит, не пошла б «никогда»?

– За врага Советской власти? Та кто ж пойдёт?

– А если б после войны, кроме меня, дурака, никого не нашлось? – Отец вплотную прижимает её к себе. – А?!

– Тю... Та у меня после войны поклонников было море! – кокетливо отбивается от него мать. – Ты ж меня обманом в ЗАГС затащил. Не помнишь разве? Сказал: «Пойдём погуляем, только возьми на всякий случай паспорт». «А шо, – спрашиваю, – у нас в Мариуполе у женщин уже документы проверяют?» А как вышли из дому, так ты в сторону ЗАГСа меня сразу и повёл. Я ж и не знала...

– Ну конечно, и не подозревала, бедняжка, – тем же тоном вторит ей отец. – А родственнички твои посмекалистей оказались. Стол бросились накрывать. Ждут.

– Та ты шо? Мы только на следующий день вечеринку делали. Забыл?

– Забыл... – отец сделал паузу. – Но помню другое.

– Что? – Мама с беспокойством смотрит на мужа.

– А то, что самая красивая женщина Мариуполя досталась мне! – провозглашает он тоном победителя.

Мама смеётся:

– Да? А ты хорошо смотрел?

– Я не мог ошибиться!

«Газик» за окном снова бибикает. На этот раз более настойчиво.

– Пора!

Отвесив супруге лёгкого шлепка, отец отстраняется и, обратив наконец на меня хоть какое-то внимание, машет на прощанье рукой: «Пока!»

«Пока-пока...» – думаю я, завистливо поглядывая на мать, которой, как всегда, досталась львиная доля папиных симпатий.

Как только за ним закрывается дверь, мама строго-настрого меня предупреждает:

– Всё, что он тут нам про Сталина «распотякивал», не вздумай никому болтать. Поняла?

Киваю, готовая молчать даже под пытками.

– Кстати, я тебе уже объясняла, почему он такой? – оживляется мать. – Да потому, что в кулацкой семье рождённый. А кулаки – они, знаешь, какие злопамятные? Сколько лет прошло, а всё помнит, как «советска власть» у них всё позабирала. Дом под сельсовет приспособили, а всю семью – в сарай. Хорошо ещё в Сибирь не отправили, там, говорят,

столько погибло... Но я, честно говоря, не верю. А не отправили потому, что у старшей сестры его в Красной армии муж воевал в гражданскую. На это тогда смотрели. Сталин, между прочим, просто так никого не притеснял. Только отец твой ничего понимать не хочет. Упёртый, зараза! – подытожила мама.

Всю эту историю я от неё уже слышала. Но каждый раз нет-нет да что-то новенькое всплывало в её повествовании.

Странно, но отец мне никогда ничего о себе не рассказывал. Да и когда ему было? Вставал на рассвете, включал радио на всю громкость и, слушая последние известия, брился. Потом завтракал и уходил на весь день. Мама после него радио выключала, и мы досыпали.

С матерью, правда, он тоже мало откровенничал. Если бы не его старшая сестра Паша, что пару раз приезжала из Харьковской области в наш спрятанный в лесах Подмосковья военный городок, нам о нём и вовсе ничего бы не было известно.

Зато о маме, как мне тогда казалось, я знала абсолютно всё. Жила она раньше в городе Мариуполе. Почти в самом центре, рядом с краеведческим музеем. И если бы не отец, так бы всю жизнь мама и прожила в этом прекрасном городе на Азовском море.

Приехал он в Мариуполь уже после войны. Город в сорок шестом ещё разрушенным стоял. Немцы, отступая, жителей за двадцать километров выгнали и все дома сожгли. Мама рассказывала, как они стояли в чистом поле и плакали, видя страшное зарево на горизонте. Мариуполь, конечно, потом отстроили заново, но раньше всего нужно было восстановить «Азовсталь». Это завод такой, с огромными доменными печами, в которых сталь плавится. Если на городском пляже стать лицом к морю, то слева на горизонте видны эти громады, будто великаны в дымных серых плащах. Мама рассказывала, что со всех концов страны люди приезжали и помогали отстраивать разрушенное.

– Твой отец всё это восстанавливал, – не забывала каждый раз напомнить мне мать, когда мы с ней летом приезжали к бабушке в Мариуполь.

Дальше я уже и сама могла рассказать. Отец приехал в Мариуполь восстанавливать «Азовсталь». Приехал не один, а с целой группой специалистов. Ещё до войны получил он высшее образование, пройдя тяжкий путь превращения босоногого деревенского подпаса в городского работягу-рабфаковца, а потом и в советского инженера-электронщика.

– В доменном цеху, – поясняла мама, – всё нужно было устроить так: кнопку нажал – и ковши заработали, и конвейер пошёл, и сталь куда надо полилась. Это и есть электроника. Фашисты, отступая, печи все повзрывали. Теперь их нужно было восстановить. Для этого Главк, что при Министерстве тяжёлой промышленности, специальную группу инженеров в Мариуполь направил. По приказу Сталина, между прочим.

– Знаю-знаю! – торопилась я опередить мать, чтобы самой досказать самое интересное. – Как только все домны наконец запустили, папу и всю его группу медалями наградили!

– Да, – кивает мать, – наградили. В сорок восьмом.

– Сам Сталин?

– Не знаю, – маме не хотелось меня разочаровывать, – надо у отца спросить...

В отличие от мамы, я ни на миг не сомневалась. Да разве мог кто-нибудь другой это сделать?

Как же я любила рассматривать эту отцовскую медаль! На лицевой стороне – рабочий-металлург, а за его спиной – восстановленная домна. И всё это на фоне лучей восходящего солнца. Мне почему-то всегда казалось, что человек, изображённый на медали, очень похож на отца. Конечно, точно разглядеть было невозможно, но мне так казалось.

По всей окружности медали шла надпись: «За восстановление предприятий чёрной металлургии Юга». А если взглянуть на внутреннюю сторону, то там написано: «Труд в СССР – дело чести». Крепилась медаль на колодке, обтянутой муаром с синими и голубыми полосками, и очень нарядно смотрелась.

Много позже, уже будучи взрослой, узнала я, какие колоссальные усилия потребовались стране, чтобы вернуть в строй искорёженные взрывами домны и мартеновские печи. На фронтах ещё шли бои, а на освобождённых территориях уже кипели восстановительные работы. К началу января 1945 года восстановленные предприятия чёрной металлургии стали выпускать первую продукцию. И 18 мая 1948 года для награждения трудящихся Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена эта медаль.

Конечно, были у отца и другие награды: «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией» и ещё – немножко похожий на мою октябрятскую звёздочку – орден Красной Звезды.

Но мне всегда почему-то казалось, что у родителей медаль «За восстановление предприятий чёрной металлургии Юга» была на особом счету. Ведь она напоминала об их встрече, которая, как ни крути, а без участия вождя ну никак не могла бы состояться.

Что было потом? Потом у моих родителей родилась девочка. Этой девочкой оказалась я. А потом Советской армии потребовались специалисты по электронике, и отца вновь призвали на военную службу. Так наша семья навсегда уехала из Мариуполя и оказалась в военном городке, затерянном в лесах Подмосковья.

– Глубоко под землёй, в шахтах, стоят ракеты с боеголовками, – терпеливо объясняла мне мама. – Они – защита нашей Родины. А такие специалисты, как твой папа, нужны для того, чтобы всё сработало автоматически: кнопку нажал – и ракеты полетели.

– Куда? – спрашиваю я.

– Куда надо, туда и полетели, – уклончиво отвечает мама. – Думаешь, у Советского Союза одни только друзья есть? Врагов тоже хватает.

Честно говоря, эта тема меня не очень волнует. Сейчас мне гораздо интереснее другое:

– Мама, ты правда самая красивая женщина Мариуполя? – спрашиваю я.

– С чего ты взяла? – удивляется мать.

– Отец говорил. Помнишь?

Мама улыбается:

– Ну, это он сильно преувеличил...

Она, как всегда, скромничает. Но я-то знаю: отец не мог ошибиться. Самой красивой женщиной Мариуполя, конечно, была она, моя мама. И в этом меня никто не разубедит.

С тех пор прошло много лет. На карте мира давно нет Советского Союза, а город Мариуполь находится в другой стране. Украина теперь отдельно. А я живу в России и с тревогой слушаю последние известия. Что там с Киевом? Опять «майданят»? Как в Донецке и Луганске? Снова воюют? Спокойно ли в милом моему сердцу Мариуполе?

«Неужели то, что было с таким трудом отвоёвано, отстроено, восстановлено нашими отцами, вновь превратится в руины?» – думаю я с тоской и очень надеюсь, что такого не случится.

Ведь это же здорово, когда где-то в мартеновских печах мирно плавятся сталь и чугун, когда ракеты с боеголовками никуда не летят, а в городе Мариуполе, как и положено, живёт множество красивых женщин, из которых выбрать самую красивую, пожалуй, не так-то и просто.

Татьяна ШИШКИНА

Татьяна Геннадьевна Шишкина родилась в 1983 году в городе Куйбышев. Окончила Самарский государственный архитектурно-строительный университет, Литературный институт им. А. М. Горького. Работает инженером в проектной организации. Публиковалась в поэтическом сборнике «Липы на асфальте», в литературных журналах: «Русское эхо», «Волга–XXI век», «Подъём», «Молодёжная волна», «Берега» и др. Лауреат XIV республиканского творческого конкурса «Рождественская звезда» (2008) (г. Саранск). Лауреат Всероссийского конкурса литературной критики «Русское эхо» (2012). Член Союза писателей России. Живёт в Самаре.

ОТЧЕГО Я ЛЮБЛЮ ТИШИНУ...

***

Покуда рифмуется осень
хорошему вкусу в ущерб,
незримо сдвигаются оси
у самых банальных вещей.

И парк от реки до кофейни,
и прелой травы холодок,
и солнечный день тиховейный,
прозрачно лежащий у ног,

тревожно окрасились новью
для циников и бунтарей
(как быстро растёт поголовье
мифических этих зверей!).

Стихи – не стихи, недомолвки,
десяток идей на посев...
И только вначале неловко –
как будто разделась при всех.

А чуду бы длиться и длиться:
чего пожелаешь – проси.
Лишь надо чуть-чуть отклониться
самой от привычной оси.

Что дальше – не знаю, а нужно...
Иначе, оставшись одна,
всему, что найду, малодушно
привычные дам имена.

***

А что же оно, когда не болит –
лишь бьётся о край ребра?
Встаёшь на обед ли, бежишь от обид,
ложишься под свет от бра...

Читаешь, листаешь страницу-две,
свет гасишь – болит опять.
И думаешь: вот оно – в голове,
и можно о нём писать.

И мысленно пишешь страницу-две,
покуда оно болит.
Так ходит коса по сырой траве,
так ветер в окно пылит.

По капле себя выжимаешь в сок
метафор и антитез.
Пылишь на бумаге, идёшь с косой.
Но миг – и порыв исчез.

И то, что болело, слегка ворчит,
трётся о край ребра.
Находишь себя и в пустой ночи
лежишь, ко всему добра.

***

Если вскользь услышано – вполуха,
позже вспоминается не то.
Здравствуй, осень, шустрая старуха!
Нас с тобой не вычислит никто.

Светлый день твой короток, простужен,
Дышит в землю, лечится винцом.
Я давно узнал тебя по лужам –
ты дождём наморщила лицо.

Второпях разбросана по курткам,
первый снег таскаешь на спине.
Ошалевшим офисным манкуртам
не прочесть мелькающих примет.

Что платки наматывай на плечи,
что травой под окнами истлей...
Сунут ноги в сумеречный вечер
и – бегом по скрюченной листве
кто куда, нигде не застревая.
Вот тебя и некому встречать.

Я к тебе иду, незнаваем,
с тем же первым снегом
на плечах.

***

Ночь под плащом не таит фонарями набитого брюха.
Лишь с боков отряхнула снега на столетнюю ель
и – в сомнении: так ли мертва,
не легко ли наказана Брюнхильд,
и для неё ли одной обрисована Хель
под корнем у Древа...

Ветром сухим ночь выжигает руны
На крышах домов, у трамваев на голой спине.
Из-под руки – метель – неистова, точно гунны.
И в новый уходит Рим вечно живой Эней...

Город пытлив, упрям, безликий, вытянул шею
в безлюдный январь – и голос его застыл.
Так и стоит – немой, на цыпочках цепенея,
где звёзды спешат подобрать сверкающие хвосты.

А Брюнхильд мертва. И ночь вполоборота
к седой, малокровной и выстуженной зиме
садится, притихшая, чередовать заботы.
Под фонарём кто-то
хочет найти на карте
контуры древних земель.

***

Что за улица – мрачно и голо...
И не лучше покажется днём.
Ночь фонарь зацепила подолом
и безвольно повисла на нём,
замолчав.

Ни людей, ни трамвая,
ни следа от звезды путевой.
Пересверк – пелена снеговая
осыпается над головой.

Ночь как ночь: не труднее, не проще...
Отбежав от железных дверей,
тень собаки бездомной и тощей
вдруг принюхалась к тени моей.

Поздоровалась, дёргая ухом,
на чудном для меня языке.
И своё невесёлое брюхо
вслед за мной понесла налегке.

Молча шла – не своя, не чужая.
Да и мне было так, что не тронь...
И не знала, куда провожает:
до угла? до небес? в метро?

Что искали – нашли и забыли.
Ночь и холод. Собака и я.
Вдруг запахло извёсткой и пылью –
неустройством пустого жилья.

Тухлой рыбой, подержанным снегом...
– Друг, ты чувствуешь? Нехорошо...
По-иному заснежено небо
у тебя и меня за душой.

Постояли, подумали. Будет.
Время – ночь, да не вечно же ей...
Выхожу переулками – к людям –
вслед за тенью собаки моей.

***

Отчего я люблю тишину...
Оттого, что её не бывает.
Проглотив ледяную волну,
старый дом на луну завывает
не заклеенным в осень окном...
Гнётся ясень в оранжевой сбруе.
Ветер, память свою тренируя,
целый час повторяет одно...

Ночью осень читается вслух
снизу вверх – от листвы подорожной.
И ревет от бессонниц тревожных
волжский город подобно ослу.

Рефлексируя с Word`ом и без,
всяк имеющий уши – да слышит
редкий дождь, пробежавший по крыше
с влажной тучей наперевес...

И сверчок-новичок-златоуст
пропоёт его снова и снова.
И да будет к утру зарифмован
каждый меченный осенью куст.

Я. УДИН

Я. Удин (Яша Геранович Манджиян) родился в 1951 году в селе Нидж Азербайджанской ССР. По национальности удин. Учился в Саратовском государственном университете. Автор четырёх книг прозы, изданных в Москве и Саратове, публикаций в журналах «Волга», «Подъём», «Волга–XXI век», «Сура», «Литературный Саратов», «Аргамак», в альманахах «Волжские зори», «Истоки», «Саратов литературный», «Московский Парнас», «Стрежень», «Впечатления» и других периодических изданиях. Член Союза писателей СССР и Союза писателей России.

БЗИК

Познакомился я с ней прямо на улице. Она шла с подружкой. Они над чем-то весело смеялись. Мне понравилось, как они смеялись, как выглядели, как легко и непринуждённо вели себя. Познакомился – и стал встречаться.

Стройная, узкотелая, но далеко не худая светлоглазая девушка с нежным лицом вела себя со мной по-детски доверчиво, ласково и в то же время, как скоро стал я замечать, отличалась неудержимым распутством. Не успеешь разлучиться на несколько часов, как исправно донесут тебе, с кем и где её видели. Впрочем, она и не делала из своих походов особой тайны. А я любил её до беспамятства, как это ни странно, целых три года любил страстно и ревниво, и она точно нарочно глумилась надо мною, с каждым разом ставя меня пред всё более изощрёнными испытаниями.

– Что ты всё издеваешься над человеком?! – заступаясь за меня, однажды упрекнула её та самая подружка, с которой впервые увидел её. – И что это всё наговариваешь на себя лишнего – не пойму?..

– Это не твоё дело, милая! – резковато отшила она подружку. – Не лезь, когда не просят!

Слово за слово – они разругались. Подружка ушла слегка обиженная.

Той ночью разразилась удивительной силы гроза. Четырёхэтажный сталинский дом буквально сотрясаясь от ударов грома. Молнии были такие яркие, что в её спальне становилось так светло, будто за окном пылал огромный костёр. Свет был именно такой, как от костра, оранжевый, жаркий, как отсвет полыхающего на ветру пламени. Было по-настоящему страшно. Мы с ней не спали, лежали себе, усталые после любви. Я ожидал, что вот сейчас от этого грозного, с треском, с оглушительными раскатами грома случится что-то невообразимо жуткое. Она жалась ко мне, как мне казалось, боясь грозы, но я заблуждался. Она неспешно, но настойчиво домогалась повторного соития.

Позже я не раз убеждался, что она имела склонность к интимной близости в самый неподходящий момент. В такие минуты она становилась очень искусной любовницей, не торопясь, ластилась и ластилась ко мне, становясь всё ласковее, нежнее и слабее, всё женственней. В этом была её всегдашняя сила – быть женщиной каждым своим движением, каждой клеткой своего очаровательного тела. Тут я ей всё прощал. Так она всякий раз заполучала меня всего без остатка, как бы перед тем ни разругались. Препирались же мы частенько, и поводом всегда оказывалось её своеобразное поведение, временами вызывавшее во мне резкое чувство досады и раздражения.

Мало того, что со всяким мужчиной она шаловливо заигрывала, и каждый из них с жадностью пожирал её глазами, но иногда выкидывала такие дерзкие штучки, что мне стоило больших усилий удержать себя в руках. Отчасти от скуки, отчасти для забавы, отчасти следуя за своей природой, она могла что угодно отчудить. К примеру, как-то в людной компании вдруг она вышла из-за стола, с нарочитой неспешностью стянула с себя синее бархатное платье, ловко вскочила на стул и с таким бесстыдством стала извиваться гибким телом, демонстрируя на себе французское нижнее бельё, так что все

оказавшие в изумлении разинули рты. Само собой, смириться с таким поведением я никак не мог, и в ту ночь мы крепко сцепились. Я корил её за скандальную выходку, говоря, что мне ужасно стыдно перед людьми, которые чёрт знает что подумали о ней, да и обо мне тоже, она со страстью убеждала меня в обратном, что-де когда женщина некрасива и плохо одета, то и раздевается неохотно и небрежно. Она же хороша собою и отменно одевается, так что ей плевать на мнение людей. Женщина должна, мол, не только со вкусом одеваться, но и со вкусом раздеваться. Кто бы спорил, в принципе, во многом я мог согласиться с её доводами, особенно в той части, что женщина должна со вкусом одеваться, чтобы со вкусом раздеваться, но не на виду же у людей это нужно делать.

Однако вполне может статься, что не во всём я был прав. Я просто не учитывал, что она сложилась в одних конкретных условиях, а я – совершенно в других. Как сейчас сказали бы, она выросла в продвинутой городской среде, я же происходил из захолустного кавказского села. Ведь это очень важно, среди каких этических норм, запретов и допущений формируется человек. В годы моей юности, скажем, низ женского, тем более девичьего, живота совсем не притягивал меня. Плечи, шея, грудь, лицо, глаза, волосы – да, пленили и завораживали. Но низ живота – нет, никак не волновал. Я как-то во всём этом признался ей, и с тех пор отношения между нами стали незлобиво-насмешливыми.

– Как же, как же, ты ж у нас чист и целомудрен! – бывало, говорила она. – Куда нам, развратным...

– Уж какой есть, – отвечал я в тон. – Зато тебе выпала редкая честь окончательно растлить меня...

А в тот злосчастный день, когда наметился меж нами окончательный разрыв, с утра пораньше её отец заехал с дачи домой и, застав меня в своей квартире кое-как одетым, с толикой шутливости мимоходом заметил: если между вами, мол, молодые люди, назревает что-то серьёзное, то он может похлопотать о двухкомнатной отдельной квартирке. Он заправлял строительством всей области и мог запросто позволить себе такой роскошный подарок единственной дочери.

Но его дочь в тот день распирали совсем-совсем другие заботы. За вечерним чайком она очень просто и обыденно сообщила мне, что скоро придёт сосед с кинокамерой и станет снимать, как мы занимаемся любовью. Я ошеломлённо замер на месте, не в силах выдавить из себя хоть слово. Она же сидела передо мной в лёгкой чёрной комбинации на эффектных тоненьких бретельках и с весёлым блеском в глазах рассказывала о том, как накануне у институтской подружки посмотрела изумительно красивый эротический фильм, который отец подружки привёз из-за границы.

– Но наш фильм будет в сто раз откровеннее и смелее! – с воодушевлением говорила она. – Я ночью всё до мелочей продумала. Сперва, значит, мы появимся в кадре одетыми...

Она всегда-то отличалась непоседливой живостью, обычно её тоненькая, но ладная, крепенькая фигурка не знала ни минуты покоя. Теперь же вовсе разошлась: то вставала из-за столика, ходила взад-вперёд, озабоченная, то снова садилась, со страстью рассуждая о предполагаемом фильме, то опять вскакивала и жестикулировала, стоя передо мной, и я глаз не мог оторвать от её весомых, оголтелых грудей, так и норовивших выпрыгнуть из шёлковой комбинации. К слову сказать, в те годы женщины и девушки в основном ходили в платьях. В те годы женщины и девушки носили под платьем комбинации. Женщины и девушки спать ложились в ночных рубашках или пеньюарах. Ведь времена на дворе стояли пока ещё весьма целомудренные: самая середина благостно-дрёмных семидесятых, она ж такое вытворяла в любовных играх, такие непотребства творила в постели и... теперь самым бесстыдным образом решила запечатлеть всю эту разнузданность на киноплёнке. Впрочем, может, против самой киносъёмки опять же я ничего не имел бы, но как быть с человеком, который должен снимать всё это, как такое-этакое-всякое выделывать пред живыми лучащимися глазами соседа? Хотя к тому времени

не без её помощи я успел порядком изжить из себя свои захолустные предрассудки, но тут оказался непреклонен.

– Ты что – дура? – сказал я ей. – Ты что, совсем рехнулась?!

– Но ты же вроде не возражал? – удивилась она. – Я же тебе...

Задрезжал дверной звонок. Она резво вскочила из-за столика и, как была в комбинации, пошла открывать. Я давно привык к тому, что она почти совсем лишена комплексов. Чаще всего по дому ходила в одном кургузом халатике без пуговиц и без пояса. Иногда я говорил ей, может, всё-таки оденешься, но она с усмешкой отмахивалась: зачем, всё равно скоро раздеваться. Словом, она вышла из кухни отворять дверь, через минуту я тоже выглянул в прихожую, увидел симпатичного молодого человека с увесистой сумкой за плечом и с зачехлённым штативом для кинокамеры в руках. Я поздоровался и вежливо попросил его уйти, но он не обратил на мои слова никакого внимания. Он помедлил, глядя ей в лицо, не иначе как ожидая дальнейших указаний только от неё. После напряжённого молчания она нехотя кивнула, и он без единого слова вышел вон. Она же подошла ко мне и с недовольством в тоне сказала:

– Я не понимаю, чего ты так завёлся? Всё равно он всю меня знает.

– Что значит: он всю тебя знает? И в каком виде ты вышла к нему?

– А то и значит, что с ним я водилась задолго до тебя. А теперь я с тобой, и он к этому относится с пониманием...

Я еле устоял, чтобы не вцепиться ей затрещину, и немедля обулся, молча убрался от неё. Потом я шёл по вечерней улице, и всего меня колотило, как от жуткого холода, хотя стоял тёплый летний вечер и по улицам гуляли толпы нарядно разодетых людей. Шагал себе через людскую толчею, ничего вокруг не замечая, и, кажется, раздражённо разговаривал с самим собой, во всяком случае, иногда на меня с удивлением оглядывались прохожие. В этот вечер я понял, пожалуй, самое главное: что у меня совсем не остаётся сил далее терпеть столь дикие её выходки. Я и раньше иногда по-настоящему боялся, что в один ужасный день не выдержу и ненароком всерьёз отделаю её. Было ж однажды такое, когда я не справился с нервами.

Воскресным днём сидел у неё дома. В редкие минуты спокойствия и взаимной теплоты в наших отношениях я иногда любил, устроившись где-нибудь в уголочке, молча смотреть на неё. Мне нравилось, как она двигалась по квартире, что-то делая, нравилось, когда она с кем-то говорила по телефону и с такой живостью жестикулировала, словно человек, с которым она общалась, стоял рядышком и в чём-то не соглашался с нею. В такие моменты одними только кистями её рук, суховатыми, крепкими, но с нежными заострёнными пальцами, с остро выпирающими на узких запястьях изящными косточками, я мог любоваться бесконечно.

Ах, эти незабвенные косточки на запястьях её рук!..

После совместного обеда, оставив меня одного у себя, она отлучилась к своей закадычной подружке, пообещав, что вернётся через часок, но задержалась почти до полуночи. Всё это время я метался по квартире, то и дело выскакивая на балкон, высматривая, не идёт ли она. Появилась же она, когда я стоял на том же балконе и нервы мои были на пределе. Перед хорошо освещённым подъездом ухарски, со скрежетом тормозных колодок остановилась легковушка, и она с беспечным смехом выскочила из салона, следом длинноволосый водитель, открыв дверцу, слегка высунулся из машины и проводил её весёлым воздушным поцелуем.

Когда она зашла в квартиру и начала нести какую-то чушь о двоюродном братце подружки, я взорвался страшной яростью и отхлестал её по щекам. Потом вне себя от гнева и отчаяния бросился на диван. Через какое-то время она подкралась ко мне вся голая и с поразительной, совершенно неподходящей к ситуации нежностью в течение нескольких минут расправилась со всей моей ревностью, гневом и отчаянием. «Да она бешеная! – подумал я, с трудом вставая с дивана, чтобы пойти в ванную, и, оглянувшись, увидел, что она осталась лежать – вся такая распростёртая и страшно бледная, почти бездыханная.

А в тот вечер, когда сорвалась столь желанная ею киносъёмка, я так и не пошёл домой. До самого утра одиноко бродил по пустынным улицам. Город был почти безлюден. Лишь изредка попадались одинокие прохожие. От хлебозавода, расположенного в центре города, лёгкий ветерок разносил запах свежее испечённого хлеба, и всегда для меня это был, пожалуй, самый приятный запах на всём свете и в ту ночь напоминал мне о домашнем уюте и теплоте отношений между людьми. Тем временем какая-то усталая, тяжкая тишина нависла над городом. Я шагал и шагал себе в одиночестве, как вдруг вздрогнул, когда совсем близко раздался мужской голос:

– Как же так, Таня? – сказал этот голос с болью в тоне. – Как ты можешь?!

У торца высотного дома мужчина говорил по телефону-автомату.

– Как же так, Таня? – повторил он. – Как ты можешь, Таня?..

Вдруг он громко зарыдал – и мне стало неловко. Я быстро проскочил мимо, не глядя в его сторону. Сам он даже не заметил меня. Он безутешно твердил:

– Как ты можешь, Таня?..

Я же стыдливой торопцей уходил дальше и дальше, всё ещё слыша, как он, захлёбываясь рыданиями, умоляюще взывал к какой-то Тане...

На рассвете я забрёл к себе домой, ощущая тупое безразличие ко всему. Прошедшая ночь казалась мне самой бессмысленной и пустой за всю мою жизнь. Не по-людски усталый, двигаясь как в тяжком сне, кое-как умылся, надел свежую рубашку, заварил чай, но пить не стал, снова вышел из дома. Не мог находиться в одиноком домашнем покое, когда на душе такая неразбериха. Во дворе два каких-то незнакомых мужичка выпивали спозаранок, привольно устроившись на скамейке. Мне тоже предложили. Я отказался, сославшись на то, что давненько не пил и не тянет. Мужички оживились, завели разговор о том, кто, когда и сколько времени не пил. Один с гордостью заявил:

– За всю жизнь я лишь только раз шесть месяцев подряд не пил!

А другой ловко подхватил – стал весело подначивать товарища:

– И то, наверное, первые полгода своей жизни, правда, Витёк?..

У них завязалась добродушная перебранка. Я же без определённой цели поплёлся дальше. Было всё ещё очень рано. На улицах по-прежнему совсем мало людей, и те торопливо проносятся мимо. Спешат по своим делам. Цугом проехали три поливочные машины. В моём любимом кафе стулья опрокинуты на столы. Дверь пока заперта. Но там, внутри, как рыбки в аквариуме, бесшумно мелькают женщины. Они мне давно знакомы, но сейчас они не видят меня. Часто я здесь пил кофе, иногда и обедал, а то покупал на ужин жареные говяжьи мозги. Придя домой, вываливал серую массу на сковородку, разогревал на постном масле, заливал куриными яйцами и тщательно прожаривал, получалась отменная еда. Несколько раз я прошёлся туда и обратно перед кафе, однако женщины не заметили меня или сделали вид, что не замечают. Понятное дело – в такую рань у них своих забот полно. А мне так хотелось, чтобы кто-нибудь поговорил со мной. О чём угодно. О любых пустяках.

Между тем я ужасно утомился, ноги отяжелели, голова болела. Я мельком взглядывал на редких прохожих и почему-то испытывал острое, прямо-таки щемящее сочувствие к этим совершенно незнакомым мне людям. Это было что-то новое – ничего такого раньше я за собой не замечал. Почему-то именно в эти минуты я понял, что в жизни я совершенно одинок. У меня множество приятелей, с которыми можно посидеть в кафе или сходить, к примеру, на футбол, однако ни одного по-настоящему близкого человека во всём городе. Я не умел уживаться с людьми. Я всегда был доверчив и наивен, а жизнь вокруг текла всякая, и я порою вспыхивал от малейшей подлости, и потому многие считали, что у меня несносный характер...

Сам того не заметив, вскоре я оказался возле её дома и безвольно рухнул на скамью поодаль от подъезда. Я знал, что мне плохо, гадко на душе – и всё, пожалуй, больше ни о чём конкретном думать не мог. Как это ни дико, я уже сильно хотел видеть её. В принципе, можно было запросто подняться к ней. Я почти был уверен, что она дома одна.

С весны по осень её родители жили на даче. Трёхкомнатная квартира была в полном её распоряжении. Однако меня что-то удерживало, и вскоре оказалось, что интуиция не подвела меня. Около восьми утра она вышла из подъезда с молоденьким пареньком – таким пухленьким увальнем в мешковатом кремовом костюме. Я чуть не задохнулся от возмущения, видя, как беспечно она ведёт себя с ним, что-то весёленькое щебечет, живо всплёркивая руками. Я остро ощутил, как меня захлёстывает чувство гадливости, и, резко поднявшись, двинулся к ним. Она заметила меня и настороженно замерла на месте. Я подошёл и сказал пареньку:

– Ну-ка, пошёл вон отсюда! Быстро, ну!..

– Сам пошёл туда... – окрысился паренёк.

– Что? – шагнул к нему. – Что ты сказал?..

Паренёк благоразумно отступил в сторонку. Потом неспешно достал из внутреннего кармана пиджака очки в золотистой металлической оправе и со старательной солидностью водрузил на свой мясистый нос. Я ненадолго задержал взгляд на его лице и увидел, что он ничуть не выглядел смущённым или растерянным, только совсем немножко казался неуклюжим в своём неприкрытом желании казаться старше.

– Чужестранец, – попытался он издали оскорбить меня, намекая на мою неславянскую внешность. – Вы – чужестранец. Так вот...

– Ты иди, иди давай, – сказала она пареньку с вялой улыбкой. – Ступай, я тебе обязательно позвоню.

Паренёк с явным облегчением пошёл прочь, пряча очки обратно в карман. Правда, он несколько раз оборачивался и как-то чудаковато улыбался мне.

Я спросил её:

– Можешь объяснить, кто он?

– А тебе не всё равно, кто он?

– Он с тобой ночевал, что ли?

– Если даже так, тебе-то что?

– Как – что? Ты же обещала?..

– Отстань от меня сейчас же!

– Что значит отстань от меня?

– Мне всё надоело – всё, знай!

На её лице появилось упрямое и одновременно озорное выражение, скорее всего, она нарочно раздувала скандал. За ней иногда такое водилось: чувствуя за собой очевидный грешок, случалось, как нашкодивший ребёнок, сама первая наскокивала, чтобы сбить меня с толку. Однако на этот раз я не поддался. Собрав всю волю, я внимательнее посмотрел ей в глаза и с удивлением увидел, что где-то глубоко внутри она спокойна и равнодушна, что показалось мне чудовищно неуместным, несуразным и необъяснимым в сложившейся ситуации. Слепое отчаяние охватило меня, и, не понимая, что делаю, я самым нелепым образом обнял её и слегка стиснул. Но она с неподдельной злостью оттолкнула меня, и светлые глаза её стали колюче жёсткими.

Что происходило дальше, я плохо помню, точнее, совсем не запомнил: то ли я тоже толкнул её, то ли произвольно взлетела моя рука и зазвенела пощёчина – решительно не знаю. Вероятно, случился какой-то провал в моей памяти или на время я совершенно потерял голову, но обнаружил себя лишь на другой улице стоящим перед ней на коленях и вымаливающим прощения. Это была жуткая сцена, такая жуткая, что потом ещё долго я не мог без внутреннего содрогания и жгучего стыда всё это вспомнить. Пожилая женщина, проходившая мимо, сказала мне грустным и осуждающим голосом:

– Вставай, милоч, поднимайся – она этого никогда не оценит. Ты убиваешься – а она улыбается себе...

Слова эти привели меня в чувство. Я поднялся и, не оглядываясь, пошёл прочь. С этого момента я охладел к ней. Не сразу, понятно, но этот случай стал последней каплей. Хотя ещё долго мучился, не находя себе места, но внутренне окреп, и когда через месяц, придя

ко мне, она сообщила, что выходит замуж, я почувствовал явное облегчение. Я даже не спросил, кто её избранник, кого так скоренько собирается осчастливить. Но она и правда как-то очень быстро выскочила замуж за того молоденького паренька, с кем встретил её в то злополучное утро и который обозвал меня чужестранцем.

Я вроде с самого начала ясно видел, что она всего лишь вздорная и похотливая самка, но в течение трёх долгих лет любил её против всякого здравого смысла. В те годы я вообще жил одними только чувствами, пребывая в каком-то самозабвенном помрачении. Она была ветрена, пуста и никчёмна, подчас как малый ребёнок, бездумно жестока, но я не мог прожить без неё и одного дня. Расставшись с ней, я стал совершенно ко всему равнодушен. Я ничего не хотел и ничем не интересовался. Окончательно забросил учёбу в университете и все остальные привычные занятия. Правда, пока ещё сутки через трое выходил на службу во вневедомственную охрану.

После целыми днями без дела торчал у себя в комнате, ничего не видя, кроме обшарпанного пола и захудалой обстановки холостяцкого жилья. Безуспешно пытался читать какие-то книги или просто валялся на диване. Такое жгучее чувство щемящей пустоты оглушило меня, что, казалось, если бы произошёл пожар или другое какое неожиданное бедствие, землетрясение, например, я бы не двинулся с места. Изредка, бывало, подходил к окну и подолгу смотрел на улицу. Случалось, там проходили красивые женщины и девушки. Иногда я мысленно раздевал одну за другой – и ни одна мне не нравилась. Всех сравнивал с ней, и все эти красавицы проигрывали ей.

Должен признаться, что в течение всей моей жизни, что до неё, что после, мне везло с женщинами, а самим женщинам, наверно, не очень везло со мной. Как бы они ни любили меня, рано или поздно я легковесно оставлял каждую и безоглядно шёл себе дальше. Пока та или иная женщина была со мной, я ничуть не дорожил ею, напротив, всячески отдалял её от себя, а стоило ей исчезнуть и тут же не появиться другой, прямо-таки сходил с ума. Так что я перед ними в неоплатном долгу – перед всеми моими женщинами. Все они были лучше меня. Все, кроме неё. Но именно с ней я так надолго завяз в неодолимой чувственной трясине.

Когда я с ней расстался, частенько в каком-то удручающем мороке стала мерещиться мне живая картинка: будто она одиноко стоит перед консерваторией и ждёт меня. Я достаю сигареты, мешкая, подойти сразу или постоять, любуясь ею издали. Я никак не могу прикурить, поскольку дует лёгкий тёплый ветерок. Она в красивом шёлковом белом платье. Ветерок слегка треплет её платье, и оно ласково полощет её тело, и от всей её фигуры веет восхитительной чистотой и свежестью. Столь простенькая картинка очень долго преследовала меня. Я всячески отгонял её от себя, но она неотступно возникала пред моими глазами, не оставляя меня в покое. Как будто всё происходило в тяжёлом, вязком сне, и я никак не мог проснуться, как ни старался. Мне вовсе не хотелось кинуться в неодолимом одиночестве, напротив, хотелось жить, веселиться, встречаться с женщинами, может быть, совершать самые сумасбродные поступки. Но меня неотвязно терзала изнуряющая тоска, и на что-то такое мне попросту не хватало душевных сил.

Я с удивлением вспоминал, что иногда стычка между нами могла вспыхнуть из-за сущей мелочи. К примеру, я совершенно не выносил запаха всякой парфюмерии и считал, что лучшим ароматом женщины является её естественный запах, когда от неё ничем больше не пахнет, только чистым телом. В частности, мне было очень по душе, что она не пользовалась никакой косметикой, полностью полагаясь на природную яркость своего лица. Разный аромат имеют, к слову сказать, и различные части женского тела: кожа, волосы, груди и прочие интимные места. Так вот, мне очень нравился запах её тела, но она, как назло, выходя из дома со мной, душилась самыми сильными духами. Притом делала это с особым шиком. Неторопливо раздевалась перед зеркалом донага и сколько-то стояла, с интересом оглядывая своё стройное тело, после начинала легко, изящно, как-то вкрадчиво касаться надушенной подушечкой указательного пальца висков, за ушами, шеи, волос, грудей, подмышек, запястий, пупка и паха. Со стороны это походило на весьма

занятный ритуал, и я поневоле издали подглядывал за всем этим, заодно любясь восхитительным цветом её кожи, сочной дынной мякотью лоснившейся под ярким электрическим освещением.

После того позорного случая, когда я ползал перед ней на коленях, неизвестно за что выклянчивая прощения, я больше не ходил к ней и не звонил. Однако сама она изредка навещала меня. Приходила даже после того, как вышла замуж, а затем и забеременела, вплоть до самых родов забегала. Со временем стала появляться и с новорождённым, оставляла ребёнка спать в коляске под моим окном и заходила пообщаться. С самого того дня, когда между нами произошла окончательная размолвка, из наших отношений само собой исчезла сексуальная составляющая, и я считал, что нас больше ничего не связывает, что мы стали совершенно чужими людьми и что всякое общение между нами должно прекратиться. Во всяком случае, сам я почти никаких особых чувств, помимо легкого волнения и вполне понятной досады, от её визитов не испытывал. Теперь-то, по истечении многих лет, иногда мне казалось, что тогда вовсе не любовь так скоро угасла во мне. Просто я страшно устал терпеть её необузданные выходки и с немалым усилием воли отдалил её от себя. Правда, вполне может статься, что вовсе не от любви я так долго страдал, а всего лишь от страстной влюблённости...

Как бы там ни было, мне приходилось подолгу терпеть эти постные посиделки и толковать с ней о каких-то пустяках. Разговаривать нам, собственно, было совсем не о чем. Былые ваши отношения, не сговариваясь, обходили стороной. Книг она никаких, кроме модных в те годы исторических романов Пикуля, практически не читала. Весь остальной её мир, связанный с кратковременной, до декретного отпуска, работой под началом отца, с институтскими подружками, дефицитными тряпками, а в дальнейшем и с материнскими заботами о младенце, меня мало занимал. Потому иногда мы сидели и томительно долго молчали. В такие минуты у меня складывалось впечатление, что она хочет сказать мне что-то очень важное, но никак не может отважиться. Отчего и сама мучается. Впрочем, слишком непохожие интересы двигали нами в этой жизни, и порою попросту мы не понимали друг друга. Помнится, как-то она зашла ко мне, когда я сидел на диване и, вытянув ноги на табурет, читал себе.

– Ой, как страшно ты живёшь! – воскликнула с досадою. – Сидишь один и читаешь. Как ни приди к тебе, всё читаешь или пишешь что-то. С ума можно сойти. Никто так не живёт. Никто!..

После этого её посещения я окончательно убедился, что мы абсолютно из разного теста и предназначены для разной выпечки. Так что я искренне обрадовался, когда со временем она перестала ходить ко мне. Хотя всё равно в течение многих лет я никак не мог привыкнуть к её отсутствию. Никакая другая женщина не могла полноценно занять её места. Я продолжал думать о ней, в своём воображении восхищаясь её телом и ещё какой-то неуловимой внутренней прелестью, которую я не в силах был с ясностью определить для себя. Мне казалось, что в ней сокрыто что-то ещё, помимо внешности и пылкого темперамента, что рождало во мне томительное совокупное ощущение, состоявшее из щемящей грусти и чрезмерной чувственности. Более того, всякий раз в момент интимной близости с другими женщинами я невольно зажмурился и представлял исключительно её в своих объятиях. Впрочем, это-то как раз понятно – слишком глубоко она сидела во мне.

Интересно совсем другое: что бы она ни творила, пока я с ней водился, какую бы гадость ни выкинула, я прощал ей буквально всё – вплоть до мордобития. До сих пор никак не могу забыть такой прескверный и вместе с тем анекдотичный случай. В ту пору я редко пил и быстро пьянел и потому по возможности избегал бражных застолий. Но однажды всё-таки пришёл к ней сильно навеселе и с игривыми шутками заманил её в постель. Мы лежали, и она ласкала меня, сам я ничего не делал, просто валялся себе на спине, распротёрши руки, она же старалась, и единственное, что я чувствовал, что мне

приятно, больше ничего не испытывал, такой в стельку пьяный, и, внезапно провалившись в сон, наверное, всхрипнул и подскочил от сильных ударов по лицу.

– Ах ты гад!.. Гад!.. Уснул! Я и так, и эдак!.. А ты уснул, уснул!..

– Да ты что? Ты что это? Перестань! Ты что? Кровь же из носа!..

Тогда я ушёл от неё со слегка уязвлённым самолюбием. Было обидно, что любимая женщина в кровь разбила мне физиономию. Нужно попутно заметить, что при относительно хрупком сложении у неё были достаточно крепкие руки и сильные пальцы, поскольку в школьные годы серьёзно занималась фехтованием. На другое утро она появилась у меня с таким беспечным видом, как будто ничего такого существенного между нами не произошло. Это было так похоже на неё...

Я долго не находил ответа, как ни старался, думая о том, что, собственно, в ней нравилось мне, что было такого в наших отношениях, кроме обоюдного чувственного влечения, что в своё время я так безрассудно увлёкся ею, а впоследствии, когда мы со скандалом расстались, так часто думал о ней и неизменно – с удивительным чувством нежности. Во-первых, это одна из поразительных черт подлинной моей сути: со временем из моей эмоциональной памяти подчистую выветривается всё плохое, а во-вторых, после долгих раздумий я понял, что, по большому счёту, самое существенное, что дала мне моя привязанность к этой женщине, что как незаменимый урок я извлёк из нелёгкого трёхлетнего нашего общения: она научила меня культуре любви женского тела. Она открыла мне, быть может, сама того не ведая, целый мир новых ощущений и чувств, и, надо признать, это было великое искусство, ничуть не меньшее для меня по значимости, чем опыт приобщения и последовательных открытий в музыке или поэзии. Можно сказать, что это было моё первое знакомство с настоящей женственностью, что до неё я совсем не знал всей сложности женской природы, не догадывался о мельчайших нюансах любовной игры и в отношениях с женщинами руководствовался всего лишь заурядными врождёнными инстинктами. К тому же выяснилось, что искусству любви нужно учиться так же трепетно и усердно, с полной отдачей душевных и физических сил, как и всякому другому искусству. Из всех бесконечных сумасбродных её поступков, из всей сложной женской её самости я больше не вынес ни одного мало-мальски значимого позитивного впечатления. Зато долгие годы моё воображение неотступно тревожили обыкновенные мелочи, связанные с её образом, и буквально все они, как ни странно, впоследствии были окрашены для меня в светлые и желанные тона.

У меня сохранилась её фотография. Иногда я случайно натыкался на эту карточку, смотрел на её изображение в полный рост и из всего, что между нами в своё время происходило, с удовольствием вспоминал её осанку, походку, жесты, позы, жестыкуляции, тембр голоса, блеск глаз и, самое главное, её запахи, запах её кожи, её волос, её дыхания, её подмышек, запах её спальни, запах её жаркого интимного шёпота, запах её безмерной пылкости, запах её тихого сна – казалось, обыкновенный чёрно-белый снимок сохранил все запахи её мира. Только лишь спустя много лет я убедился, что в отношениях между мужчиной и женщиной именно естественные их запахи провоцируют безудержное чувственное влечение и невидимыми, но крепкими нитями соединяют, казалось бы, совершенно разных по характерам, темпераментам и вкусам людей.

Между тем жизнь своим чередом шла себе дальше. Я не видел её чуть больше двадцати лет, несмотря на то, что мы жили в одном городе. Я существовал в своём замкнутом мирке и никогда не искал с ней встречи и почти ничего не знал о ней с тех самых пор, как она перестала ходить ко мне. Только однажды как-то вечером случайно встретил на трамвайной остановке ту самую подружку, с которой когда-то впервые увидел её, и у меня произошёл с ней немного странный разговор.

– Пока вы были вместе, у неё ни с кем ничего не было, – сказала она с грустью. – Ты был первым её мужчиной, а муж – вторым. Вот и всё.

– Да брось ты! – с улыбкой отмахнулся я. – Я так натерпелся от её выкрутасов. Не нужно теперь делать её такой белой и пушистой. Кстати, как у неё с муженьком, ладится?

– А никак! – резковато и с досадою в тоне ответила подружка. – Они прожили-то всего три года и разбежались. С тех пор она всё одна и одна. Знаешь, что я тебе скажу: ты тогда так и не раскусил её. Все эти её, как ты говоришь, выкрутасы – всего лишь глупая внешняя рисовка. У неё был какой-то бзик на этой почве. Внутри она совсем другая. Уж я-то её знаю, поверь мне, всё ж с первого класса вместе. Теперь иногда прихожу к ней, случается, застаю всю в слезах, и так жалко её становится, так жалко. Такая красавица – и такая незавидная судьба сложилась...

С этих её слов у меня завихрилась такая сумятица в голове, что далее я плохо понимал смысл всего, что она говорила мне, и, находясь в некотором замешательстве, не решился обо всём расспросить подробнее. К тому же поначалу мне показалось, что загадочная её подружка всё немножко преувеличивает, во всяком случае, как я ни силился, никак не мог представить свою бывшую пассию плачущей. Правда, чуть позже я также заметил за собой, что ни о чём прошедшем не сожалею, что на всё, что некогда происходило между нами, теперь смотрю как бы чужими, холодными глазами.

Прошло где-то ещё лет пять, и я лицом к лицу столкнулся с ней самой. Она шагала навстречу под руку с элегантным молодым парнем и, увидев меня, так очаровательно заулыбалась, будто расстались мы не далее как вчера и очень хорошими друзьями. Я поздоровался, задал какой-то пустячный вопрос и, не слушая, точнее, не слыша её ответа, несколько мгновений откровенно разглядывал её. Парень тем временем вежливо отошёл в сторонку. Она заметно потускнела, конечно, хотя по-прежнему выглядела стройной и подтянутой, но возраст с неумолимой явностью сказался на её лице в виде лёгкой одутловатости щёк и весьма заметных морщин на лбу.

Я чувствовал себя слегка оторопелым, и разговор определённо не клеился. Так много лет минуло в разлуке, что ничего общего не осталось, и поддержать нехитрое уличное пустословие было теперь совсем нечем. Ко всему прочему я немножко стыдился своего обличья. С приходом новых времён я чем только ни занимался, хватался за всякую работёнку, чтобы хоть как-то обеспечить семью. А на себя как бы махнул рукой, одевался во что придётся, один из передних зубов отсутствовал – словом, жизнь в те годы не щадила меня, и, как ни пыжился, я выглядел порядком потрёпанным. Она же на моём фоне, судя по тому, с какой уверенностью держалась, изысканно одетая и вся ухоженная, какие дорогие украшения носила на пальцах, на шее и на мочках ушей, казалась вполне успешной. Всё ж таки с натужной старательностью поговорили о каких-то отвлечённых мелочах, под конец я не выдержал и самым глупым образом съязвил:

– Всё на молоденьких западаешь?

– Господи, какую чушь несёшь! – возмутилась она. – Это сын мой.

Чуток пристыженный, я с интересом глянул на парня, и его худощавое, со впалыми щеками лицо показалось мне знакомым. То ли где-то видел парня, то ли обличьем он кого-то напоминал мне, я так толком и не понял...

Александр ДИВЕЕВ

Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольщино Кистендейского (ныне Ртищевского) района Саратовской области. Публиковался в журналах «Волга–XXI век», «Кастальский ключ» (Москва), «Природа и человек. XXI век» (Москва), «Странник» (Саранск), альманахах «Стрежень» (Тольятти), «Литературный Саратов», в коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Звезда Антарес», «Плащаница Души», «На кресте любви». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014».

БИРЮЗОВОЕ КОЛЕЧКО**КРАЙ ТЫ МОЙ**

Никогда я не был на Босфоре...

С. Есенин

Край ты мой...
Здесь ни грусти, ни жажды.
Отдыхаю в трудах, в тишине.
Мать спросила меня однажды:
«Как там было, на этой войне?»

...Нарываясь в горах на засады,
В жарких схватках друзей я терял.
И, как отблеск кромешного ада,
Мне всё снятся Кабул, Кандагар...

Но о службе рассказ мой туманен,
Не вступал, мол, с душманами в бой,
Ну, а то, что я всё же был ранен, –
Это, знаешь ли... пулей шальной.

Много дел есть на родине милой,
Но живёт в тихом сердце Афган.
«А уйду, – я прошу, – на могиле
Посадите мне чёрный тюльпан...»

***

«Раскинь, раскинь, цыганка, карты,
Открой всю правду, не жалея,
Иль теплотой обманных чар ты
Беспечно сердце мне согрей.

На склоне лет я стал изгоем
В краю, где солнце месит грязь,
Где с Богом посланной душою
Как свечка жизнь моя зажглась.

Как одиноко у причала
Уплывших в Лету светлых дней...
Никто не ждёт в деревне старой
Меня на родине моей:

Ни кочки вечные, ни ямы,
Ни тополь в стареньком пальто,
Ни дом родительский, ни мама,
Ни пруд заиленный. Никто!

Я одинок на родине душою.
Зачем, цыганка, расскажи,
Меня со светлою тоскою
Всё манят эти миражи?

Зачем же память, словно реку,
Всё поворачиваю вспять?»
Цыганка опустила веки
И стала карты тасовать:

«Терзаннями души не трогай
И не печалься ни о чём:
Тебя ждут... дальняя дорога
И дорогой казённый дом».

* * *

В бездонном безмолвии светлого мрака
Ищу твою душу в мерцании звёзд...
Прости меня, мама, прости, что не плакал,
Тебя провожая на горький погост.

Не мог же, как искру, зажечь я слезинку –
В душе бы снедаемый вспыхнул пожар.
И с детства знакомой до боли тропинкой
Я, бледный как саван, за гробом шагал.

Я думал о ласточке, в сени впорхнувшей.
За нею следили, почти не дыша.
И я, на мгновенье от горя очнувшись,
Смотрел, как с тобою прощалась душа.

Венки. Табуретки. Ногами к востоку
Поставили гроб. Кто-то взял молоток.
И не было мне ещё так одиноко,
Но встречи опробован нашей манок.

Ты только не жди, береги свои силы
И не беспокойся в небесной дали...
Минуты прощанья... Я бросил в могилу
Горсть разных монет и пригоршню земли.

Ах, мама! Я знаю, что будет непросто
Тебе из неведомых тайных миров
Смотреть, как сутулясь стою на погосте
В немом окруженье оград и крестов.

В бездонном безмолвии светлого мрака
Ищу твою душу в мерцании звёзд...
Прости меня, мама, прости, что не плакал,
Тебя провожая на горький погост.

БИРЮЗОВОЕ КОЛЕЧКО

Вале Дивеевой

Я провожу бережно,
Едва касаясь кончиками пальцев,
Трепетной ладонью по пахнущим
Поздней ромашкой волосам,
Тронутому паутинками морщинок лбу,
Удивлённым бровям,
Вздрагивающим ресницам
И смотрю задумчиво, заморожено
В голубые, как юное летнее небо
Когда-то, усталые глаза...
Я осторожно касаюсь губами
Мочек твоих ушей, тёплых уст,
Принявших в чудесной юности
Мой первый поцелуй,
Готовых раскрыться бутон
Милой улыбки щёк...
Я словно ищу в опавшей золотой листве
Только что обронённое дорогое колечко,
Которое хотел надеть на твой палец,
Но нечаянно, от волнения, уронил его.
Бирюзовое колечко счастья...
Голубое колечко
Моей непреходящей
Любви к тебе...

ОГНИ

От любви мне стало холодней,
И давно от страсти не пьянею...
Гонит Муза, гонит лошадей,
Я не знаю, что творится с нею.

Гаснет вечер, ночь уже близка,
И ямщик мой плётки не жалеет.
Пышут жаром вороных бока,
Дождь холодный душу мне лелеет.

Далеко ли? Времени в обрез?
Это, друг мой, лишь Всевышний знает.
Как благословение небес
Призрачно огни вдали мерцают.

Кто-то всё же пустит на ночлег –
На Руси жить без добра устали.
С Музой, как с подругой светлых лет,
Проведу я ночь на сеновале...

ЧУЖИЕ ВОДЫ

Подлодкой чёрной в море белом
Плыву в пронзительной тиши.
Я весь под водами, а тело –
Лишь перископ моей души.

Давно расстался с отчим краем,
Но в думах светел он и тих.
И годы долгие блуждаю
В нейтральных водах и чужих.

Давно, давно я в море вышел.
И разрывают душу сны:
В родном краю засохли вишни,
И прежней нет уже страны...

И давит чёрное безмолвье,
И топит в думе роковой:
«Зачем, зачем мне нужно море,
Коль стала мне земля чужой?»

Подлодкой чёрной в море белом
Плыву в пронзительной тиши.
Я весь под водами, а тело –
Лишь перископ моей души.

Миллана НОВА

Миллана Нова родилась в Симферополе. Занималась творчеством и в школьные, и в студенческие годы. Получила высшее техническое, гуманитарное и музыкальное образование. Её трудовой стаж – от корреспондента военной газеты (Россия) до преподавателя NASA (США). В Хьюстон Миллана Нова переехала, выйдя замуж за Олега Леонидовича Новинькова, уроженца Саратова, специалиста в области космической медицины, ветерана войны в Афганистане, автора изданной в США и России книги «Афганский бумеранг». Миллана Нова – автор более трёхсот стихотворений. Печаталась в газетах и журналах России и США. На её стихи написано более 80 песен. Песни – в десятке лучших в хит-парадах радио. Автор трёх музыкальных альбомов. Член американского авторского союза композиторов и издателей – SESAC.

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ...**ДЕРЖИСЬ, МОЙ ДРУГ...**

Держись, мой друг, не умирай.
Пусть солнце не иссушит зноем,
И облака из птичьих стай
Всю боль твою возьмут с собою.

Держись, мой друг, не умирай.
Пусть ветер забинтует раны,
Вдохнёт в тебя бодрящий май
Бальзамом из ромашек пряных.

Держись, мой друг, не умирай.
Пусть реки охладят водою.
Но только льётся через край
Кровь, опалённая войною.

Держись, мой друг, не умирай.
Пусть светом станет мгла сырая.
За этот ад нам послан рай,
Но где же он – никто не знает.

Не унывай, держись!
Даст снова руку жизнь,
Ещё мы поживём,
И выпьем, и споём
О том, что на войне
Мы ценим жизнь вдвойне
И слово «друг» для нас
Звучит сильнее в сто раз!

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Последний бой – он был вчера.
Но снова в горле горький ком,
И снова чёрная дыра
Всё поглотила целиком.

Смешались небо и земля,
И воздух – с привкусом песка.
Стремится вечность до нуля
Свистящей пулей у виска.

Предательски дрожит рука:
Я нажимаю на курок –
Но нет знакомого щелчка.
Спаси и сохрани нас Бог!
А тень плывёт издалека,
Не чувствую своих шагов,
И обрывается строка
По линии из облаков.

А мысли, путаясь, летят
И леденеют от ветров,
Как будто это снегопад
Из окровавленных бинтов.
И грозовые облака
Ложатся пеплом на ладонь,
И обрывается строка,
Когда звучит приказ: «Огонь!»

Забывать нельзя
Войны глаза.
Всегда со мной
Последний бой...

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ

Если я не вернусь, не завянут цветы.
Если я не вернусь, не пожухнет трава.
У меня в жизни есть только небо и ты.
Если я не вернусь, значит, жизнь не права.

Если я не вернусь, помолись за меня,
Пусть навывлет с души все сорвутся слова.
Если даже любовь не спасёт от огня,
Значит, тысячу раз эта жизнь не права.

Если я не вернусь, плачем до хрипоты
Встретит ветер меня в приближеньи к нулю.
Может, в это мгновенье появишься ты,
И успею сказать, как тебя я люблю.

Если я не вернусь, отпоёт меня дождь
И укроет в холодных объятьях листва.
Ты другую любовь, может, скоро найдёшь
И, конечно, по-своему будешь права.

И надрывается с болью в душе струна.
И замирает молитвы последний слог...
Раз на войне умирают, зачем она?

Если любовь не спасает, зачем нам Бог?

Падает сердце, и рвётся в душе струна,
Трудно дышать, и уже не хватает слов.
Люди, скажите, зачем вам нужна война,
Если на свете есть счастье и есть любовь?

Татьяна КУЗНЕЦОВА

Татьяна Анатольевна Кузнецова родилась в 1954 году в Перми. С 1956 года живёт в Энгельсе. Окончила исторический факультет СГУ имени Н. Г. Чернышевского. Публиковалась в журналах «Эдита», «Корни», «Волга–XXI век», в альманахе «Другой берег». Автор 20 книг поэзии, прозы, эссе. Член Союза журналистов России.

ПО ВОЛГЕ: ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА РАДОСТЬЮ

Журнальный вариант

1

Ну вот и сбылась моя давняя мечта: проплыть по Волге на белом теплоходе. Мечта такая давняя, что уже как бы и мечтой быть перестала – так, лёгкая грусть о несбывшемся. То не было времени, то денег, а чаще – того и другого сразу...

И вдруг, в одночасье, всё совпало – и я оказалась в нужное время в нужном месте. Муж, с явной ссылкой на знаменитую фразу из «Бриллиантовой руки» «Шуба подождёт...», сказал: «Баня подождёт...» И философски добавил: «Сколько той жизни осталось...»

Когда друзья, узнав о моём предстоящем путешествии, в один голос говорили: «Завидую тебе!», я всем неизменно отвечала: «Я сама себе завидую». И это была не рисовка, а чистая правда.

И вот окончены дорожные хлопоты, сборы, волнения. Уезжаю почти на две недели. Вот он, мой белый теплоход с ностальгическим названием «Октябрьская революция». Да, не океанский сверкающий лайнер, не великолепная яхта, но для меня в нём воплотилось всё это, и ещё большее: я опять убедилась, что мечты сбываются. Иногда даже вопреки нашему пессимизму.

И я сказала себе: «Какие бы ни были у тебя тут мелкие или даже крупные неприятности – всё равно радуйся!»

Разложив вещи в небольшой, но вполне уютной одноместной каюте, вышла на палубу сделать первые снимки этого путешествия. И выяснила, что с воды и наш левый низкий берег, и высокий правый, и мост, и дома – всё выглядит по-другому. Начала радоваться.

2

Больше часа провела на вступительной беседе-инструктаже. Получила массу информации – и по технике безопасности, и по распорядку дня, и по экскурсиям в городах, где мы будем стоять, а их много – и больших, и не очень. Гулять так гулять – и я сразу купила все экскурсии, кроме Нижнего Новгорода и Казани, где я побывала в прошлом году. На Казань у меня особенный план – там живёт моя одноклассница, с которой мы не виделись, считай, со школы. Я сумела узнать её телефон, созвонилась, наверное, изрядно удивив Елену, и договорилась о встрече – как раз будет воскресенье.

Время разбрасывать камни, и время их собирать... Именно такое время – собирать камни – наступает у каждого человека, у одного раньше, у другого позже. И тогда начинаются встречи с прошлым: звонки по старым номерам, визиты по полузабытым адресам... Для чего-то это нужно душе. Не знаю точно, для чего, но думаю, что к концу жизни возникает острая потребность «остановиться и оглянуться». Вот и я несколько

последних лет не прохожу мимо возможности встретиться со своим прошлым. Может быть, чтобы яснее понять настоящее.

Вы говорите, что такая тяга к прошлому наступает не у всех? Подождите...

3

Первая остановка – «зелёная стоянка» на Усовском острове. Хорошая погода, хороший песчаный пляж. На берегу рыбный базарчик – это «аборигены» с того берега устроили продажу волжских деликатесов для туристов, ведь здесь стоянка у многих теплоходов.

С удовольствием пару раз окунулась и поплавала. Но откуда-то нанесло «зелёной» воды – с водорослями. Купаться в ней не очень хочется. Вернулась в свою каюту.

Разобралась, как работает душ (отдельной кабинки нет, просто «лейка» присоединена к крану). И мой женский ум никак не мог уяснить: а куда же будет сливаться вода? Долго искала сливное отверстие и наконец обнаружила его – совсем незаметные дырочки в полу прямо под маленькой раковиной, у трубы. Попробовала – работает. Ура, значит, мой технический кретинизм не окончателен. Радуюсь.

4

Познакомилась с арт-директором Ириной Васильевной. Ну что к нам прицепилась эта манера называть обычные профессии на иностранный манер? Сразу вспомнился Маяковский:

*Он был монтёром Ваней,
Но... в духе парижан,
Себе присвоил званье:
«Электротехник Жан».*

Нет, думаю, в каком-нибудь элитном клубе, где тусуются vip-персоны, словосочетание «арт-директор» звучало бы уместно. Но здесь, на обычном волжском теплоходе, на мой взгляд, как раз в самую пору слово из советской эпохи – «массовик-затейник». Какой «арт»? Какой «директор»? Ирина Васильевна – самый что ни на есть настоящий массовик! И затейник тоже. И по внешности, и по сути своей не самой лёгкой работы.

Я договорилась с ней, что она поставит куда-нибудь в свой график и мой авторский вечер. Она даже обещала мне найти аккомпаниатора для моих песен.

Кстати, музыканты – как сейчас принято говорить, «живая музыка» – тоже есть на «Октябрине» (так в просторечии называют наш теплоход). На отплытии из Саратова солист Юра честно отработывал свой тоже не самый лёгкий хлеб: пел на главной палубе разные весёлые песни, разумеется, не забыв «Ах, белый теплоход...» А несколько девушек махали ленточками и мишурой. Пел Юра... хм-м... ну как сказать? Если не придирааться к голосу и чистоте исполнения, а также к репертуару – в общем, нормально и с настроением. Я видела, что пассажирам, стоящим рядом, нравится – многие подпевали и пританцовывали. Ну, весело людям, не каждый год они могут, наверное, позволить себе проплыть пусть даже на таком старом кораблике из пункта А в пункт Б.

Лето, Волга, теплоход, музыка... Ну и, значит, всё к месту.

5

«Октябринка» наша, как я поняла, занимается «круговым извозом»: совершает постоянные рейсы от Астрахани до Москвы и обратно, заходя в разные города. И можно купить себе совсем небольшой кусочек этого круиза. Многие, например, плывут «в один конец» – то есть от родного города до какого-то другого, а оттуда уже возвращаются домой другим транспортом. В принципе, удобно, путешествие на любой кошелек. Одно только

плохо в таком круизе: постоянная смена попутчиков. Мне бы хотелось, чтобы была одна и та же компания. Но, возможно, кому-то как раз это и приятно.

6

Гуляла по палубе, сидела то по правому борту, то по левому, то на корме. Чудесны наши волжские пейзажи: высокие обрывистые горы, перелески, зелёные острова, прибрежные сёла. По берегам там и сям люди, палатки, машины. Однако почти нет на Волге катеров и лодок, как когда-то.

Особенно интересно смотреть на «стоянки» на островах: понимаешь, что люди приехали не на вечер, а как минимум на несколько дней. Пытаешься разглядеть их нехитрый быт. Вот кострище, вот палатка, вот пляжик с надувным матрасом, а вот и средство передвижения – лодка. Представляешь тихие вечера у костра, на котором варится в котелке «двойная» или даже «тройная» уха, простые разговоры, молчание, небо, полное ярких летних звёзд, плеск воды. И раннее утро, когда солнце только-только поднимается над широкой водной гладью, когда прохладный ветерок заставляет ёжиться и накидывать тёплую куртку, когда песок, днём обжигавший босые ноги, влажен и прохладен...

И у меня были такие острова, такие бивуаки, такие вечера и такие восходы. Тогда, в детстве, казалось, что в них нет ничего особенного. А так помнится!

Господи, помяни во царствии Твоем их – подаривших мне эти воспоминания! Я теперь одна на земле помню всё это.

7

После ужина, гуляя по палубе, познакомилась с двумя женщинами из Саратова. Поболтали обо всё понемногу. Женщины пытались пожаловаться на еду. Она, конечно, не лучшая, но и не худшая. Я сказала, что в этой поездке решила радоваться всему, поэтому не хочется всё это обсуждать. Сошлись на том, что действительно надо стараться не обращать внимания на всякие мелочи. Главное-то: мы плывём по Волге!

Вечером была развлекательная программа «Весёлые посиделки»: нехитрый набор из шлягеров в «живом» исполнении баяниста, конкурсы. Потом были танцы, с которых я ушла.

Само по себе сидение в ночи на палубе, с проплывающими по берегам огоньками сёл, тёмными островами, приятным ветерком от воды, наконец-то прогнавшим жару, – это удовольствие. И «посиделки» этому удовольствию вроде бы не мешали.

После «посиделок» арт-директор подошла ко мне с милой женщиной по имени Наташа. Наташа – второй музыкант на теплоходе (пианино, синтезатор), а первый – не по профессионализму, а по рангу – баянист и пианист Саша. Я отдала ей ноты и договорилась о репетиции.

Уже ложилась спать, когда в каюту постучали: пришла недавняя знакомая Марина, чтобы позвать меня на танцы. Я отказалась, но она настаивала хотя бы на том, чтобы завтра я непременно... Я ответила, что подумаю, и она ушла.

Закрыв дверь, я усмехнулась: мы, люди, постоянно пытаемся на кого-то давить, чтобы выторговать себе некие преференции. Марине явно недостаточно было общества Полины – со мной ей было интереснее, и она попыталась заполучить меня «в своё пользование». Увы! Я нынче, к счастью, научилась говорить «нет». У меня на это путешествие свои планы, и я буду распределять своё время так, как хочется мне.

Долго не могла заснуть. Услышала ночной дождь, хотелось выйти на палубу, посмотреть, но лень одолела...

На следующее утро проснулась довольно рано и, приведя себя в порядок, пошла гулять по палубе. День был не такой жаркий, как вчера, солнышко пряталось за облаками.

Пейзажи волжские опять радуют. Сидела на носу парохода, смотрела на извилистый фарватер (идём у Самарской Луки). Немного замёрзла на ветру, но уйти никак не могла: так завораживает плавное скольжение по водной глади.

Разговорились с Алей из Астрахани (они едут вдвоём с мужем) о предстоящей сегодня экскурсии в монастырь. Аля бывала за границей и сказала, что там «тоже красивые монастыри». А я не согласилась: там красивое, но чужое. Мне любой наш совсем простенький и бедный монастырь такой родной! Там ты в гостях, а здесь – дома. Вот и вся разница.

Днём побывали в мужском Свято-Богородичном Казанском монастыре у села Винновка. Вообще-то Винновка обозначена как «зелёная стоянка», но я выбрала экскурсию. И не пожалела. К тому же погода явно портилась: весь день было пасмурно, прохладно, иногда шёл дождь.

Большой, прекрасный ансамбль монастыря – новодел. Очень необычная для России архитектура: деревянные балкончики, галереи по всему второму этажу, внутренний дворик. Сказали, что архитектор, строивший здания монастыря, взял за образец монастыри Афона. И действительно, что-то южное просматривается во всём облике монастыря.

В одном из храмов, к своему удивлению, увидела редкую у нас икону святителя Нектария Эгинского с мощевиком. А я собиралась в одном из будущих номеров нашей газеты «Милосердие» дать статью о нём. Так хотелось рассказать об этом святителе, которого я сама для себя недавно открыла. И переживала немного: вдруг рассказ о практически неизвестном у нас святом будет не очень интересен читателю? И вот – ответ. Дерзнула попросить у святителя Нектария благословения «написать о нём». И только когда попросила – осознала, что мне-то самой написать о нём нечего. Как жаль!.. Но зато, приехав домой, я теперь обязательно приведу в нужный для газеты формат большую статью, найденную в интернете. Радуюсь!

Через несколько часов прибыли в Самару и отправились на экскурсию по городу, с посещением бункера Сталина. Странно, конечно, посещать место, где Сталин никогда не был, да ещё спускаться на 19 этажей!.. А главное – потом подниматься...

Самара понравилась. Большой современный город-миллионник. Красивая, зелёная, ухоженная набережная, протянувшаяся на семь километров – самая длинная на Волге. И везде – песчаный пляж, тоже благоустроенный. Какой контраст с бедным Саратовом, вообще не имеющим хоть сколько-нибудь хорошего пляжа, не говоря уж о набережной, когда-то бывшей одной из лучших в Поволжье!

Самара поразила и обилием современных многоэтажек. Разве учесть те три «иглы», которые «воткнули» в Саратове у самой воды, наплевав на водоохранную зону?

Нам, к примеру, показывали на самом деле замечательный образец модерна – дом самарского купца. Кстати, сейчас в этом доме – музей модерна. И экскурсовод сказала, что этот дом, упомянутый в романе А. Толстого «Хождение по мукам», – лучший образец этого архитектурного стиля в Поволжье. Как мне хотелось возразить: «А старый центральный Саратов!..» Я небольшой знаток, и то могу с ходу назвать, по крайней мере, три дома в стиле моего любимого модерна в Саратове! Эх, а хотела только радоваться...

Бункер Сталина всё же посмотрела. А подниматься вверх на 37 метров не пришлось: разрешили воспользоваться лифтом. Радуюсь.

Вечером, когда уже стемнело, часов в девять, вдруг резко изменилась погода: налетел ветер, похолодало. Слава Богу, я нашла мужчину, который сумел закрыть окно в каюте. Опускать его мне тоже помогали. Так что впоследствии, невзирая на погоду, окно у меня было постоянно закрыто, зато работал кондиционер. И это радовало.

11

Первый раз проснулась очень рано, ещё затемно, часа в три. Вид за окном не внушал оптимизма: всё небо в тучах, Волга хмурая и неприветливая, в белых барашках волн. Ну да ладно, ведь «у природы нет плохой погоды». С этой благой мыслью я и заснула вновь.

Встав около семи часов, убедилась, что погода действительно переменялась. Сунулась на палубу в лёгком платье – и даже шагу не сделала, так ветрено и прохладно было там.

Когда я положила в чемодан ветровку, шерстяной свитерок и джинсы, то сама подсмеивалась над собой: всё-таки я зануда, постоянно себя подстраховываю и думаю: «Как бы чего не вышло...» А вот поди ж ты, прошло всего два дня – и моя «подстраховка» понадобилась! И я упрямо пошла гулять, дышать действительно свежим воздухом.

А воздух – он в такую ветреную погоду перестаёт быть душным и стоячим, он пахнет водой, он летит куда-то, он – живой! Так что я замечательно погуляла, жаль, что никто из пассажиров не захотел подышать со мною вместе.

Свежий волжский ветер не только хорошенько взбодрил меня, но и навеял совсем неплохие строчки стихов.

Я нашла на палубе уютный уголок: широкая деревянная скамья находится в небольшой нише, перед лесенкой наверх, в рулевую рубку. На скамье можно устроиться с ногами, опираясь спиной о стенку, делающую здесь прямой угол, так что скамья оказывается «в затишке». Вот так я и сидела, когда начали приходить первые строчки. Сходила за ручкой и тетрадкой, вернулась и стала записывать – почти без помарок. А в это время мимо меня быстро пошли наверх матросы и ещё какие-то члены команды. «Ох, – подумала я, – у них, наверное, там в это время планёрка... или, как это здесь называется...»

Да, мы плывём – отдыхаем, а команда плывёт – работает. И у нас только одно общее: все мы плывём на одном корабле. Вот бы политики тоже, хотя бы периодически, вспоминали об этом.

12

Перед обедом был сборный концерт: выступали и музыканты, и танцоры, и отдыхающие, которых здесь называют «туристами». Каждый старался как мог, конечно, в меру данных ему Богом талантов.

Я выступила вроде бы неплохо, даже более-менее профессионально на фоне остальных участников... Нет, не буду, не буду говорить подробно! Во-первых, это неправильно по отношению к людям, которые, как правило, в жизни к выступлениям на сцене не имеют никакого отношения. А во-вторых, моё недоумение больше относится именно к корабельной команде «акробатов и шутов». Впрочем, выяснилось, что певец Юра – артист драмтеатра, а певица Валя – аниматор (вот тоже ещё непонятное слово!). Единственное, что не могу не сказать: вторая барышня, тоже аниматор, а по совместительству – танцовщица, оставила самое странное впечатление. У неё явно есть подготовка, хотя бы спортивная, но ни её наряды, ни дикие прыжки и валяния по полу не имеют даже отдалённого отношения к той песне, под которую она «самореализуется».

Непонятно, корабельная арт-команда реально не видит своих промахов или действует по извечной традиции «пипл схавает»?

Впрочем, большинство «туристов» остались довольны. Очень может быть, что я слишком придираюсь к людям, которые (за небольшую зарплату, кстати) стараются

развлечь и повеселить несколько десятков отдыхающих – и у них это в общем-то получается.

13

Целый день хмуро, качка, а в одном месте (кажется, при слиянии Волги и Камы) – даже и не очень приятная.

Ходили перед обедом на экскурсию в рулевую рубку, капитан рассказывал о теплоходе и отвечал на вопросы. Сказал, что да, прогноз погоды был «не очень», но на самом деле всё было лучше прогноза – и ветер, и волны. Когда же сказали про эту качку, он даже удивился: «Качка? Да не было никакой качки!» У нас и у него разные степени оценки: ему есть с чем сравнивать, а нам – нет.

На подходе к Казани начался дождь. К пристани подошли чуть пораньше указанного в расписании времени, в половине пятого. Я созванивалась с Еленой, она-то ехала к пяти, как я ей и говорила, так что немного опоздала.

Но мы с ней встретились, посидели в кафе у речного вокзала (погода не давала никаких шансов на прогулку). Потом поднялись в мою каюту на теплоходе и посидели там. Очень хорошо поговорили, хотя говорила больше я. То ли Елена не хотела особенно ничего рассказывать, то ли я со своим «театром одного актёра» её просто подавила...

Впрочем, надеюсь всё же, что у неё тоже осталось от нашей встречи через такое количество лет столь же тёплое впечатление, как и у меня.

Дождь не прекращается. Корабль качается и бьётся о причал. Как неприятно в такую погоду отчаливать от земли!

14

Проснулась рано. За окном не то что сентябрь, а настоящий октябрь: дождь, пасмурно, ветер. Вот тебе и круиз в июле!

Сегодня ранний завтрак – в семь часов, так как в восемь должны быть в Чебоксарах. Если там такая же ненастная погода, то пригодятся и все тёплые вещи, и зонтик, который я сунула в чемодан в последний момент – тоже «на всякий случай».

Ох! Зря я оделась во всё тёплое, зря вытащила зонтик. Теплоход, проделав несколько кругов, так и не смог причалить в Чебоксарах из-за «навалного ветра». Накрылась моя экскурсия в столицу Чувашии...

Поплыли дальше – возможно, через пару часов «Октябрина» сможет причалить в Козьмодемьянске, который, как сказали по корабельному радио, «послужил прообразом Васюков из романа «Двенадцать стульев». Сомнительная репутация...

Впрочем, деньги за несостоявшуюся экскурсию сегодня же и вернут. Радуюсь.

После Чебоксар легла прямо в свитерке под одеяло и под тихий дождь и плеск волн просто лежала – немного дремала, немного смотрела в окно, немного размышляла. В общем, такое «ленивое утро». Вдруг осознала, что уже три дня не смотрю телевизор, не читаю прессу, не брожу в Интернете, а по корабельному радио передают только музыку и объявления. И ничего страшного со мной не случилось! Голова потихоньку очищается, отдыхая от информации, большая часть из которой тебе вовсе не нужна.

Какое счастливое время! Можно подумать о важном, можно просто предаться «*far niente*» (счастливому ничегонеделанию)... Ведь это случается так редко!

15

Через два часа теплоход всё-таки сумел пришвартоваться в Козьмодемьянске. Ведь в Чебоксарах должны были выйти одни люди и сесть другие. Видимо, поэтому стоянку в этом маленьком городке продлили до двух с половиной часов. Предложили экскурсию

по городу, в котором есть целых два музея: художественный и... Остапа Бендера. Хотя, по моему, второй музей больше подошёл бы Черноморску, то бишь Одессе, откуда и был родом великий комбинатор. Впрочем, может быть, такой музей в Одессе есть. Хотя «жемчужине у моря» нынче совсем не весело живётся. Как сказала бы другая героиня «Двенадцати стульев»: «Мрак и жуть!»

На экскурсию я не пошла, а вот просто пройтись по городку вышла. К тому же надо было найти аптеку и киоск, купить ручки – много пишу, стержень уже заканчивается. От крошечной пристани, под дождём и ветром, поднялась вверх. Зашла в несколько сувенирных магазинчиков, кое-что купила на память. Ни аптеки, ни киоска в пределах видимости не наблюдалось. Местные жители туманно махали рукой вверх и вдаль и обозначали это словосочетанием «на горе». Идти под дождём и шквалистым ветром куда-то «на гору» совсем не хотелось.

Зато, вернувшись в каюту, я приняла горячий душ и попробовала купленной на пристани домашней «медовухи» с имбирём – для профилактики простуды.

Почти весь день, лёжа в каюте, читала взятую в маленькой импровизированной корабельной библиотечке книжку фантастики. Лепота! Радуюсь.

16

К вечеру вышли из полосы непогоды, даже солнышко появилось впервые за последние два дня. Кажется, из осени возвращаемся в лето.

Жду Макарьев и экскурсию в Свято-Троицкий Желтоводский женский монастырь. В проспекте он назван странным словом «чудотворческий». То ли составители имели в виду, что там есть чудотворная икона, то ли что в монастыре этом живут исключительно «чудотворческие» (прости Господи!) личности...

Хоть и велик, и богат наш русский язык, но всегда находятся «чудно-творческие» люди, готовые безвозмездно его обогатить.

В Макарьев пришли уже на закате, в полдевятого. Волга успокоилась. Чудесной русской сказкой вставали прямо над водой белые стены и башни. Какое счастье, что эту сказку не размели и не разрушили ветры истории!

С удовольствием побывала на экскурсии в монастыре. Он обширен, многие храмы уже отреставрированы. На территории чисто, зелено, много цветов. Это, разумеется, не удивительно: не видела ещё монастыря, от самого маленького до самого большого, где было бы по-другому. Особое очарование нашей прогулке придавали долгие тихие сумерки и множество ласточек, круживших в воздухе и с пискom проносящихся вверх и вниз мимо золотых куполов и крестов.

Пожилая монахиня провела нас по монастырю, рассказала о его истории, святынях, подвижниках, подвела к древнему камню над местом, где почивает основатель монастыря Авраамий. В XIX веке над ним возведена маленькая белая ротонда. Каким чудом сохранился этот изъеденный временем камень, простоявший четыре сотни лет?!

Одна из экскурсанток долго возмущалась, что слишком быстро водят экскурсию из храма в храм, не успеваешь что-то купить, заказать службу. А вторая высказала эту претензию монахине. Та остановилась и ответила: «Мне за шестьдесят, я хожу совсем не так быстро. А ещё у нас живут всего шестнадцать монахинь, из них могут работать только шесть. У нас ведь огород, коровы, другие послушания. Я вот сегодня вожу вторую экскурсию. Если вы хотите подольше побыть в храме – приходите на службу». А мне хотелось добавить: «Люди, это ведь не музей, не сувенирная лавка. Здесь вообще-то МОЛЯТСЯ – и это главное дело, для которого сюда пришли монахини и которому они посвящают всю свою жизнь».

Видала в одном из храмов четыре удивительной красоты большие иконы. Не могла от них отойти, ведь их ризы вышиты вручную разными материалами. Там есть и бисер, и стразы, и стеклярус, и парча, и бархат, и бусины... Когда прикладывалась к такой иконе св. Макария Желтоводского, то попросила благословения на отшив иконы, ну хотя бы

в чём-то похожей на эти. Наверное, с такой просьбой к этому святому ещё не обращались... Но ведь чтобы сотворить такую красоту, явно нужны не только руки мастерицы и её желание.

17

Встала рано. У теплохода техническая стоянка в Нижнем Новгороде. Погода пасмурная, прохладная, но после двух прошедших дней плюс 19 – уже прогресс. Пробовала несколько раз прогуляться по палубе – нет, всё же некомфортно, слишком прохладно, да и ветер. Один раз пошёл дождь.

Перед обедом встретила с Наташей, репетировали песни для авторского вечера. Она – профессионал, всё схватывает на лету, даёт хорошие советы. Поэтому у нас установились тёплые, дружеские отношения. Я, подобно булгаковской Маргарите, очень люблю людей, хорошо делающих своё дело.

А вот местный баянист Саша – совсем другой. Бомжеватого вида немолодой мужичок, с жидким хвостиком волос, очевидно, должным подчёркивать его творческую натуру, а на деле лишь прибавляющим его образу этой самой бомжеватости. Самомнения ему не занимать, несколько раз попадался на явном вранье, и, кажется, очень обидчив. Играет же он... Что-то он мне напоминает – вернее, кого-то. Да, это же обычное поведение человека, которому не дано большого таланта или даже не дано таланта к определённому делу вообще – а он всё же хочет быть в этом деле – и не просто быть, а занять особенное, высокое положение – и неимение способностей компенсирует нарочитым поведением «звезды». Впрочем, что тут идёт от искренней уверенности в своей избранности, а что – от сознательной подделки под талант, неизвестно.

И неприятно, и жаль смотреть со стороны на таких ушибленных любовью к себе людей. И невольно начинаешь искать в себе подобные черты. И – увы! – что-то находишь. Спасибо им хотя бы за это.

18

С десяти до одиннадцати вечера на верхней палубе бывает некомфортно, причём, как ни странно, не каждый день, а как-то спорадически. Дело в том, что на одном конце палубы – дискотека, а на другом – ресторан с «живой» музыкой. Видимо, когда забывают плотно закрыть двери салонов, то тогда вопли «Сердючки» особенно явно смешиваются с «дымом сигарет с ментолом». Дисциплинированно дотерпев до одиннадцати часов – времени окончания веселья – и не дождавшись окончания, я в двенадцатом часу спустилась на главную палубу, разыскала директора круиза Елену Евгеньевну и пожаловалась ей на невозможность заснуть. Она поднялась вместе со мной, по дороге, впрочем, сообщив мне, что «...вообще-то у нас всё работает до двенадцати часов, и только по просьбе туристов мы ограничили время до одиннадцати». На нашей палубе мы разделились: она свернула в ресторан, а я пошла в кинозал, где проходит дискотека. Открыв дверь, я удивилась, увидев на середине зала всего трёх «туристок». Зато до Николая – «диджея» дискотеки, а по совместительству и актёра, и певца, и режиссёра музыкальной части «теплоход-шоу» – я смогла докричаться не сразу. Пришлось стучать по его плечу, а потом показывать немую сценку: «Цигель-цигель, ай-люлю!..»

А ещё меня смущают дети. Точнее, маленькие дети, потому что на теплоходе хватает детей всяких возрастов – от грудных до тинэйджеров. Ещё точнее – родители, взявшие в эту поездку именно малышей. И детям не очень-то всё это плавание в ограниченном пространстве нужно, и родители должны к ним быть привязаны: корабль – место довольно опасное. Ну, не понимаю, кому от этого хорошо – детям? родителям? всем остальным? Ладно, подростки – те достаточно выросли, чтобы и по экскурсиям ездить, что-то в них понимая (пусть и не всё), и досуг свой вполне в состоянии организовать сами. Да, в круизе

есть и «детский час» с аниматорами, и детские фильмы показывают каждый день. Но это ведь лишь непродолжительное время.

И уж если говорить о том, что меня ещё удивило, то это именно пёстрый состав публики. Иных персонажей просто по определению здесь быть не должно. А они есть! Древние, не совсем в своём уме старушки, которых, по моему подозрению, родственники отправили в этот круиз с тайной надеждой, что они из него не вернуться. Были люди очень странные, если не сказать больше. Один такой персонаж, проплыв два дня, умудрился три раза подраться, в последний раз – с работником службы безопасности теплохода, за что и был высажен – к сожалению, не на необитаемый остров, что, несомненно, пошло бы ему на пользу.

19

Рано утром, часов в пять, проснувшись, увидела за окном густой туман. А в семь часов там была другая замечательная картина: ясное голубое небо, солнце, спокойная, как зеркало гладь воды, где отражались зелёные берега, церквушки и деревеньки. Что за чудо!

Вышла на палубу – нет, конечно, свежо, но совсем по-другому, по-летнему! Не выдержала, принесла фотоаппарат и сделала несколько снимков – уж очень красиво!

В девять часов утра прибыли в Ярославль. Давно, в начале девяностых, я была там – но зимой, и в командировке. Так что запомнилось немного: радиальная планировка и старинный Толгский монастырь, только-только начавший тогда восстанавливаться.

Сейчас древний, зелёный, нарядный Ярославль, похожий на яркую финифть, очень мне понравился; жаль, что все обзорные экскурсии проходят «галопом по Европам». Интересных сувениров можно было бы купить достаточно – при условии, что вы не бежите за своим экскурсоводом, а спокойно, тихо и вдумчиво гуляете по городу. Всё же сумела купить и колечко с финифтью, и в храме Илии-пророка оригинальный магнитик с благословением дому. А ещё – два диска с записью великолепного пения ансамбля «Виват», который в одном из музеев исполнял для нас русскую народную песню «Лучинушка». Такого чистого и проникновенного пения я давно не слышала! Четверо молодых мужчин-певцов просто перевернули душу. После этого не могла не купить их диски: с народными песнями и с духовной музыкой.

20

В пять часов вечера приплыли в Рыбинск. Это не очень большой город с населением примерно как у нас в Покровске-Энгельсе. Пешеходная экскурсия прошла по историческому центру, который расположен прямо за пристанью. Тут жили богачи-купцы, так что строились с размахом и красиво, некоторые улицы – как в старом Саратове. Поразили два великолепных здания: биржа и собор. Такой красотой мог бы гордиться любой столичный город! Здорово, что их смогли отреставрировать!

А ещё поразила наш экскурсовод. Через фразу она хулила город: то пароход утонул, то казну разворовали, то мэр под следствием... И эта ненавистная мне присказка: «Как у нас в России заведено...» Я думала, что я одна такая привереда. Но ещё одна супружеская пара тоже, стоя рядом, заметила, что с таким гидом и ходить не хочется. Сказали, что, постояв рядом с другой группой и с другим гидом, словно в другой город попали.

Мне даже стало неудобно перед иностранцами, которые с нами тоже ходили. Им и так внушают, что Россия такая-сякая, так ещё и наши сами добавляют...

Вот в Ярославле была у нас замечательная женщина-гид – эрудированная, остроумная, любящая свой город. С ней время пролетело незаметно, и впечатления остались самые приятные.

Встала очень рано. День сложился такой, что стихи просто пошли потоком, и первые строчки пришли именно в три часа утра... После этого вновь заснула и проснулась уже около семи часов. Вышла на палубу: солнце, ветерок, свежо, но не холодно. И опять пришли новые строчки...

Утром в коридоре увидела... кошку. Пушистая такая, рыжеватая, ухоженная. Я не поверила своим глазам, но кошка была вполне реальная. Спокойно сидела в коридоре и смотрела по сторонам. Я сказала горничной, убиравшейся в моей каюте: «Там кошка...» «Кошка?» – удивилась она и выглянула в коридор. Увидев кошачью мордочку, сказала: «А, это кошка капитана».

Я вспомнила, что капитанская каюта расположена у нас на верхней палубе, как раз в том месте, где сидела «кошка капитана». И сразу прониклась к нашему капитану особенным расположением. Какую он интересную и необычную жизнь устроил своей кошке! А после окончания навигации она вместе с ним возвращается домой и долгими зимними вечерами, наверное, видит в своих кошачьих снах плаванье по реке, слышит плеск волн, ощущает качку... И, может быть, снова мечтает уйти в плавание с хозяином.

С десяти утра до трёх часов дня – стоянка в Дубне. Больше часа была обзорная экскурсия по городу, а потом просто гуляли.

Экскурсия проходила по старой, уже исторической части Дубны, где среди берёз и сосен стоят коттеджи, тоже построенные во времена основания этого Наукограда. А воздух здесь!..

Девушка-гид, урождённая дубнянка, оказалась милой и очень смешливой, то и дело фыркала вроде бы в самых серьёзных местах своего рассказа. Особенно веселило её слово «синхрофазотрон», как будто именно с ним у неё было связано что-то личное, хорошее и смешное. Она старательно рассказывала нам не только об истории родного города, о разных знаменитых учёных, которые в нём жили и работали и чьими именами названы здесь улочки, но и делилась научными сведениями. Объясняла довольно просто и доходчиво, помогая себе мимикой и руками. Но у меня ещё со времён школы стойкое отвращение к точным наукам, так что, заслышав слова «нейтрино» и «коллайдер», я отходила в сторону, чтобы просто осмотреться и поснимать.

22

Сегодня днём прошёл мой авторский вечер. Конечно, любителей серьёзной поэзии набралось немного – человек 10–15. Но слушали внимательно. Кажется, и автор, и слушатели получили удовольствие.

Вечером был большой концерт-прощание с москвичами (завтра будем в Москве). Понятно, что абсолютное большинство туристов не блещет особыми талантами. Но всё-таки некоторые номера меня покоробили.

К примеру, пожилая супружеская пара спела ну если не чисто матерные, то весьма специфические частушки. Или бабушка под девяносто, не только плохо ходящая, но и плохо помнящая, тоже пела частушки, слава Богу, не матерные. Или некий всегда «подшофе» Толян, прочитавший – не найду другого слова – похабные стихи про... Куликовскую битву, где все русские то пьяны, то с похмелья, а затем познакомивший всех с собственным творчеством про круиз (опять же на тему спиртного).

Ещё интересно: неужели человек совсем не слышит себя, когда поёт? Я понимаю «работников культуры» теплохода: их задача – чтобы все пассажиры были довольны. И если приходит человек и изъявляет желание спеть – они обязаны дать ему аккомпаниатора или запись – «минусовку», пусть, родимый, поёт. Но сам-то человек?..

Кстати, впоследствии знаменитый уже Толян, не пропуская ни одного концерта, ещё и пожаловался директору круиза на бедного арт-директора: та не дала ему дочитать какое-то своё творение, видимо, уж с совсем неприличными строчками. Сразу вспомнилось: «Чем больше ты жалеешь дурака, тем он, дурак, нахальней и смелее».

Если мне скажут, что это наш простой народ – он и есть такой жалкий и бесталанный, – то, извините, не поверю! Столько замечательных и красивых простых талантливых людей!

Но я о другом. Мне всегда казалось, что хороший профессионал просто постесняется сделать что-то плохо в другом деле. Ну, скажем, отличный мастер-электрик будет тихо что-то напевать у себя на кухне или в семейном застолье, но, зная, что у него свой слабый голос и плохой слух, не выйдет на сцену даже в заводской самодеятельности, в которую его, возможно, и не возьмут.

Если же говорить вообще об атмосфере концерта, то она была доброй и праздничной. Многие из «москвичей» сказали о том, что хорошо провели время, раскрепостились, благодарили всю команду артистов и музыкантов.

Людям нравится, люди довольны и рады, они хорошо отдохнули и позволили себе больше, чем в обычной жизни. Ну и ладно. Надо радоваться!

23

Вот и Москва. Стоянка целый день. Была на большой экскурсии: Красная площадь с Александровским садом (не менее полутора часов), затем храм Христа Спасителя и Воробьёвы горы. В общем, уехали в полдесятого, а вернулись около двух. Устала и больше никуда не поехала, хотя в запасе было ещё немало времени.

От экскурсии осталось много впечатлений. Погода была солнечная, но нежаркая. Красная площадь очень красива, и там что-то ещё реставрируют – в Кремле и около. Вообще почти везде в Москве – стройка.

Имеем такую величественную, ухоженную, прекрасную главную площадь страны – и за державу не обидно. Только хотелось бы, чтобы побольше мест в России были такими же.

Очень много там, конечно, туристов. Бросилось в глаза множество восточно-азиатских лиц (не различаю я корейцев, китайцев и японцев), а также «лиц кавказской национальности».

На Красной площади в голову пришла странная и нереальная мысль: что бы я сказала Президенту, если бы вдруг увидела его рядом? Из чистого интереса всё же подумала об этом. Не стану распространяться на эту тему, достаточно того, что с некоторых пор я каждый вечер стала молиться Господу не только за родных и друзей, но и за нашу страну, «властях и воинстве ея...»

Жаль, что на посещение храма Христа Спасителя отведено было не так уж много времени. Разумеется, храм и красив, и величественен – и внутри, и снаружи. Стоит контроль и на паперти, и в притворе, даже сумки досматривают – но всё тихо и вежливо.

Перед самым храмом экскурсовод рассказала о нём, потом дала пятнадцать минут на посещение самого храма. По её словам, в брюках в этот храм женщин пускают, а с открытыми плечами – нет.

В брюках действительно пускают. Но я поехала на экскурсию в платье – просто не могу в Дом Божий входить по-другому. Накинула на голову красивый шарф – специально взяла с собой такой для посещения монастырей и храмов.

Вот только были неприятны эти нарочитые слова экскурсовода: «Братья и сёстры во Христе! В брюках заходить в храм можно, а вот плечи прикройте, иначе не пустят». И ещё: когда гид рассказывала об элитных многоэтажных комплексах, где квадратный метр чуть ли не миллион стоит, то не преминула упомянуть, что в одном таком доме у Патриарха Алексия была квартира 150 квадратных метров... Вот про Сердюкова и компанию – нет, а про Патриарха – да...

Храм замечательный. Я и к иконам приложилась, и к мощам, и даже успела купить в иконной лавке диковинку – ладанные свечи. Но постоянное ощущение, как будто в твой дом вошли чужие люди, и ходят, ходят... Я, наверное, не права – но ведь пишу о себе лично и о своих чувствах и мыслях.

Воробьёвы горы, с которых видно панораму Москвы, никакого впечатления не произвели, так как почти вся панорама загорожена высоким забором: что-то то ли строят, то ли собираются строить.

Конечно, Москва-Сити – это футуризм в реальности. Интересно? Да! Хотела бы я, чтобы вся наша древняя столица стала городом небоскрёбов? О, нет!

24

В полвосьмого вечера отошли от причала. Вот и середина круиза!

Плывём по каналу имени Москвы. В том, что теплоход идёт так близко к берегу, есть своя прелесть. Можно разглядывать всё в подробностях.

Очень много по берегам красивых домов, коттеджей, турбаз, яхт-клубов. У нас ели и берёзы нечасто увидишь, а здесь они везде.

В Москве и вышло, и село очень много людей.

С нами до Москвы ехали две супружеские пары – испанцы и китайцы, и компания молодых американцев (два парня и три девушки). Девушки довольно крупные, одна так вообще «мисс Гамбургер», а парни, напротив, высокие, худые, субтильные даже. Один из них – в шортах, футболке и тяжёлых ботинках – часто сидел на палубе, с наушниками и ноутбуком. На теплоходных мероприятиях я их редко встречала – впрочем, и сама ходила не на все.

А вот пожилые испанцы и китайцы среднего возраста (хотя китайцы обычно моложавы) ходили как раз везде. Испанцы говорили по-русски и успели обзавестись друзьями.

В Москве на теплоход опять сели иностранцы. Говорят, что они плавают на нём постоянно: видимо, им интересно проплыть по знаменитой русской реке.

25

Утром проснулась около пяти, спать больше не хотелось. Одеюсь потеплее – и на палубу, на свою любимую скамью «в затишок».

Смотрела на берега канала имени Москвы, где мы продолжаем плыть. Утро серенькое, прохладное, иногда моросит дождик.

Не могу передать, как мне было хорошо в моём «затишке»!.. Смотрела на ели, сосенки, берёзы – у нас ведь их немного. Любовалась зеркальной гладью воды, по которой тихо скользила наша «Октябрина». И в который раз сожалела, что краски и кисти мне «не дались». Как передать в слове эти нестеровские тонкие и бесконечно трогательные берёзки? Эту спокойную воду, в которой отражаются деревья и лесные цветы? Этот свежий воздух, пахнущий водой и лесом?

Эх! Всегда чего-то не хватает для полного счастья!

Но зато пришли стихи, которые почти сразу стали петься. Скорее всего, будет песня.

Какая урожайная на стихи поездка!

Наверное, напечатаю их одним циклом, скажем, под названием «По Волге». Зачем придумывать разные красоты?

А вот интересно: те люди, которые пишут плохие стихи, – они тоже не могут не писать? Механизм рождения поэтической строки, наверное, одинаков у разных людей – только результат разный. Это как искра: попадёт на сухие дрова – будет яркий костёр, а на мокрые ветки – ничего, кроме дыма и чада.

Откуда я знаю, что мои стихи хорошие? Трудно сказать. Но если раньше я ещё могла сомневаться, то сейчас уже нет. Да, не все мои стихи удачные, то есть такие, какими была мысль, идея, их родившая. Что-то не выходит, как ни бейся. Получается неплохо, но автор видит, что всё-таки не так, как было задумано. Некоторые стихи – точно знаю! – очень хороши. А некоторые из этих удавшихся – чудесны; именно после их написания и хочется

вслед за классиком завопить: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!», совершенно бескорыстно оценивая своё творение со стороны и в общем-то не считая его только своим.

26

После обеда читала, потом гуляла по палубе. День тёплый, на солнышке даже припекает.

На корме застала «музыкальные посиделки» (вообще-то они проходят каждый день): баянист Саша и 7–8 женщин поют разные популярные песни.

А двое иностранцев (кажется, голландцы) их снимают на профессиональную камеру. Говорят, они делают небольшой документальный фильм для своего телевидения о путешествии по Волге. Начали снимать ещё при посадке в Москве. Недавно видела, как они «отловили» ту ветхую бабушку, которая с трудом пела частушки, и долго о чём-то её выспрашивали (с переводчицей, разумеется), снимая на камеру. Бабуля, конечно, для фильма о России очень подходящая, прямо типичная «рашен бабка»: кое-как одетая, с полуспущенными чулками, в платочке, с непонятным выражением лица.

Вот с нами едут несколько женщин очень солидного возраста – милые, интеллигентные, симпатичные. Но – увы! – они, как видно, голландцев не интересуют...

А ещё интересуют представителей очень цивилизованной Европы всякие жареные факты. Женщина из Симферополя, которая тоже едет с нами, рассказала, что они, узнав, что она крымчанка, долго мучили её всякими провокационными вопросами. Правда, крымчанка оказалась боевой, на все вопросы отвечала без раздумий и честно, что, по её словам, голландцам не очень нравилось, и они всё пытались на чём-то её подловить. В конце концов, как-то завершив тему Крыма, они заговорили о знаменитом голландском «Боинге», в чьей гибели заграничные телевизионщики безапелляционно обвинили Россию. На что наша крепко сбитая и острая на язык крымчанка, перейдя в наступление на худосочных иностранцев, потребовала от них «пароли, явки, адреса», а они сослались на Интернет. Жительница российского Крыма презрительно хмыкнула и выдала известный всем россиянам убийственный аргумент, что у соседа на сарае тоже кое-что написано, а там дрова... Поняли ли толерантные европейцы сию народную мудрость или просто у них «кончилась дыхалка», но общение на этом было завершено.

27

Вечером побывали в Угличе. Стоянка небольшая, всего два часа. А жаль – очень милый старинный городок с любовно сохраняемыми древностями. Осмотрели ансамбль бывшего Кремля, были и в храме Димитрия на крови. Почти не осталось времени на сувениры – а они в Угличе очень разнообразные и интересные. Но... экскурсия закончилась в восемь, а теплоход отходил в полдевятого, да чтобы до него дойти, потребовалось бы минут 10–15. Так что деньги остались целы...

Лишь на территории музея не могла не купить медальку с изображением царевича Димитрия – не столько потому, что сувенир, сколько потому, что продавец был просто выдающийся. Сам на глазах у публики чеканил из заготовок разные медальки и медальончики, и сам при этом сыпал шутками-прибаутками, типа: «Единственная в России некитайская продукция!» К сожалению, не запомнила весь его «репертуар», но он был вправду хорош. Прямо современный скоморох, да и только! При этом шутки были не заготовленными, а рождались в процессе живого общения со зрителями и покупателями.

28

Проснулась рано. Погода хорошая. Утром пришли в Кострому (стоянка три часа).

В Костроме немного не повезло. Должны были проехать по историческому центру, посетить Богоявленский монастырь, где хранится старинная чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. Но в связи с визитом Патриарха многие улицы в центре были перекрыты. В монастырь так и не попали. Поездили туда-сюда вокруг монастыря и памятника Ивану Сусанину – и отправились в Ипатьевский монастырь. Экскурсовод – молодой парень – в такой сложной ситуации не терялся, успел много рассказать и об истории, и о современной жизни самой Костромы и области.

Едва приехав в Ипатьевский монастырь, чуть не попали под сильный ливень. Укрылись на высоком крыльце храма и там слушали экскурсовода. А вокруг ещё несколько экскурсий, тоже укрывшихся от дождя, тоже слушали своих гидов. Многоголосие...

Зато неожиданно встретились с Феодоровской иконой: оказывается, её привезли сюда к визиту Патриарха. Прямо во дворе монастыря, рядом с храмом, стоял небольшой помост, и там под резной сенью и стояла в киоте чудотворная, в богатом окладе. Пока народ сообразил что к чему (вернее, подсказал гид), я сориентировалась быстрее (в очереди к иконе под начинавшимся дождём было всего-то четыре человека!), приложилась к иконе. Она, конечно, древняя, потемневшая, под окладом почти ничего не видно. Но она была!

Я, когда прикладываюсь к мощам или к иконе, почему-то редко могу конкретно что-то просить. Говорю обычно: «Пресвятая Богородица, спаси нас» или «Господи, милостив буди мне, грешной». А вот тут был тот самый редкий случай (как с Макарием Желтоводским), когда я, пока несколько минут стояла в очереди, просила чётко и ясно за себя и нескольких мне близких людей: здоровья – телесного и душевного – и терпения.

После монастыря еле-еле успела заскочить в одну из многочисленных лавочек рядом – и нечаянно купила такую редкость, как четверговая соль и местный зефир из настоящих яблок. Как всегда, времени на хождение и покупки было всего ничего – минут пятнадцать. А в краю льна какие замечательные изделия из него предлагали вокруг! Прямо на бегу купила всё-таки себе болеро из льна, а мужу – рубашку.

29

Вечером была стоянка в Плёсе. Городок небольшой (всего две тысячи жителей), но очень живописный. В музей Левитана почему-то водят экскурсии не менее шестидесяти человек. Я записалась на такую экскурсию заранее, но столько любителей живописи не набралось, и пришлось идти в обычную «обзорную» экскурсию. Почти сразу гид повела нас на Соборную гору – по довольно крутому подъёму, где с боков растёт высоченная крапива, а под ногами – мокрые после дождя булыжники или вовсе глина. Дотащившись примерно до середины, я благоразумно спустилась вниз. Понимаю, что гид водит людей на то место, откуда открывается тот самый вид, что запечатлел Левитан на своей знаменитой картине «Над вечным покоем». Но я лучше повешу копию этой картины у себя дома и буду любоваться ею без экстрима.

Кстати, как выяснилось потом, прямо от набережной на самую вершину горы всех желающих за тридцать рублей возит такой... (даже не знаю, как назвать) автобус не автобус, в общем, полуоткрытый низенький экипаж из двух вагончиков.

Прогулялась по набережной, сделала снимки и вернулась на корабль.

30

Всю ночь была непогода: ветер, дождь, скорее ливень. Сейчас семь утра, дождь перестал, но прохладно и пасмурно. Что-то и Нижний, и Казань встречают нас непогодой – и когда шли вверх, и теперь...

Днём погода вроде бы наладилась – хотя и пасмурно, но тепло. Получила приглашение участвовать в конкурсе «Мисс Круиз». Гуляла по палубе, сидела в своём любимом «затишке». Серьёзные стихи не пишутся, но зато смешные про Покровск написаны – это для конкурса.

После обеда подошли к Казани. Съездила в город, прошлась по центральной улице Баумана, купила несколько сувениров. Всё-таки красивый, по-настоящему столичный город! Гулять можно очень долго, множество интересных и приятных мест. Жаль, что время ограничено...

После ужина была репетиция конкурса, участницам выдали разные наряды, в дополнение к тому, что они сами нашли в своём гардеробе. Баянист Саша меня удивляет: вроде бы известная песня «33 коровы», но он несколько раз просил её напеть, потом долго подбирал, потом назвал песню бардовской и в связи с этим свалил аккомпанирование на нового музыканта Володю – мол, под гитару пойдёт лучше. При этом вёл себя как звезда на провинциальной вечеринке. Я с тайным удовольствием сообщила ему, что песня вовсе не бардовская, звучит в известном фильме про Мэри Попинс. Саша так удивился! Повеселил...

31

Утром погода была опять пасмурной и прохладной, но к обеду выглянуло солнце.

Гуляла по палубе. Настроение уже «чемоданное», если так можно сказать в конце поездки. Что ж, она, конечно, удалась, и разные осложнения не сделали её хуже. Радости было много. Можно сказать, что мои надежды сбылись, пусть и многие представления о круизе оказались не соответствующими действительности. Хорошо, что я не поленилась вести дневник моего путешествия, хотя иной раз и не хотелось садиться писать. Зато все подробности останутся не в капризной памяти, а на бумаге. Как известно, «что написано пером...»

Конкурс «Мисс Круиз» прошёл хорошо, как говорится, «с огоньком». И хотя я была самой возрастной участницей, но всё-таки стала вице-мисс и получила звание «Мисс Творчество». В последнем конкурсе, где каждая участница пела или танцевала, я, кажется, удивила публику исполнением «а-капелла» старинной волжской казачьей песни «Чёрный ворон». Когда я её объявила, то на шумок в зале ответила: «Не тот», и это правда: эту песню вряд ли кто когда-нибудь слышал, а она очень красивая, довольно сложная, и пою я её редко, но всегда с огромным удовольствием. Знай наших!

32

Утром пасмурно, прохладно. Но к обеду между облаками проглянуло солнце, погода стала почти такой же хорошей, как две недели назад, когда я впервые ступила на палубу «Октябрины».

Потихоньку собираю вещи, разные купленные подарки и сувениры. За две недели моя маленькая каюта уже стала обжитым домом, немножко грустно расставаться с ней. Но, конечно, и радуется предстоящая встреча с родными местами. Как говорится, «в гостях хорошо, а дома лучше».

По корабельному радио вчера сказали, что завтра – то есть сегодня – никаких особых событий не произойдёт. Потом добавили, что будет стоянка в Саратове. Наши саратовцы обиделись за родной город и даже пошли выразить свою обиду нашему диктору. Я тоже ходила в радиорубку к Марине, но с другой целью. Она, когда рассказывала о Саратове и области, неправильно поставила ударение в слове «Эльтон», и я её поправила. Она поблагодарила, тут же сделала пометочку в своём тексте и сказала, что за два года её работы почему-то никто из туристов не поправил её.

А сегодня, слушая радио, я уловила неприятно зацепившую меня фразу: «Из всех волжских городов только в Саратове исторический центр сохранился плохо. Много было утеряно, много новых зданий...» – как-то так. И ведь не пойдёшь к милой Марине, чтобы поправить её. Потому что, к сожалению, это правда – я сама теперь убедилась в этом, посмотрев в этой поездке многие волжские города...

Ну да ладно, ведь всё равно мы любим родные пенаты.

И я была очень рада увидеть простенький, неухоженный, с часами, которые на разных сторонах башни показывают разное время, потому что стоят, наш речной порт. И надпись «Саратов». И мост с «птичкой».

А Волга у нас одна на всех. Как и Россия.

10–23 июля 2015 года

Татьяна КУЗНЕЦОВА

ПО ВОЛГЕ

1

Лечат, лечат, латают, латают
Душу, где каждый нерв – как струна,
И мелодия эта простая,
И плеснувшая рядом волна.
Как могло так сложиться всё это,
Как случилось – и в кон, и с руки:
Середина зелёного лета
И прохладные струи реки?
Но – смогло, но сложилось, спаялось –
И колдует, меня не спросясь,
Чтоб душа распрямилась, разжалась,
Вновь поняв с миром тонкую связь.
Тихо лечат и свежесть речная,
И зелёные острова...
Жизнь права – снова я понимаю.
Ну, а я, как всегда, не права.

2

Вот мимо бакен номер 59 –
Две чёрных и три белых полосы.
Стоит он здесь, на смену не надеясь, –
Он навсегда поставлен на часы.
Его волна шумливая качает,
Сечёт снежком и солнышком печёт,
Он слышит бури свист и крики чаек –
Но это не берётся им в расчёт.
Не радуется он, но и не плачет,
Ведь не для твёрдой создан он земли,
Справляясь здесь с простой своей задачей:
Предупреждать о курсе корабли.

3

Тучи, тучи закрывают небеса,
Словно лето разобиделось на нас.
А по берегу – и сёла, и леса
Продолжают Волгой начатый рассказ.
В нём и торго шум, и звон колоколов,
И молитвы старой тихие слова,
В нём и вёсел плеск, и песни бурлаков...
Волга-матушка, ты всё ещё жива!
Всё парит над лесом этой птицы тень,
Всё горят костры на дальнем берегу,
За ненастьем вслед приходит ясный день...

От тебя я оторваться не могу!
Омываюсь свежей волжскою волной.
Отмываются мозги от чепухи,
А на палубе – неужто мне одной? –
Вдруг приходят неожиданно стихи.
Я б хотела излечиться от тоски,
Все тревоги и печали все унять,
И тебя по-свойски, словно речники,
Не рекой, а речкой ласково назвать.

4

Не стойте над моей душой,
Мои проблемы и заботы.
Пусть, как всегда, полно работы –
Но нынче праздник, выходной.
Дней триста пятьдесят в году
Готова я отдать вам с лёту,
Мои проблемы и заботы.
Но нынче вас к себе не жду.
Гуляю нынче – так и быть!
Мне так свобода восхитительна,
Что даже Ангела-хранителя
Готова в отпуск отпустить.

5

Начать хотелось, словно Пушкин:
Вот остров над пустыней вод,
А за мостками там – избушка,
Где, верно, с бабкой дед живёт.

Но вышло и смешно, и мелко,
Забыла я про век и год:
Ведь на избушке той – тарелка,
А над избушкой – самолёт.

6

Жить без оков и обязательств,
Бездумно наблюдать пейзаж,
Плывя по воле обстоятельств
И не идя на абордаж –
Я так живу сейчас. Нирвана!
Один огромный выходной!..
Но жить так вечно, постоянно?
Пожалуй, нет. Не то со мной.
Так что? Скажи уж, если честно:
«Итак, да здравствует война?»
Пожалуй, нет. Давно известно:
Война поэтам не нужна.
И хоть сейчас всё мимо, мимо
Мой путь как будто бы лежит,
Но знаю, что неуголимо

Хочу я всё же в мире жить.
Любая мелочь сердце тронет,
И, будет радость или грусть,
Мне этот мир не посторонний –
И скоро я в него вернусь.

7

Кто в лес – за грибами, кто на реку ходит – за рыбой,
Кто – в поле за дичью, вставая ни свет ни заря.
А я рано утром – на палубе и говорю ей: «Спасибо!»
Ведь я за стихами хожу и, представьте, не зря.

8

«Зачем пишу стихи я?» – вот вопрос,
Который может довести до слёз.
Зачем растёт трава, цветут цветы?
Зачем нам солнце светит с высоты?
И я пишу – в тиши и на бегу,
Затем, что не писать я не могу!

9

Я приеду домой – а в глазах и берёзки, и сосенки,
Милой Волги моей бесконечные берега...
Красота этих мест, и неяркая, и неброская,
Снова я поняла, как же сердцу ты дорога.

Я приеду домой – а в глазах колокольни и пажити,
Стены монастырей, и палаты, и храмов кресты...
Ты опять мне сказала, Россия, про главное, важное,
Зачерпнула горстями великой своей доброты.

Я приеду домой – и услышу: «Ну, что же – красиво?»,
«Как поездка прошла, как дела?», «Что увидела тут?»
Посмотрю я глазами, в которых осталась Россия –
И друзья всё увидят мои, и друзья всё поймут.

Николай БЕСЕДИН

Николай Васильевич Беседин родился в 1934 году. Окончил мореходное училище и Литературный институт им. М. Горького. Работал в Институте ядерной физики им. Курчатова, Госплане СССР. Автор сборников «Цветы на скале», «Слово о флоте», «Готовность», «Язычники», «Я написал: «Прощай», «Третья чаша», «Русский псалтырь», «Вестник», «Земные знамения» и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

РАСПУТИЦА**ПОВЕСТЬ**

...Если бы Кирилла спросили, какое чувство более всего определяет его состояние в настоящее время, он бы, не раздумывая, ответил: отвратительная усталость. Именно отвратительная, ибо та усталость, которая приходит после тяжёлой или длительной работы, ничего общего не имела с тягостным чувством бессмысленности всего, что он делал в последнее время, пустопорожностью разговоров, планов и обещаний. И всё это было отвратительно до усталости.

Кирилл пытался найти причины всему этому. Он восстанавливал в памяти свою жизнь за последние пару лет, но она рассыпалась на отдельные эпизоды, между которыми не было связи. Каждый из них существовал как бы отдельно, не вытекая из предыдущего и не влияя на последующие. Подумалось: чтобы убить смысл, нужно раздробить его на осколки, на тысячу маленьких смыслов, которые никто не сможет склеить в изначальное целое и понять его во всей полноте.

Вот и он, как всякий человек, не может склеить из эпизодов тот смысл, который породил эту отвратительную усталость.

...Рабочее время закончилось, а домой идти не хотелось. И дело было не в увлечении новыми исследовательскими проблемами, которыми он занимался в ставшем для него за пять лет родным НИИ. Это в первое время он мог оставаться после окончания рабочего дня на час или на три, чтобы посидеть над расчётами, радуясь даже маленькой удаче, но в последнее время уходил сразу же, как только часы показывали восемнадцать ноль-ноль.

Кирилл сидел за своим стареньким письменным столом и тупо смотрел в окно. Мелькнула мысль сходить к «прочнистам» и сгонять пару партиек в шахматы с Клейнером. Он часто задерживается и, может быть, ещё не ушёл. Однако желание, едва родившись, тотчас и почил.

В комнату заглянул завлаб Леонид Самойлович Тарский, цыбастьенький очкарик, небольшой рост которого, отсутствие шеи и широкие брюки придавали телу квадратную форму. Его в институте так и называли – Квадратом.

– Ты что засиделся? Часы отстают или дома сумеречная обстановка? А может, ожидаешь звонка с приятным женским голоском? Говорят, позванивает тебе какая-то нимфочка.

– Это кто же говорит?

– Чему ты удивляешься, Кирилл? Советское общество – это единая семья, а в семье не может быть секретов. Или я не так понимаю моральный кодекс?

Кирилл заметил, что Квадрат в последнее время стал между делом всё чаще иронизировать над ещё недавно неприкасаемыми понятиями, однако на собраниях, особенно партийных, говорил с пафосом первых революционеров.

Кириллу совершенно не хотелось ввязываться в суесловие, и он вяло ответил:

– Сейчас уйду. Нимфочка перебьётся.

Однако Тарский задержал его.

– Кирилл, нужно прокатиться в командировочку, в Вятские Поляны. Там котлы не тянут на паспортные параметры. А котельная заводоуправления.

– Какие у них котлы?

– Пишут, что чугунные, секционные. На месте разберётесь.

– Кто ещё едет?

– Кто-нибудь из «прочнистов». Есть пожелание?

– Мне без разницы.

– Тогда завтра оформляйся. У меня возьмёшь их рекламацию.

Кирилл шёл к метро пешком, подставляя лицо каплям морозящего дождя. Они приятно охладили кожу, отзываясь покоем и опустошённостью. Он снова подумал, что совершенно не хочется идти домой. С женой в последнее время не складывалось. Почти любой разговор заканчивался малой или большой ссорой. Начиналось обычно с какого-нибудь пустяка, но какими-то неведомыми путями этот пустяк превращался в мировой скандал, с криками, слезами и обвинениями во всех смертных грехах. Вспоминалась опереточная шутка: женщина из ничего может сделать три вещи: шляпку, винегрет и трагедию.

Кирилл пытался разобраться в причинах и не находил их. Может быть, его задержки на работе воспринимались женой как измены с другой женщиной, или тёща-баптистка влияла, а может, сказывалась усталость от сидения дома с двухлетним сыном? Всё могло быть причиной и в то же время не могло, будь у неё хотя бы немного прежней любви. Хотя что значит немного? Любовь либо есть, либо её нет. Она не делится на «много» и «мало».

Иногда, во время тяжёлых ссор, вызывающих у жены истерику, ему хотелось собрать самые необходимые вещи и уйти из дома куда-нибудь, лишь бы не слышать этого, но подходил сын, прижимался к его ногам, и Кирилл смирялся, гася ссору молчанием.

Наверное, всё это стало причиной того, что у него появилась другая женщина.

Он познакомился с ней девять месяцев тому назад случайно, в метро, заинтересовавшись книгой, которую она читала. Внешне это выглядело банально, однако сдержанность Вики, её удивительно мягкий голос и лишённое всякой косметики лицо, широко распахнутые глаза, простота общения напрочь погасили в нём плотские вожделения, и Кириллу захотелось просто видеть её и говорить то шутливо, то серьёзно, но всегда с чувством, что тебя слышат и понимают. Вика тогда же безо всякого жеманства дала ему свой телефон, и они стали перезваниваться, изредка встречаясь, чтобы сходить в театр или музей или просто побродить по вечерней Москве. Он провожал её на Соколиную гору и возвращался домой, где его ждала очередная ссора.

Озябнув от холодного дождя, он спустился в метро, думая, что начинает привыкать к нынешнему положению вещей. К домашним скандалам, к встречам с Викой, к потерявшей смысл работе, к непонятным и странным переменам в жизни института и людей. Во всём этом его настораживали всё более заметная безучастность, равнодушие к происходящим событиям и в то же время какая-то остервенелая погоня за вещами и развлечениями. Не то чтобы Кирилла раздражало это, но вызывало усталость. Отвратительную усталость.

Непроизвольно он оказался на «Семёновской». Вышел в город и пошёл к дому Вики. Сумеречная неуютность, люди, толпящиеся у магазинов и на остановках, слабые приметы далёкой весны, едва-едва обозначенные в осанке деревьев, расправляющих свои ветви для нового полёта в весеннее безбрежье, вызвали у Кирилла чувство неизбежности всего происходящего.

Теперь вот неизбежна командировка в какие-то Вятские Поляны. Где это, в каком далеке? Он не стал звонить Вике. Просто подошёл к её дому, посмотрел на освещённые окна, за одним из которых была она, представил её сидящей с книгой на диване и улыбнулся своему нелепому поступку: ну совсем как влюблённый мальчишка. Однако

на душе стало теплее и спокойней. «Завтра позвоню», – подумал Кирилл и отправился домой.

Он давно уже заметил, что ожидание радостных событий, предвкушение праздника больше доставляет удовольствия, чем сам праздник.

Дома, к его удивлению, обошлось без каких-либо упреков и даже более того: жена ждала его, чтобы вместе поужинать и рассказать о всяческих новостях.

Он рассеянно слушал её и думал, что трудно понять этих женщин, как будто они сделаны из другого теста, по крайней мере, с другой начинкой. Вспомнился анекдот, как Бог решил побаловать первых женщин сладким и принёс им по кусочку сахара. Однако его оказалось на один кусочек больше, чем женщин. И Бог дал одной женщине два кусочка. С тех пор мужчины ищут самую сладкую женщину.

Засыпая, он думал о Вике и о том, куда они пойдут завтра.

После оформления командировки в отделе кадров Кирилл получил в бухгалтерии командировочные, выяснил, что вместе с ним отрядили в поездку Клейнера, и поехал покупать билеты в Вятские Поляны.

Позвонил Вике:

– Какие планы на вечер?

Оказалось, что она освобождается раньше обычного, и они договорились встретиться на «Маяковской» в четыре пополудни.

– Знаешь, куда мы сегодня пойдём? – спросила Вика.

– Даже Бог не предполагал, что предложит Ева Адаму. Где уж мне, грешному, звать задумки женщины.

– А ты напрягись. О чём мы говорили в прошлый раз?

Кирилл пытался вспомнить, но память упрямо воспроизводила лицо Вики, когда она обернулась при последнем расставании, прежде чем исчезнуть в подъезде своего дома.

– О поэзии, – привычным тоном учительницы младших классов подсказала Вика. – Сегодня встреча с поэтами в кафе «Аэлита», и у меня пригласительный билет на два лица.

– А куда же денется тело, пока лицо будет поглощать стихи? – пошутил Кирилл.

– Тело будет шляться по Москве в поисках своего лица. У нас, кстати, есть ещё час до поэзии. Вполне хватит, чтобы зайти в учколлектор и посмотреть, есть ли там нужные пособия для занятий.

Они пересекли улицу Горького и пошли по Садово-Триумфальной, куда указывал Маяковский со своего высокого постамента. Идти оказалось недалеко, туда, где улица Чехова переходила в Каляевскую, пересекая Садовое Кольцо. На этом пересечении, как бы деля Садово-Триумфальную вдоль, стояли старые трёхэтажные строения, где и находился учколлектор.

Вика долго рассматривала различные колбы, термометры и плакаты, потом выбрала нужные ей для занятий и выписала счёт на предоплату. Затем они пересекли узкую улочку, вышли на угол Каляевской и пошли вправо по Оружейному переулку и вскоре увидели кафе.

– А вот и «Аэлита»! – гордо произнесла Вика.

Кирилл никогда не бывал на поэтических вечерах, которые давно стали популярными, собирая полные аудитории. Поэтов приглашали в клубы, в институты, на предприятия, в школы. Были популярными встречи с поэтами, где участвовали также художники, артисты, композиторы, в Политехническом музее, кафе «Молодёжное», «Селена», «Аэлита»...

Кирилл с настороженным любопытством вошёл вслед за Викой в небольшой зал с низким потолком и эстампами на стенах. Приглушённо звучала музыка. На столиках на четверых стояли вазы с печеньем и бутылки лимонада. Кирилл поинтересовался:

– И это всё, чем здесь угощают?

Вика продолжила шутку:

– Лица как-нибудь перебьются. Им грубая пища не нужна.

– Я согласен на манную кашу.

Тем не менее подошедшая официантка, похожая скорее на студентку-первокурсницу, приняла заказ на бутылку сухого вина, мороженое и кофе.

– А как насчёт печенья и лимонада? – поинтересовался Кирилл.

– Это бесплатно. Пожалуйста, угощайтесь.

Зал быстро заполнялся, и к ним за столик посадили ещё двоих – парня лет двадцати пяти и пожилого мужчину. Его непослушные, зачёсанные назад волосы диссонировали с мягкими, интеллигентными чертами чуть удлинённого лица, под тёмным пиджаком белела не первой свежести рубашка. Он быстро оглядел зал, потом Кирилла с Викторией и склонился к своему спутнику. Парень согласно кивал и улыбался.

Наконец музыка прекратилась, и на середину зала вышла ведущая вечера. В ярком блузоне, юбке чуть ниже колен, она смотрелась в приглушённом свете зала почти девочкой, и только артистические жесты рук, чуть огрубевший голос и правильно выстроенная речь выдавали опытного администратора.

Она поздоровалась с публикой и торжественно объявила:

– Сегодня у нас в гостях два поэта, представители разных поколений, но из одной страны по имени Поэзия: знаменитый Леонид Мартынов и пока ещё не очень известный, но много обещающий Никита Борисов. А также молодая певица Галина Ненашева.

Зал дружно зааплодировал. Особенно хлопала Вика и радостно смотрела на Кирилла, который всё ещё не мог проникнуться настроением зала и смущённо отвечал ей слабой улыбкой.

Ведущая продолжала:

– Я предоставляю слово Леониду Мартынову. Встречайте нашего гостя!

Неистовые аплодисменты готовы были обрушить зал, но вставший из-за столика, где сидели Кирилл с Викторией, пожилой мужчина остановил их, подняв руку, и сказал усталым голосом:

– Подождите. Я ещё ничего не прочитал.

Из зала стали выкрикивать:

– «Первый снег»!

– «Усталость»!

– Про любовь!

Мартынов переждал крики и стал читать громко, отчётливо, вырубая каждую строчку из плоти стиха как самодостаточную, сопровождая это скупыми жестами руки:

*Ты жива,
Ты жива!
Не сожгли тебя пламень и лава,
Не засыпало пеплом, а только задело едва.
Ты жива,
Как трава,
Увядать не имевшая право,
Будешь ты и в снегах зелена
И поздней Покрова.*

После каждого стихотворения овации возобновлялись, и поэт снова останавливал их поднятием руки. И продолжал читать:

*О, годовщины, годовщины,
Былые дни!
Былые дни – как исполины
Встанут они!..*

Кирилл чувствовал, как постепенно он подчиняется общему настроению зала. Голос поэта, ритмическое чередование звуков погружали его в медитативную стихию поэзии, рождая в нём созвучие чувствам автора:

*Усталость разрасталась
В вечерней мгле.
Усталость распласталась
По всей земле.
Усталость становилась
Сильнее нас...*

Эти строки окончательно убедили Кирилла в необъяснимом воздействии слов поэта и связи с его мыслями и ощущениями, с тем, что он думал и переживал в последнее время.

Мартынов устало опустил на стул возле Кирилла, а зал всё ещё аплодировал, требуя продолжения.

Наконец ведущая успокоила публику обещанием, что Леонид Николаевич ещё почитает стихи, а сейчас послушайте нашу гостью – певицу Галину Ненашеву.

Певица пела в сопровождении двух гитаристов прозрачным, как лесной ручей, голосом о Карелии, о неразделённой любви, но даже в радостных фразах не могла преодолеть грусти, которая, казалось, существовала в её голосе помимо желания.

После неё выступил парень, сидящий рядом с Мартыновым, которого ведущая представила как студента Литинститута Никиту Борисова. Читал он смущённо, как будто извиняясь за то, что отвлекает присутствующих от важных дел, однако после первого же стихотворения о девушке, дробящей ломом лёд, публика аплодировала долго и очень тепло проводила его, когда он закончил читать стихи.

Кирилл плохо слушал выступающего, думая о стихах Мартынова «Усталость», и наконец решился спросить его:

– Леонид Николаевич, а у вас часто бывает это чувство и как вы боретесь с ним?

– Работой, работой, молодой человек, и ещё мыслями о любимом предмете, то бишь человеке.

Он лукаво улыбнулся:

– Но вам, я думаю, не грозит испытывать это тягостное состояние.

Кирилл смутился, ощутив очевидный намёк на своё настроение и Вику.

– У вас, молодых, столько прекрасного впереди, что об усталости нужно забыть. Хотя...

Мартынов не закончил это «хотя», но Кирилл почувствовал неуверенность поэта в прекрасном будущем.

Вика разговорилась с Никитой Борисовым, и в конце концов они втроём покинули «Аэлиту» и пошли по вечерней Москве к «Маяковской». Вика договорилась с поэтом о том, что он выступит у них в школе, заручившись согласием Кирилла обязательно быть на этой встрече.

Потом Кирилл, как обычно, проводил Вику и только при прощании сказал о командировке в Вятские Поляны.

– А я? – испуганно спросила она.

– А ты... Ты будешь ждать, не встречаясь ни с какими поэтами.

– Ну вот, – с улыбкой произнесла Вика, – ещё дом не построил, а забор уже городишь. Лучше скорее возвращайся.

На следующий день часа за полтора до отхода поезда Кирилл встретился с Клейнером на Комсомольской площади у магазина «Белоруссия», они зашли и купили в дорогу бутылку водки, хлеба, пирожков, колбасы, красной икры и шпротов.

– Ну, это чтобы ты пореже вспоминал свою нимфочку, – шутил Клейнер, поглядывая на встречаемых девушек.

«Да, с Клейнером скучно не будет, – подумал Кирилл, – нормальный мужик, любящий поспорить на любые темы, преферансист и шахматист, но со своими странностями, хотя как посмотреть: может быть, это особенность его взгляда на жизнь».

Однажды Клейнер пригласил Кирилла к себе в гости по какому-то поводу: «Моя жена сгорает от любопытства – взглянуть на тебя, женского угодника».

Перешагнув порог дома, Кирилл увидел под ногами простенький коврик, на котором были написаны имена: «Степан Иванович», «Стрептов», «Веденяпин».

«Что это?» – «Это мои враги, – с достоинством вышколенного швейцара ответил Клейнер, – я об них вытираю ноги!» – «Но ведь они постепенно стираются... Или появляются другие?» – «Конечно. Время от времени я обновляю имена. Наши враги тоже не вечны. К тому же о мёртвых не принято вытирать ноги».

...Едва отъехав от Москвы, они развернули дорожные припасы и пригласили к столу попутчиков по купе – капитана, с орденскими планками на потёртом кителе, и женщину лет пятидесяти, в строгом коричневом костюме, который совершенно не шёл к её миловидному, доброму лицу.

Она равнодушным взглядом скользнула по снеди на столике, отодвинулась ближе к двери и углубилась в чтение журнала.

Капитан оказался разговорчивым, особенно после первых глотков водки, и рассказал, что при демобилизации ему предложили поехать работать на одно из закрытых предприятий Урала.

– Вот туда и направляюсь. Думаю, что там почти военная обстановка, а я привык к армии. Это уже впиталось в меня, как порох в ладони сапёра. Вот устроюсь и вызову своих – жену с двумя ребятишками.

Клейнер не удержался от расспросов.

– Где пришлось воевать?

Капитан, как показалось Кириллу не очень охотно рассказал, что после окончания пехотного училища и сапёрной подготовки воевал в составе 43-й армии 3-го Белорусского фронта. Тяжёлые были бои в Восточной Пруссии, особенно при взятии Кёнигсберга, где он получил ранение в предплечье левой руки. Потом госпиталь – и снова в свой сапёрный. Однажды на его глазах разорвало в клочья его друга, когда он разминировал проход в минном поле для атакующих.

– У меня после этого что-то произошло с психикой. Начиналась дрожь в руках, во всём теле, даже когда ставили свои ПМД или ПОМЗы. Меня перевели на интендантскую должность, а потом и вовсе демобилизовали. Армия стремительно сокращалась.

Последние слова капитан произнёс с грустным сожалением и сразу же допил водку из стакана и замолчал.

Клейнер не унимался:

– А зачем нам большая армия? Мы же за мир во всём мире, а кормить такую ораву накладно. Не так ли?

«Всё-таки капитан умеет владеть собой, хотя у него и дрожат руки, когда он поднимает стакан», – подумал Кирилл, слушая его ответ.

– Наверное, оно и так, да вот большое сомнение насчёт мира во всём мире. Армия, правда, теряет свой боевой дух. Да и не только армия. Что-то меняется у нас, а что – не могу додумать. Может, вы разобъясните? Не зря, наверное, институты заканчивали и в столичных инженерах ходите?

Видимо, этот разговор заинтересовал женщину. Она отложила журнал и, казалось, прислушалась, однако, ничего не сказав, поднялась и вышла из купе.

Пока Клейнер с капитаном о чём-то спорили, Кирилл из любопытства стал смотреть потрепанный изрядно журнал, в котором его внимание привлёк роман И. Эренбурга «Оттепель».

Он прочитал почти страницу, но не нашёл ничего интересного и отложил журнал.

Присоединиться к походу в вагон-ресторан не хотелось, и Кирилл вышел в коридор.

Женщина стояла у окна, и ему показалось, что она тихо плачет.

– Не нужна ли вам помощь?

Женщина повернулась к Кириллу, и он увидел медленно гаснущую улыбку на её лице.

– Разве только подождите входить в купе. Я должна переодеться.

Около часа проторчав в проходе, Кирилл отправился в вагон-ресторан, надеясь встретить там Клейнера с капитаном.

Проходя вагоны, Кирилл заметил, что, несмотря на позднее время, пассажиры весело коротали время – кто-то в застолье, кто-то игрой в карты, и на этом фоне шумный вагон-ресторан показался естественным продолжением непонятного Кириллу праздника. В облачках табачного дыма качались, кивали, негодовали и смеялись пожилые и молодые, женские и мужские лица, среди которых Кирилл наконец разглядел Клейнера с капитаном.

– Замечательно, что ты пришёл, – закричал Клейнер, – давно хотел пойти за тобой, но боялся потерять место.

Кирилл втиснулся между ними, капитан раздобыл фужер, налил водки, и они выпили.

– Так вот, – продолжал прерванный разговор, почти кричал Клейнер, – теперь всё изменится. Никакого культа, никаких личностей! Нужно думать о человеке, отдельно взятом индивидууме. Обрыдли лозунги и призывы! Я хочу жить, просто жить, пить водку, есть колбасу и красную икру, любить женщин и иметь свою, пусть небольшую, но отдельную квартиру.

Капитан то согласно кивал, то вяло возражал:

– Уж лучше культ личности, чем культ жратвы. На фронте мы это чётко понимали. Мы шли в атаку за Родину, а иначе бы не победили.

– Я же не против Родины, – кипятился Клейнер, – я за то, чтобы на моей Родине меня считали человеком, а не винтиком для паровоза, который летит в светлое будущее.

Капитан огрызнулся:

– В светлое будущее на колбасе не въедешь!

Кирилл почти не слушал знакомые монологи Клейнера, стараясь понять капитана в его сбивчивых ответах и его отношение к последним событиям.

Чувствовалось, что капитан воспринимает неотрывно от своей судьбы то, что происходит в стране: и открытие Института ядерных исследований в Дубне, и новый самолёт «ТУ-104», и начало телевизионного вещания, и подавление мятежа в Венгрии, и помощь Египту, и даже повышение пенсии в два раза. Уклонился он только от разговора о XX съезде.

«Нет, капитан далеко не простак», – подумал Кирилл и, сославшись на усталость, вернулся в купе.

Женщина лежала под одеялом, продолжая читать журнал.

Кирилл забрался на свою полку и ещё долго лежал, думая о Вике, о капитане, об ощущении усталости, которое не покидало его даже в дороге, пока не уснул под уверенный и равномерный стук колёс.

...Вятские Поляны встретили небольшим морозцем и снегом. Он придавал незатейливым улицам, низкорослым домам и аккуратным заборчикам уютно-патриархальный вид, напоминающий выцветшую хохломскую роспись.

В сумеречном воздухе витали самые разнообразные запахи, напоминая, что пришло время ужина и обогрева домов – над ними вились дымки от затопленных печей.

Кирилл с Клейнером сразу же отправились в управление машиностроительного завода, откуда и пришло письмо в институт о плохой работе котлов.

Там им дали направление в гостиницу, и наглухо упакованная в полувоенскую, полувоенную одежду высокорослая девушка строго предупредила, что утром, не позже девяти часов, за ними приедет инженер-теплотехник.

Ещё было светло, и они решили пройтись пешком, размяться после дороги и посмотреть город.

Напротив управления, в сквере, несколько рабочих ломачами разбивали низ постамента, на котором стоял бюст Сталина. Рядом высился автокран, тросы от которого были готовы обхватить гранит, чтобы выдернуть его из земли. Поодаль стояло несколько человек, в основном старики, которые тихо переговаривались между собой, вытирая щёки рукавами. Падал мелкий снег, укрывая бюст белым платом и закрывая глаза водителя.

Кириллу казалось, что это происходит не в реальности, а в каком-то фантастическом сне. Разум отказывался верить в это и принимать как факт.

Заскрипели тросы, постамент качнулся и упал вместе с бюстом.

Клейнер засмеялся:

– Туда ему и дорога. Долой идиолов!

Кирилл ничего не ответил и пошёл дальше. В памяти крутились слова песни:

*Я немало по свету хаживал,
Жил в окопах, в землянке, в тайге...*

Он уже без интереса смотрел на город, когда Клейнер обратил его внимание на церковь. В густых сумерках едва различался купол над ней, и вся она была обшарпанная, в обносках штукатурки на стенах, как побирушка в старенькой одежде. Около входных дверей толпились люди, среди которых выделялись милицейские фуражки. Мужчины в штатском выносили из церкви ящики и узлы, укладывая их на машину. Двое волокли к повозке большую, в рост человека икону, за которую цеплялись старушки и жалобно голосили.

Кирилл остановился около двух мужиков в ватниках. Один из них говорил:

– Кому она помешала? Всю войну люди молились в ней за фронтовиков, за победу над фашистами. Скольким людям она принесла надежду и успокоение! Кому она помешала?

Кирилл повернулся к Клейнеру:

– Что они делают?

– Расчищают дорогу в светлое будущее. Но для нас с тобой она лежит в гостиницу. Пошли скорее. Устал я от капитана.

– Я думаю, что больше он от тебя.

Уже подходя к гостинице, встретили группу девушек, щёлкающих семечки. Клейнер приободрился.

– Почём семечки, вятчанки?

– Тебе по красненькой, на выбор!

Они дружно рассмеялись.

Кирилл искренне удивился:

– Ничего себе цены! В Москве рубль стакан.

– Ну и тундра ты, Кирилл! Понимать надо, что они предлагают за червонец. Обойдёмся. Не стоит рисковать, чтобы не мучиться опосля этих «семечек».

Их поселили в номере на троих, но третьего жильца не было, и они, наскоро перекусив в буфете, легли спать в холодные жёсткие постели.

Кирилл проснулся от стука в дверь. Натянув брюки, открыл её, и вместе с запахом варёной картошки в комнату вошла пожилая женщина, укутанная в тёмно-серый шерстяной платок.

– Зачем закрываетесь? У нас не воруют. Собирайтесь. Сейчас за вами придут.

Клейнер долго ворчал, что рано разбудили, что холодно, что зря он вообще согласился ехать в эту дыру.

Наскоро выпив по стакану чая с пирожком, они вышли на улицу, где их уже ждала машина.

Начальник котельной, крупного телосложения, розовощёкий, с редкими бровями, одетый в военный ватник и с офицерской фуражкой на голове, был похож на только что демобилизованного лейтенанта.

Клейнер продолжил ворчать:

– Что, тут у вас все ходят в военной форме? Казарма какая-то...

– Юртаев, – представился начальник котельной. – Дык, война была. Все были при ней, – простодушно ответил он. – Однако, поехали.

Ехали всего пять минут, потом вошли в закопчённое холодное помещение котельной, где их встретил кочегар дядя Гриша.

Понаблюдав за горением угля в топках, осмотрев котлы и проверив приборы, Кирилл в основном уже знал причины плохой работы котельной.

Дядя Гриша, которому было, наверно, за шестьдесят, подбрасывая уголь в топку и отворачиваясь от выхлопа газов, говорил:

– Не горит, язви его! Больше дыма, чем жара, да и котлы – не того, не тянут. Откуда быть теплу в домах, ежели на градуснике больше сорока не бывает?

Кирилл взял шуровку, разровнял горящий слой угля по всей колосниковой решётке, подождал, когда пламя охватит всю площадь топки, и подбросил веером новую порцию угля. То же самое сделал в других котлах – помог опыт работы кочегаром (он подрабатывал, участь в институте).

Это помогло поднять температуру воды на выходе из котлов на 2–3 °С, но дальше этого дело не шло.

Кирилл попросил Юртаева дать в помощь пару рабочих, и они вскрыли верхнюю обмуровку на неработающем котле.

Посветив переноской, Кирилл позвал начальника котельной.

– Посмотрите: все конвективные каналы почти забиты уносом, проще говоря, сажей. Вы чистили котлы перед отопительным сезоном?

– А кто же знал?

– Котлы работают на высокосолевых длиннопламенных углях, а колосниковую решётку поставили высоко, как под антрацит. Вот вам вторая причина. Ну а третья – низкая квалификация кочегаров.

– Дядя Гриша – наш знаменитый фрезеровщик. Ордена имеет. А в кочегары его перевели недавно. Он уже на пенсии, а на заводе меняются технологии. Вот и перевели.

Кирилл посмотрел, как дядя Гриша с трудом справляется с шуровкой и долго держит дверцу топки открытой.

– Дайте мне на пару дней двух рабочих. Мы приведём в порядок резервный котёл, а потом остальные. Может быть, за неделю управимся.

Начальник котельной ушёл, а Кирилл присоединился к Клейнеру, который во дворе осматривал лопнувшие секции, отгребая снег.

– Смотри, – показывал он на трещины в секциях, – типичная картина. Все они расположены в районе надтопочного выступа. Я возьму пару обломков в институт, посмотрим, что за чугун. Думаю, вряд ли это СЧ-28, как должно быть.

Клейнер увлечённо говорил о признаках нарушения технологии, и Кирилл подумал, что в знании дела ему не откажешь. Человек, правда, дерьмовый, ну да с ним детей не крестить. В критической ситуации от него можно ждать всё что угодно.

Кирилл решил подготовить инструменты и всё необходимое для завтрашней работы, попросил подыскать какой-нибудь халат или ватник и брезентовые рукавицы.

Клейнер не стал ждать его и ушёл в гостиницу один.

– А может, и вправду семечек купить? – не то сказал всерьёз, не то пошутил он.

Кирилл возвращался, когда уже стемнело. Метель не унималась, и редкие фонари высвечивали белые языки мятущегося снега.

В сквере возле управления постамента с бюстом уже не было. Снег вокруг ямы, где стоял памятник, кружился в каком-то загадочном, ритуальном танце, всё больше укрывая провал. Метель зализывала рану земли.

«А в Москве, наверное, ещё осень», – подумал Кирилл.

Он хотел представить себе, что делает сейчас Вика, но мысли упорно возвращались к выдранному памятнику. Зачем? Кому это нужно? Уж во всяком случае не народу. Он видел, с какой грустью в глазах смотрели люди на грубую экзекуцию над недавно ещё великим вождём страны. Разве он уже в прошлом? И каким тогда будет будущее, растаптывающее своё прошлое?

...Через два дня Кирилл с рабочими закончили переоборудование и чистку резервного котла. В момент пробной топки пришла секретарь парторганизации завода, и Кирилл с удивлением узнал в ней попутчицу по купе, читавшую «Оттепель».

В ней что-то изменилось: исчезла молодившая её улыбка, и вместо неё на лице утвердился каменный взгляд, тяжеловесно передвигающийся с одного предмета на другой.

– Вы считаете, что после вашего ремонта котлы обеспечат наш жилой сектор? – взыскующе спросила она, поглядывая на Кирилла.

– Это единственное, что может помочь. Какое-то улучшение будет, но хватит ли этого, я сказать не могу.

Она задавала ещё вопросы, и Кирилл отвечал на них, поглядывая на термометр горячей воды. Температура медленно повышалась.

Женщина подошла к кочегару.

– Дядя Гриша, а почему ты здесь?

– Дык, вот, перевело начальство. Теперича закрыли наш цех на переделку под какие-то нужные товары – то ли кастрюли, то ли утюги, то ли ещё что. А мне не с руки баловством заниматься. Старый уже.

– Зря ты, дядя Гриша, думаешь, что это баловство – выпускать товары для населения, – голос секретаря парторганизации обрёл металлический оттенок. – Война одно требовала, а мир – другое. Вот видишь, пенсии всем повысили в два раза. Разве это плохо?

– Дык, я не жалуясь. Я говорю, что вот перевели сюда. Начальству виднее, где мне быть.

Дядя Гриша ёжился под взглядом секретаря, не зная, как уйти от неприятного разговора.

Кирилл видел, как стоящий поодаль Клейнер посмеивается, и вмешался в разговор.

– Знаете, хорошо бы завести уголь получше. В сильные морозы на этом не потянете.

– Не обещаю. К нам в город идёт только такой. Но мы будем строить новую котельную. Жилфонд расширяется, будем возводить пятиэтажки, где будут отдельные квартиры вместо коммунальных. Кстати, вы не могли бы посоветовать, какие котлы выбрать для новой котельной? Зайдите ко мне в заводоуправление. Меня зовут Анна Захаровна.

Кирилл назвал себя и показал на Клейнера. Анна Захаровна подошла к нему.

– Что же вы дичитесь? В вагоне были смелее.

Когда она ушла, Клейнер нарочно громко, чтобы слышал дядя Гриша, сказал вслед:

– Наконец-то выкатилась. Какое отношение имеет партком к котельной? Занималась бы лучше своим делом. Ну а ты что собираешься делать, светило котельных наук?

Кирилл ответил, что собирается довести до ума остальные три котла, а на это уйдёт дней десять.

Клейнер вскипел:

– Ты что, сбрендил? Дай рекомендации – и пусть скажут спасибо.

И увидев, что Кирилл помрачнел, добавил:

– Во всяком случае, на меня можешь не рассчитывать. Я завтра уезжаю.

Вечер в гостиничном номере прошёл довольно мирно. Купили по дороге водки и закуски, взяли в буфете рагу и поужинали. Потом играли в шахматы, которые обнаружили у дежурной, и Клейнер рассказывал об институтских сплетнях.

Утром он уехал, а Кирилл, облачившись в старый ватник, взялся за работу.

Уезжал он из Вятских Полян через четыре дня. Начальник котельной взял на себя ремонт оставшихся котлов, убедившись, что это даёт неплохой результат: котельная стала оживать, улучшилась тяга, теплее стало в домах.

Начальство подписало благодарственное письмо в институт и даже обеспечило билетом в купейный вагон.

Кирилл с грустью смотрел на растворяющийся в клубах дыма и пара город, пока поезд медленно набирал скорость, и думал, что в памяти, наверное, ничего не останется, кроме вырванного памятника и плачущих старушек, цепляющихся за икону, и что это странным образом совмещается, не мешая друг другу.

На этот раз попутчиками были двое мужчин: один лет сорока, другой, наверное, за пятьдесят, которые вели себя на редкость тихо, как бы избегая привлечь внимание к себе.

Третий своими манерами, речью, старомодностью поношенной одежды и, наконец, своим возрастом был похож на дореволюционного интеллигента, какими их изображают в революционных фильмах.

Он так и представился Кириллу, когда они остались в купе одни, по-старинному учтиво:

– Пётр Николаевич, если угодно. Честь имею.

Кирилл немного растерялся и в ответ путано пробормотал о себе.

Разговор как-то не складывался, но, когда двое других попутчиков уходили, видимо, в вагон-ресторан, Пётр Николаевич оживлялся, говорил торопливо, как человек, истосковавшийся в одиночестве или не имеющий возможности говорить, о чём хотелось бы. Он переходил с одной темы на другую, перемежая рассказ вопросами к Кириллу в основном о жизни в Москве, словно он много лет не бывал в ней.

Дорога, случайный попутчик располагали к некоторой откровенности, тем более что Кирилл и сам искал такого общения, в котором надеялся если и не услышать объяснения своих странных ощущений, то хотя бы обозначить их как некую реальную данность.

И эта его внутренняя, идущая от сердца озабоченность, лишённая позёрства, не осталась не замеченной собеседником, и, наверное, поэтому разговор получился доверительным, наполненным внутренним смыслом, без чего общение двух незнакомых людей быстро становится обременительным для обоих.

Пётр Николаевич родом был из Чернигова, но жить довелось во многих городах, в основном европейских, но долее всего в Праге, куда он сейчас и возвращался после отбытия срока.

Кирилл спросил его:

– За что же?

– Видите ли, молодой человек, я мог бы повторить расхожую ныне фразу о невинности жертв сталинских репрессий, причислив себя к ним. Однако делать этого не собираюсь. Борьба идеологий, тем паче если на кону стоит государственная власть, всегда беспощадна. Так было, так будет и впредь. А мы были не щепками, которые летят при рубке леса, мы были деревьями. Вам, молодым, смею думать, едва ли знакомо слово «евразийство». А для нас русская идея после революции воплощалась именно в евразийстве, в той непреложной истине, что Россия – особая, уникальная держава, вскормленная живительными соками Востока и Запада. Хотя ей всё-таки ближе империя Чингиз-хана, чем империя Карла Великого.

– Значит, вы были против революции?

– А вам не приходит в голову, молодой человек, что мир нельзя втиснуть в прямолинейные функции, в «да–нет», «свет–тьма», «добро–зло»? Что есть

промежуточные состояния? Революцию мы не только приняли, мы считали её спасительной для России. Она открыла новую эпоху в её историческом развитии, отторгнув в основе своей западную культуру. И это возвращало самобытность, без которой не может состояться никакая цивилизационная система. А Россию мы видели именно цивилизацией, но несколько иной, чем большевики, особенно их якобинское крыло.

Кирилл слушал Петра Николаевича с какой-то невнятной робостью, боясь задавать вопросы, что такое «евразийство», что за якобинское крыло в партии, как он относится к последним событиям, почему едет в Прагу, но видел, что ему хочется просто высказаться, не заботясь, какое впечатление производят его слова на собеседника, а скорее, просто невольного слушателя. Пётр Николаевич иногда словно бы не видел Кирилла, а говорил для кого-то другого, незримого, из другого мира.

Когда возвращались соседи, Пётр Николаевич менял тему разговора или начинал спрашивать Кирилла:

– Ну, а как Москва? Много за войну было разрушено? Пушкин на Тверской уцелел? А в Петербурге – извините, конечно же, в Ленинграде – ещё остались разбитые здания от войны?

После рассказа Кирилла о поэтическом вечере Пётр Николаевич оживился:

– Так, значит, вам понравился Леонид Мартынов? Хороший поэт, но несколько умозрительный, правильный какой-то, фантазии, «сумасшествинки», если хотите, не хватает.

Они выходили в коридор, и, стоя у окна, Пётр Николаевич продолжал вполголоса:

– Теперь всё яснее становится значение Сталина для русской истории. Его развенчание преступно не только с позиций объективной оценки советской системы, созданной под его руководством, но, главное, перед судьбой будущих поколений и той трагедии, которая неизбежно последует за убийством символов и, как следствие, идеи, ради которой выстраивалась система.

Кирилл решил высказать хоть какое-то своё отношение к этому.

– Разве это преступление – честно сказать о репрессиях невинных людей?

– Молодой человек, вы, надеюсь, заглядывали в учебники истории. Вы можете мне назвать крупное государство, а тем паче империю, которая была бы аки ангел небесный? Значит, вопрос в соотношении добра и зла. В том, какая власть с наибольшей эффективностью управляет государством и создаёт лучшие условия для материальных и духовных запросов народа. Эта же самая матушка-история показывает, что только диктатура способна решать эти задачи с максимальным успехом и воплощать национальную идею в реальность сильной, независимой державы.

Время от времени Пётр Николаевич прерывал свой монолог, заходил в купе, глотал какую-то таблетку, запивая её остывшим чаем, и снова говорил, глядя в беззвёздное мрачное небо, нависшее над монотонно покачивающимся поездом.

– Либерализм всегда обходился народу и государству дороже, чем диктатура. Великий Платон говорил, что из всех форм государственной власти наихудшие – деспотия и демократия. Человечество не однажды в этом убеждалось, но история, к сожалению, ничему не учит. Что же касается репрессий... Внутренние враги существуют при любой власти, и было бы наивно думать, что у советской их не было. Смею думать, что их было гораздо больше, чем у всякой другой. Врагов самой разной масти. Поэтому так важна способность защищать государственные идеалы и созданную политическую систему от посягательств врагов.

Мягкотелость власти приводит, как правило, к её ликвидации, и большое заблуждение – думать, что общественные свободы приводят к процветанию. Они ведут к разрушению нравственных и духовных опор общества.

Из своего далека Пётр Николаевич вдруг обратился к Кириллу, словно вспомнил о его присутствии:

– Вам не надоело слушать стариковские измышления? Уже первый час ночи, да и куда приятнее вам, молодым, общаться с девушками, чем с такими занудами, как я.

Кирилл кое-как успокоил Петра Николаевича, сказав о своей привычке поздно ложиться спать и той усталости, с которыми он не может разобраться.

Тёмно-пепельные, как угольки в остывшей печи, глаза Петра Николаевича снова стали вглядываться в ночную мглу с редкими росчерками огней, и он продолжал:

– Уходят герои. Уходит время борцов за великую идею, преданных своему Отечеству. Уходят, отдав все свои духовные и физические силы идее справедливого мироустройства. Они ошиблись в том, что создавали Божье царство, отринув Бога, ту сакральную доминанту, которая называется верой в Творца. Они не знали, что это уже было. Теперь происходит сжатие духовного пространства до величины вида из одного окна. Монолит начал потрескивать и рассыпаться. Всё пришло в движение, даже тот камень, если хотите, фундамент, так, наверное, будет понятнее для вас, на котором строился и держался храм новой веры. И началось это с развенчания её апостолов.

Кирилл напряжённо следил за ходом мыслей Петра Николаевича и всё же иногда терял их логическую связь, возможно, ещё и потому, что собственные раздумья заслоняли не только смысл слов попутчика, но и сам голос его. Беспокойство, рождённое последним временем, то обретало едва ли очевидные очертания, то снова превращалось в бесформенный, студенистый морок, сквозь который единственной реальностью пробивались слова странного старика.

Кирилл то согласно кивал, то спрашивал невпопад о чём-нибудь и снова старался понять, о чём говорит Пётр Николаевич. Кирилл и сам ощущал всем своим нутром, что начинается другое время, которое странными отметинами проступало на плоти и духе огромной страны, и более всего, наверное, на духе, ибо они не были заметны, не лежали на поверхности, а вызревали медленно и неотвратимо. Ему не было жаль уходящего времени, а то, что приходило ему на смену, не пугало, но и не радовало, а просто было интересно посмотреть, что же будет дальше.

Кирилл неожиданно сказал вслух:

– Но ведь придут другие герои и будут продолжать то же дело с такой же верой в успех...

– Вы так думаете? Ваши сверстники тоже так думают? Хотелось бы ошибиться. Я тоже когда-то верил в подобное. Но, к сожалению, существует непреложный закон: герои рождают пигмеев, а пигмеи не способны рождать великие замыслы и совершать великое. В лучшем случае, они способны на компиляцию, на подражание, если хотите, причём в ухудшенном варианте.

...Позже, вспоминая о своём необычном попутчике, Кирилл обнаружил, что в памяти осталось совсем немного из того, о чём говорил Пётр Николаевич. Но и это заставило Кирилла обратиться к книгам об истории и знаменитых философах.

...Москва встретила слякотью и промозглым ветром. Люди теснились, обходя большие лужи, ёжились от холода на остановках городского транспорта, но воспринимали всё это стоически спокойно. Спокойная озабоченность витала над улицами и площадями, отражаясь на лицах, в мутных стёклах окон домов и в магазинных витринах. Всё было как обычно, и всё же что-то неуловимое, непонятное и настораживающее появилось во всём, в самом воздухе города, в его огнях, отражающихся в лужах.

Кирилл окунулся в привычную необходимость дел на работе и дома, в такие же привычные скандалы с женой, которые сменялись её заботливостью и играми с сыном.

Уже привычными стали встречи с Викой, которая всё чаще бывала задумчивой и грустной.

– Что с тобой? – спрашивал Кирилл. – Что-нибудь на работе не ладится или дома? Уж не влюбилась ли в поэта?

Вика отшучивалась:

– Лучше бы в поэта...

Она стала реже звонить ему на работу, и Кирилл смотрел иногда на телефонный аппарат как на предательское существо.

В институте началась деловая суэта. То и дело шли собрания – то профсоюзные, то партийные, то комсомольские.

Разворачивалось движение за коммунистический труд, принимались коллективные и личные обязательства, а в курилках и коридорах говорили о романе М. Дудинцева «Не хлебом единым» и читали копии журнала «Синтаксис». По воскресеньям уходили в турпоходы, слушали скрипучие звуки музыкальных записей Армстронга, Синатра, Азнавура и Ив. Монтана.

Кирилл вспоминал слова Петра Николаевича: «Запад всегда был враждебен России, и всякое заигрывание с ним заканчивалось бедой. Сейчас я вижу, как подспудно зреет низкопоклонство перед западной культурой, и не нужно быть пророком, чтобы понять, к чему это приведёт».

На одном из партийных собраний в присутствии представителя райкома ярко выступил Клейнер. Он обрушился на тематический план института, в котором, по его мнению, было много работ, не имеющих практического применения, говорил о необходимости больше доверять творческой инициативе масс и роли профсоюзов, а закончил призывом одобрить внутреннюю и внешнюю политику партии и лично товарища Хрущёва.

Вскорости начались кадровые перемены. Вместо старого директора, доктора технических наук, внешне сурового, но, по сути, добряка, прошедшего войну сначала комиссаром, а в конце ставшего замкомполка, назначили хозяйственника из министерства. «Квадрата» утвердили замом директора, а начальником отдела стал кандидат наук из расформированного военного НИИ.

Клейнера заметили и перевели инструктором в райком партии.

А у Кирилла в жизни началась чёрная полоса. Все подспудно таящиеся неприятности вдруг разом вылезли и обрушились на него, не давая даже дня передышки. Из тематического плана института вычеркнули проблему, которой он занимался последние два года, как бесперспективную, и предложили заменить её на более актуальную. Дома жена каждый вечер находила повод для скандала с оскорблениями и слезами.

Вика практически перестала звонить, а до неё добраться не удавалось. Наконец однажды он услышал её голос, тихий, отчуждённый, и даже хотел представиться, думая, что она не узнала его, но Вика опередила:

– Да, Кирилл, я слушаю тебя.

Кое-как он всё-таки уговорил её встретиться. Она пришла без опоздания, одетая как-то уж очень легко для холодной погоды.

Ни о чём не спрашивая, Кирилл долго смотрел на её хмурое лицо, потом взял решительно её ладони и стал дышать на них, склонившись так низко, что ощущал запах кожи, нежный и незнакомый.

Слова тихие, сбивчивые родились помимо его сознания, и были в них чувства растерянности, тоски и одиночества, и Вика печально глядела на него, не отнимая ладоней и ничего не спрашивая. Кирилл почувствовал, что она понимает его, одна на целом свете, и большего счастья в этот момент для него не существовало.

– Мне нужно снять где-нибудь комнату. Я не могу больше там жить.

Вика от неожиданности отпрянула.

– Но ведь там твой сын!

– Буду иногда приезжать к нему. Я не знаю, что больше ему повредит – постоянные скандалы между родителями или мой уход.

– Может быть, ты виноват и тебе нужно измениться, быть терпимее, что ли?

Кирилл был уже во власти высказанного намерения, поэтому продолжал без колебаний:

– Допустим, я не буду спорить, что стол не нужно передвигать, что сперва нужно купить теще сервиз, а потом сыну ботинки, что нужно после работы заниматься какой-нибудь халтурой, а не ходить в библиотеку или стадион, и вообще не буду возражать ни в чём, но это не спасёт меня от оскорблений и постоянных упрёков, что я не так живу, что хорошие мужья умеют зарабатывать деньги, чтобы жена ни в чём не нуждалась.

Кирилл говорил сухую правду, но для Вики правда была в другом, и она шла к ней с хитростью, присущей женщине.

– Может быть, нужно жить отдельно от её родителей?

– Такой эксперимент уже был. Они уезжали на три месяца к родственникам. Скандалов стало действительно меньше, зато больше слёз: «Меня некому защитить».

– Но ведь когда-то ты говорил ей «люблю» и сам предложил выходить за тебя замуж?

– Не совсем так, но что-то вроде этого. Мне было двадцать лет, соответствующая обстановка, её слёзы, разговор с её матерью – словом, всё сошлось нежданно-негаданно.

Посоветовав что-то ещё, Вика подошла к своей правде.

– Ну а я-то зачем тебе нужна? Чтобы рассказывать о своих проблемах?

Кирилл, ни на миг не задумываясь, стал говорить Вике о своих чувствах к ней, о том, что он не представляет себе, как жить без неё.

– Я люблю тебя!

Вика наконец услышала то, что она ждала, свою правду, и сразу переменяла тон.

Она могла бы сказать Кириллу о своих ответных чувствах, но понимала, что торопиться ей нельзя, ещё не пришло время. Всё это было на бессознательном уровне, интуитивно, как подсказывала ей женская сущность, взращенная самой природой. Уже по-другому, мягко и нежно, она спросила:

– Ты действительно хочешь уйти?

И, не дожидаясь ответа Кирилла, она стала перебирать знакомых, которые могли бы помочь в поисках комнаты.

Они шли по Тверскому бульвару в сторону Никитских ворот так близко друг к другу, что казались издали одной нелепой фигурой, фантазией скульптора, доверившегося капризу материала. Пронизанные светом фонарей деревья источали влажное дыхание пробуждающихся корневых соков, которое смешивалось с остудным воздухом, придавая ему сладко-терпкий запах весенней бесшабашности.

Кирилл не отпускал руку Вики, а она продолжала задавать вопросы о его семье из одного только ревнивого чувства: любил ли он жену и насколько ему нужна она, Вика, которую толком он ещё не знает. Всего какой-то год назад она и представить себе не могла, что может полюбить женатого. Теперь же всё это казалось естественным, и только слабый голосок совести, что она причиняет боль другим, заставлял Вику испытывать Кирилла вновь и вновь.

Наконец она успокоилась и стала рассказывать о знаменитых местах Тверского бульвара, о доме Герцена, о тенях прошлого и о нынешнем Литературном институте и его знаменитостях, о храме Большого Вознесения, где венчался Пушкин с Натальей Николаевной Гончаровой, и как во время венчания у него в руках погасла свеча, как уронил священник обручальное кольцо...

– А ты веришь в приметы? – спросила она.

– Конечно. Если ты улыбнёшься – значит, у тебя хорошее настроение.

– Не хитри, я серьёзно...

Кирилл вдруг повернул её к себе и поцеловал в губы, потом ещё и ещё, а она смеялась, слабо сопротивляясь, но потом ответила сама коротким, тихим поцелуем.

Растворяясь в беспредельной слитности с любимой, с городом, где он живёт, со всем таким удивительным, замечательным миром, он понял, что будет делать и как жить.

Кирилл решил, что не поедет домой, а переночует где-нибудь, например, на вокзале, и, проводив Вику, зашёл на Ярославский, отыскал место в зале ожидания и стал читать купленную газету, изображая уверенного в себе пассажира.

В зале было неуютно и холодно: всё время мельтешили люди с узлами, чемоданами, громко и противно звучала оповестительная информация бесполом голосом, плакал в соседнем ряду ребёнок и кто-то время от времени кричал:

– Продаю билет до Ухты!

К Кириллу подошёл взлохмаченный мужик в зелёном ватнике:

– Ну что, интеллигент, скинемся? Ты же всё равно никуда не едешь.

– Почему? Еду.

– Не коси. Вещей-то нет. А кто ж без вещей едет с одной газеткой?..

– Украла.

– Не держи за дурака. Ты бы щас бегал как пожарная лошадь, а не газету мусолил.

Кирилл встал и молча ушёл в другой зал, но там и сесть было негде, и он решил поехать домой.

Однако дома ему не открыли дверь, а на настойчивые стуки тёща, как из глубины подземелья, язвительно сказала:

– Иди туда, откуда пришёл!

И он вернулся на вокзал.

Днём на работу позвонила Вика и сказала, что есть подходящая комната. И он в тот же день переселился, забрав из дома только личные вещи.

Потом была жалоба жены в партком института, но так как Кирилл не был членом партии, то ограничились беседованием и наставлением на путь истинный.

Дня через два в институт приехал инженер Братского завода отопительного оборудования по вопросам испытания котла новой конструкции у них на заводе и стал уговаривать Кирилла переселиться в Братск – город великих строек и отважных людей.

Он рассказывал о тайге, об охоте и рыбалке на Ангаре, об удивительных людях и их увлечениях книгами, камнями, легендами Севера, фауной и флорой Сибири.

– У нас встречаются личные библиотеки, которые побольше ваших районных, – говорил он, заканчивая любой рассказ о Братске словами: – Тебе сразу же дадут жильё и зарплату раза в два выше московской.

Вика на удивление решительно поддержала идею переехать в Братск.

– А развод, а работа, а неизвестность, как всё сложится? – возражал Кирилл. – И вообще, я без тебя никуда не поеду!

Вика не видела непреодолимых преград:

– Развод может и подождать, а работа... Я не думаю, что там она будет неинтересной, тем более по твоей специальности. Ну, а я доработаю до конца учебного года, а там посмотрим, захочешь ли ты меня позвать к себе.

– Глупая моя, – обижался Кирилл, – я же люблю тебя не до окончания учебного года, а на всю жизнь. Понимаешь – на всю!

Через две недели позвонили из Братска и предложили Кириллу работу и условия даже сверх его ожиданий.

...Сидя в кресле самолёта Москва–Братск, Кирилл перебирал в памяти свои 24 года жизни, и самым счастливым ему казался вечер, когда они шли с Викой по Тверскому бульвару.

Сидящий рядом пожилой мужчина спросил Кирилла:

– Первый раз в Сибирь?

– Да. И, надеюсь, надолго.

– Это как повезёт. Примет она тебя, твои руки и твою душу, тогда напоит шаманским зельем и приворожит навек своей красотой и бескрайностью. А не примет – и месяца не протянешь.

Кирилл посмотрел на руки соседа, тяжёлые, грубые, в белёсых рубцах, и улыбнулся:

– Я думаю, примет.

После промежуточной посадки в Челябинске началась Сибирь. Кирилл смотрел в иллюминатор сперва просто с любопытством, но потом величественное раздолье неоглядных просторов, испещрённых дорогами и реками, малые и большие островки людского расселения среди живописных, благолепных таёжных массивов заворожили его и уже не отпускали до самого Братска.

Весна пробуждала полудрёмную тайгу, где местами ещё белели прожилки снега, как кости мамонта, но уже синели бесчисленные озера, возвращая солнечные лучи в небеса, и этот отражённый, фаворский свет сжигал в душе Кирилла последние вкрапины усталости, приглушая сомнения и боль от разорванных живых тканей оставленного привычного мира.

Образы минувшего то превращались в едва заметные тени, то снова обретали зримые черты – и сына, и Вики, и Петра Николаевича, но всё это уже не могло пошатнуть в нём уверенности, что всё образуется и настоящая жизнь только начинается.

Но он не знал и не мог знать, чем обернётся то «убийство символов», о котором говорил странный старик-попутчик.

Алексей РЯСКИН

Алексей Алексеевич Ряскин родился в 1984 году в Воронеже. Окончил Воронежскую государственную лесотехническую академию по специальности «Инженер машин и оборудования лесотехнического комплекса», Воронежский государственный университет по специальности «Журналист». Печатался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Север», «Губернский стиль», «Florida RUS», интернет-изданиях «Молоко» и «Камертон», сборнике воронежских сказочников «Заколдованное слово», коллективных сборниках «Поэтех», «Стихоборье», «Первая вежа», «Дыхание надежды и весны», «Молодые писатели России» и других. Автор книг «Сказки Одной Недели» (2008), «Солнце за пазухой» (2010), «Мельница» (2011), «Чучело рыжего кота» (2014), «Мост через переносицу» (2014). Лауреат премии имени Василия Кубанева, премий журнала «Камертон» и журнала «Север», Гран-при поэтического фестиваля «Во славу Бориса и Глеба», премии имени Егора Исаева, лауреат литературного конкурса «Славянское братство». Живёт в Воронеже.

ВЫШНИ

День в самом разгаре. Я лежу в саду на старой койке и смотрю на нависающие надо мной ветки яблони. Солнечные лучи мелькают в листве, словно цветные стёклышки в калейдоскопе. Где-то сонно скрипит сверчок. Изредка до меня долетают собачий лай или крик какого-нибудь одуревшего от жары петуха. Весь мир тонет в звенящей тишине, какая бывает лишь в жаркий летний полдень. Кажется, что она сочится из каждой травинки на лугу, из каждой нависающей надо мной ветки, из каждого клочка неба.

Я лежу не шевелясь уже больше часа. По всему телу разливается какая-то раскалённая летним солнцем сонливость. Мысли, как расплавленный мёд, медленно перетекают в моей голове, не задерживаясь ни на чём. Вот уже несколько минут я наблюдаю за тем, как оса ползает по цветку одуванчика. Помню, что так же любил наблюдать за осами в детстве. Странно, но с тех пор ни оса, ни цветок ничуть не изменились. И совсем не важно, что это уже совсем другая оса и другой одуванчик.

– Фтю-у-у!

Тишину нарушает пронзительный то ли свист, то ли крик. За ним слышится череда звонких ударов: кажется, что кто-то уронил груды тарелок на железный пол. А следом – шум птичьих крыльев. Это вспорхнула стая скворцов, распуганная шумом.

Я недовольно морщусь и поворачиваюсь на бок. За две недели, что я провёл здесь, эти звуки мне порядочно надоели. Шумит наша соседка, Дарья Михайловна Башцева, которую в деревне зовут просто Мишина.

Мишиной, наверное, лет восемьдесят. А может, и больше, я точно не знаю. В прошлом эта женщина была героем труда, передовой колхозницей, которую ставили в пример и взрослым, и детям. Работала она со школы, чуть ли не с первых классов, помогая отцу пасти деревенское стадо. Потом, став постарше, стала полоть с матерью свёклу на колхозных полях. К школьному выпускному вечеру у Башцевой были руки, начисто отравленные работой: они, эти руки, уже не представляли себя без какого-то дела, в праздности. Так начиналась её рабочая биография. Когда Мишиной присваивали звание героя труда, председатель лично поздравлял её и благодарил за работу. Даже в районный центр вызывали и там поздравляли. До сих пор где-то в недрах её старого, засиженного молью шкафа хранилась пожелтевшая газетка с фотографией молодой Дарьи Михайловны на первой странице и подписью: «Работники, которыми гордится наша Родина». Она действительно была Героем труда. Ещё бабка мне рассказывала, как они вместе ездили от колхоза на добычу торфа и как Мишина загружала машины наравне с мужиками: стоя по колено в болотной жиже, она лихо орудовала лопатой, изредка останавливаясь лишь для того, чтобы отогнать комаров.

Своей семьи у Мишиной не было. Не сложилось. Был, правда, Васька Комов, которого она, как говорили, ждала из армии. Но не дождалась. Васька в деревню так и не вернулся: обосновался по месту службы, устроился на работу, женился, детей завёл. Может быть, эта обида на Ваську и превратилась у Мишиной в какое-то органическое недоверие ко всем мужчинам. А может быть, эти истории – сплетни, и ей просто не повезло в жизни. Как бы там ни было, всё это было в далёком прошлом. Теперь Мишина – ослепшая старуха, без семьи, без денег и без здоровья.

– Фтю-у-у! – снова раздаётся её клич.

И опять клацанье железа и шум грачиной стаи. Я закрываю глаза и представляю, как она сидит на стуле под вишнями и стучит ложкой по пустой кастрюле. Грачи улетают, но через несколько минут возвращаются назад. Мишина к тому моменту задрёмывает, и кастрюля едва не выпадает у неё из рук. Но вот она просыпается, слышит шум птиц над головой и вновь тишину пронизывает её голос:

– Фтю-у-у!

И так каждый день, целую неделю, всё время, пока вишни совсем не сойдут. С тех пор, как шесть лет назад она окончательно ослепла, это стало её единственным занятием – разгонять налетавших на вишни грачей. Утром Мишину выводит в сад дочь её двоюродной сестры, Клавдия Ивановна Олимова. Ей самой уже за шестьдесят, но она до сих пор работает дояркой в колхозе. Муж её давно умер, дети из деревни уехали – по сути, она была такой же одинокой старухой, как и Мишина. Рано на рассвете, идя на утреннюю дойку, Клавдия Ивановна заходит к Мишиной, умывает её, кормит и выводит в сад. Там, на стуле, который всегда стоит на одном и том же месте, она оставляет старуху с алюминиевой ложкой и пустой кастрюлей в руках. Затем Клавдия Ивановна приходит в обед, чтобы покормить Мишину. Вечером, возвращаясь домой после вечерней дойки, она заводит Мишину назад в дом. Кормит её, переодевает и укладывает спать. Во всей деревне это единственный человек, которому есть дело до слепой, отживающей свой век старухи. Быть может, это чувство долга. Или не израсходованная за жизнь потребность присматривать за кем-то. А может, просто доброта.

– Фтю-у-у!

Стая грачей снова громко хлопает крыльями, покидая ветки вишен.

Я смотрю на одуванчик и замечаю, что оса уже улетела. Интересно, осталась ли после неё хоть немного нектара в цветке? Или она забрала всё до капли? А быть может, оса лишь пригубила нектара и тут же отправилась дальше? Не потому что этот цветок плох. И не потому, что следующий будет слаще. А просто потому, что так и должно быть. Вкусить аромат одного цветка – и, не стремясь заполучить его весь, без остатка, лететь дальше, к другим цветам, оставив этот в прошлом. Лететь в незнакомые луга, к незнакомым цветам, чтобы рано или поздно на одном из них встретить осень. Без грусти и сожалений. Не так ли стоит поступать и нам с каждым прожитым днём?

– Фтю-у-у!

Звон кастрюли уже в который раз сотрясает сад. Я ложусь навзничь и снова думаю о Мишиной.

Я помню её сухой подвижной старухой, которая днями напролёт полола огород и громко ругалась с соседями, когда их куры заходили в её сад. Ни разу мне не довелось увидеть Мишину сидящей на лавке перед домом. Всё время она что-то делала: косила, полола, поливала, готовила, стирала. Снова и снова. Казалось, в её теле была спрятана пружина, которая постоянно требовала чего-то, к чему она могла бы приложить таящуюся в ней силу. Ей было под семьдесят, когда она наконец-то решила, что больше не в силах держать корову. А свинью вывела, лишь когда один глаз у неё уже совсем перестал видеть и потихоньку начал слепнуть второй. От кур ей помогла избавиться Клавдия Ивановна, когда Мишина была уже абсолютно слепа. Двор её опустел, умолк, обезголосел. Не могу сказать наверняка, но думаю, что эта тишина пугала слепую старуху. Эта была не та тишина, которой наслаждался я, лёжа на кровати под яблоней, глядя на игру света

в зелёной листве. Тишина её опустевшего двора была тишиной её жизни, тоже опустевшей, потерявшей всякий смысл. И, несмотря на годы, на слепоту и полную беспомощность, в этом дряхлом, тщедушном тельце всё ещё сжималась и разжималась та самая требующая деятельности пружина. Поэтому она так ждала лета и чувствовала себя такой потерянной, когда оно заканчивалось. На короткое время лето придавало смысл её существованию. В эти месяцы Мишина снова могла работать, быть полезной, хотя бы и в таком пустяковом деле, как отпугивание грачиных стай от вишен.

Сад у Мишиной был небольшой, каких-то восемь-десять деревьев. В детстве я часто лазил в него за вишнями и просто так, озорничать. Уже в то время он потихоньку дичал: деревья росли как попало, мешая друг другу, отчего все ветки с ягодами оказывались наверху. Сами вишни были мелкими и кислыми. Молодняк, растущий тут и там, Мишина изредка подрубала. Но с тех пор, как она ослепла, сад стал зарастать всё больше и больше.

– Фтю-у-у!

И грачи взмыли вверх.

Однажды я слышал, как Клавдия Ивановна обманывала Мишину, говоря ей, что продала ведро вишен приезжим дачникам. Мишина улыбалась, обнажая беззубые дёсны и начинала учить Клавдию Ивановну, как правильно торговаться и ни в коем случае не уступать в цене.

– Вышни-то – мёд, – доказывала она своим писклявым голосом. – Предложи Беженцевым – у них сроду вышни не росли.

Это её «вышни» напомнили мне моих покойных бабушек, тоже коверкавших это слово. Вспомнилось многое, о чём я не хотел бы вспоминать. Память стала безжалостно ворошить прошлое. Нахлынули грусть и тоска по ушедшему детству. Видимо, мне не дано беззаботно перелетать с цветка на цветок, как той осе, что сидела на одуванчике. Я всегда буду помнить каждый оставленный позади. И по каждому тосковать.

В тот день, будучи во власти нахлынувших воспоминаний, я решил сделать слепой старухе приятное: купить у неё вишен. Взяв ведро, я пошёл в сад к Мишиной.

Старуха сидела на невысоком стуле, облокотившись о ствол вишни. В руках у неё были неизменные ложка и кастрюля. Услышав мои шаги, она повернула голову в мою сторону.

– Здравствуйте! – громко сказал я.

Мишина молчала. Мой голос был ей не знаком.

– Я слышал, что вы вишни продаёте. Вот, хотел купить ведёрко.

Лицо её некоторое время хранило настороженное выражение. А затем, когда смысл сказанного мной дошёл до неё, Мишина улыбнулась. Странно выглядела эта улыбка: всё лицо её превратилось в клубок морщин. На меня смотрела воплощённая старость.

– Бери, сынок, – запричитала она. – Вышни – мёд. Собирай.

Я стал собирать. В уме пронеслось: как же она узнает, сколько именно я собрал? Ведь старуха слепа. А вдруг я набрал два ведра? Что это – доверчивость, глупость или старческое слабоумие?

Мишина молчала. Казалось, что она задремала. Мне хотелось поговорить с ней, что-то сказать, о чём-то расспросить. Но я не знал, как и что сказать, и молча собирал ягоды. Время от времени я поглядывал на согбенный сухой силуэт на стуле. Старуха мне казалась такой жалкой, такой беспомощной, что даже захотелось просто отдать деньги и уйти, лишь бы её не видеть. В чём был смысл её существования? Что дала миру эта жизнь? Тысячи прополотых грядок? Несколько тонн скошенного сена? Два десятка загруженных торфом машин? Всё это казалось мне глупым, бессмысленным, напрасным. С чем она пришла к старости? Когда этой старухи не станет, что напомнит о её существовании? Пожелтевшие похвальные грамоты? Или та статейка в газете? Всю свою жизнь она посвятила труду, работе. Но разве достаточно одного труда, чтобы заполнить чашу жизни полностью? Мне хотелось спросить, не горько ли ей теперь оттого, что так сложилась её судьба?

Я положил в рот несколько ягод. Вишни были кислыми. Морщась, я проглотил их и продолжил собирать. В саду было тихо и прохладно. Набрав половину ведра, я присел передохнуть. Мишина молчала и не шевелилась. Лишь пальцы её время от времени начинали перебирать складки на старом платье. Я посмотрел под ноги, и мой взгляд отыскал среди травы маленького муравья, тащившего крохотную соломинку. Разве он думал о том, что такое его жизнь? Разве его ждали слава и вечная память после смерти? Он – всего лишь песчинка в мировой круговерти, о существовании которой никто никогда не узнает. Но я вижу, как упрямо он тащит соломинку, которая в два раза больше него, и во мне невольно пробуждается уважение к этому маленькому трудяге. Пусть он всего лишь капля в океане жизни, неотличимая от миллионов других, похожих на него. Пусть его короткая жизнь останется незамеченной и быстро забудется. Он упрямо тащит соломинку к муравейнику, потому что это его дело, которое, не будь его на этом свете, так и осталось бы несделанным, потому что он живой...

Мысль оборвалась так же внезапно, как и появилась. Посидев немного, я пошёл к старухе, решив, что мне хватит и половины ведра.

– Набрал уже? – спросила она, услышав мои шаги.

– Да, – ответил я.

– Ведро?

– Да.

Мишина назвала цену. Я отдал, не торгуясь. Никакой особой радости не отразилось на лице старухи, когда она брала деньги. Да и я не чувствовал, что сделал что-то хорошее. Напротив, ощущал себя лжецом. Те полведра, что я набрал, пришлось выбросить: вишни были кислыми и для еды не годились. А варить из них варенье было некому.

– Фтю-у-у!

Удары ложки о кастрюлю снова возвращают меня в настоящее. Я встаю с кровати в некотором раздражении. Отдых испорчен ни к месту появившимися воспоминаниями и мыслями. Отлёжанная нога плохо слушается, и я, хромя, иду к дому. Послезавтра мой отпуск заканчивается, и я чувствую, как сильно соскучился по городу.

КАРАЧУН

(Перевод Риммы ЛЮТОЙ)

Глава седьмая

Феи в изгнании

Надо признаться, феи безобразничали, и уже довольно долго. Они, бывало, дерзко, противоестественно и жестоко шутили над людьми. А что хуже всего – воровали детей, просто подчиняясь собственной прихоти, в упоении от творимого злодейства, с особым удовольствием попирая родительские права и до смерти пугая малюток даже в колыбели! Вершиной нравственного падения фей стало их упорное нежелание держать собственное слово. Они стремились добиться своего с помощью всевозможных уловок, хитростей и трюков и для достижения самых низменных, лживых целей пользовались словоблудием, при обмане беззастенчиво опираясь на фальшивую логику.

Таких беззаконий не случалось до той поры, пока Королева фей не сподобилась столь постыдным способом раздобыть Карачун... Наверное, не нужно судить её слишком строго, ведь царственная повелительница была ничем не хуже Евы, рождённой от Адамова ребра: и та тоже, возможно, была бы счастлива, живи она как следует... Но любопытство сжигало легкомысленную Королеву фей так же, как некогда и её сестру из рода человеческого. А потому, узнав о существовании чудодейственного Карачуна и о многочисленных его дивных достоинствах, она начала активные поиски напитка. Королева так надеялась, что обладание волшебным эликсиром остановит поток неудач и череду невзгод, обрушившихся в последние времена на неё и на подвластный ей народ! И она решила не жалеть ни сил, ни средств – но завладеть Карачуном. Чего только фея не предпринимала! Увы, сто лет все старания были напрасны.

И вот она с помощью Колина обманым путём достигла желанной цели... Однако повелительнице фей и в голову не приходило, что необыкновенные свойства чудесного вина действовали благотворно лишь на тех, кто по сути своей был благ – добр, светел душою и чистосердечен; злых же и бесчестных настигала кара, сокрытая в грозном названии «Карачун». А потому, как только заветная бутылка с драгоценной влагой оказалась раскупорена, а весь королевский двор во главе с коварной своей правительницей надышался опасными парами напитка, хитроумные феи получили по заслугам. Вместо того чтобы приобрести давно предвкушаемое ими блаженство, они неожиданно для себя одряхлели, превратились в больных и безутешных стариков и старух.

С той поры, как в ужасную лунную ночь многочисленное племя внезапно состарившихся фей удалилось нестройной толпой из домика пастуха в Шотландии, рыдая и сетуя на судьбу, Колин больше не видел их. Да и откуда же ему было знать, что если злые козни какой-нибудь феи достигают некоего предела, то на весь её род по воле провидения обрушивается страшное наказание?.. А именно это и произошло, и всё племя фей было вынуждено оставить страну, где долгие сотни лет жили бесчисленные поколения их предков. Им пришлось бросить знакомые места, где родились они сами и где росли их дети, покинуть милый сердцу край и отправиться странствовать по свету, томясь, подчиняясь духу внутреннего беспокойства, жажде успеха и какой-то смутной неудовлетворённости – болезненной страсти, что гнала их с места на место.

Но не могли феи преодолеть своей тоски по навек оставленной ими родной земле, как никогда не умели и остановить себя в своих желаниях, чтобы вовремя вернуться назад. Им казалось, что окончательное решение всегда можно отложить и на завтрашний день. Но приходило завтра – и ничего не менялось, и возвращение снова отодвигалось на новый срок. И так длилось до тех пор, пока феи не набредали наконец – о нет, не на свой старый дом! – на место своей гибели. Там беспокойство на время словно оставляло их, прекращало мучить несовершенство встреченных пейзажей, не раздражала больше изменчивость чужих небес – и истомлённые странники понимали, что могут здесь остаться...

Неполное, несовершенное это успокоение основывалось не на осознании своей гармонии с обретенным новым домом, не на удовлетворённости климатом и местностью – оно было лишь следствием свершившейся духовной смерти, глухого безразличия ко всему на свете. Только это и мешало феям двигаться дальше. Племя оседало на новом месте лишь для того, чтобы оплакивать свою горькую судьбу и тосковать по утраченной родине...

Вечное недовольство фей не обязательно бывало связано с тем, что страна, в которую они прибыли, бедна природными красотами или климат её невыносимо суров, – отнюдь нет. То есть случалось, конечно, и подобное, но бывало и наоборот. Просто это была чужая страна, и они, пришельцы, в ней тоже оставались чужими и чувствовали себя именно пришлыми, органически чуждыми новому краю... И это возмездие почти всегда достигало фей, ведь они не желали искать причину собственных несчастий в себе, а винили в них весь окружающий мир. А потому пыткой для феи простенького колокольчика, например, оказывалась необходимость жить в благоухающем гиацинте. И страдание это было подобно тем, которым подвергают себя многие человеческие существа, претерпевающие свою жизнь как муку, как наказание от рождения до смерти. И не было и нет для любого племени фей кары страшнее, чем жить в стране, абсолютно не похожей на край, в котором и для которого оно было рождено. Ведь родина так же дорога для всего народа, как любимый цветок – для каждой феи в отдельности. И для юного поколения легконогого лунного народца именно о ней, о единственной земле обетованной, правитель, стоящий во главе племени – Король или Королева фей, каждый в свой черёд, – по обычаю слагает в творческом порыве мелодию новой колыбельной – чудный и простой напев, который никогда не забывается...

Племени требуется долгое время, чтобы прижиться в изгнании, притерпеться к незнакомой местности. Непривычные условия существования заставляют фей поневоле приспособливаться и изменяться, чтобы хоть отчасти суметь почувствовать себя в гармонии с окружающей действительностью и жизненными обстоятельствами. Пусть даже эти обстоятельства – лишь новые названия одежд и растений, но чужеземец редко преуспевает в их знании... Такое наказание своевольным феям непросто перенести: подчинение себя внешним условиям для них неестественно – как, впрочем, неестественно оправдание ими своих бед. И потому характер доброго народца, по природе своей достаточно беспокойный, от резких перемен сильно портится. В этом феи тоже, надо сказать, не столь уж далеки от людей...

«Но тут-то что за беда? – скажут некоторые скептики. – Тяжкой такую кару не сочтёшь». Чем плохой удел: из страны холмов, поросших вереском, и седых голых скал, с которых торопливой рысцой мчатся крохотные ручейки, быть изгнанным навеки? Зато есть возможность сменить туманный север, холодный и скудный, на щедрый Южный Девон – край богатых долин, огромных рек и густых лесов у побережья великого древнего океана... Похоже, феи были не такими уж зловредными, коль скоро заслужили столь мягкое возмездие – так решил бы несведущий судья. Однако тем, кто с этим согласен, следует чаще наблюдать за людьми – просто так, без всякой особенной цели. Тогда ему станет ясно, что в иных случаях именно приобретение огромного богатства бывает самой страшной бедой и главным наказанием всей жизни. И если кто-то этому не верит, тем хуже

для него. По крайней мере, шотландские феи, испытавшие на себе все тяготы нежеланного изобилия, придерживались иного мнения.

Они томились среди буйной, роскошной девонской природы, в изгнании они вздыхали и проливали слёзы по своей суровой, но милой Шотландии. Под пышной листвой равнин Девоншира... У бескрайнего океана, переливающегося зеленью и пурпуром и хранящего память о кораблях самых разных очертаний... На просторном берегу, утомляющем многоцветьем и изобилием видов живого и неживого – ракушек, рыбок, водорослей, рачков и прочих бесчисленных морских обитателей... Везде и всегда, ежедневно, ежечасно тосковали феи в чужом краю. Они вспоминали чистые, холодные, открытые всем ветрам склоны задумчивых родных холмов или протяжённые, с мягкими линиями вересковые просторы; грезили о диком, бурном сером море, что хранило память лишь о судах смелых древних скандинавов, о звучных криках китов и песнях русалок... Их сердца совсем не трогали большие полноводные реки, где отдыхали на рейде исполинские старинные корабли, покрытые шрамами нашумевших сражений. Изгнанникам дороже были скромные, уединённые ручьи и весёлые, говорливые потоки, бегущие с холмов, и берега, поросшие рябинами и берёзами... Страна, покинутая ими поневоле, возможно, и не показалась бы столь уж прекрасной и полной благодати постороннему взгляду; но для тех, чьей родиной она была, – оставалась единственной, и милее её не найти.

В тот день, когда феи оставляют любимый край, с ним тоже происходит что-то необъяснимо-грустное. словно тень близкой смерти падает на него и окутывает всё вокруг. Жизнерадостный путешественник, как и прежде, с удовольствием подставляет разгорячённое лицо ветру – но его дуновение уже не освежает... Наивный ребёнок терпеливо бродит в палисаднике у грядки маргариток – но не может найти среди нежных цветочных головок ни одного соцветия с красными кончиками, чтобы украсить им букет, только что любовно собранный им для матери... В первоцветах почему-то вполовину меньше нектара... Осы числом превосходят пчёл... Лошади к ночи возвращаются с поля вконец изнурённые, тяжело, чуть не до самых копыт повесив головы, едва добрались до конюшни... Юноши и девушки, правда, всё ещё счастливы во время свиданий – но дорога к месту встречи и обратно кажется им невыносимо длинной и скучной... Цвет боярышника не так бел и не так красен, как бывало, и тёмная грубая кора, проглядывающая сквозь поредевшие блёклые ветки, делает куст у перепутья похожим на придорожного оборванца... И день не так согрет солнечным теплом... И ночь не так нежна, как раньше...

Одним словом, с уходом фей исчезает нечто, чему нет названия, но без чего душе никогда не найти покоя и удовлетворения. Радость тает, свет меркнет, все надежды, ещё не родившись, обречены на неминуемую гибель.

Но и та страна, где находят себе последнее пристанище гонимые феи, увы, не станет ни богаче, ни прекрасней от их присутствия: если там уже есть свои феи, других ей не нужно...

Девоншир же с глубокой древности был богато населён феями; племена их жили в этом краю ещё со времён финикийцев, и даже задолго до них, и наличие местных уроженцев служило постоянным поводом для ссор и раздоров между старожилками и новыми поселенцами. Впрочем, даже если б их там никогда не существовало, всё же должны были пройти ещё века и века, прежде чем изгнанники смогли бы как-то прижиться, приспособиться к чужому дому. Пока же этого не произойдёт, сколько странного, пугающего и непонятного, сколько глупого и нелепого будет твориться в несчастном краю, поневоле облюбованном странствующими феями! Ломая и переделывая себя, они без жалости и сострадания смотрят и на окружающий мир – непривычный, неприветливый к ним, словно посланный в наказание – и сами становятся для него бременем и болезнью, мучая и терзаясь от трагедии взаимной несовместимости...

Конечно, упорный натуралист может, при необходимости, попытаться вырастить в теплице вьюнок, у нежных колокольчиков которого будет могучая душа увесистого

Кентерберийского колокола, что созывает паству к покаянию... Но кому это в радость? Ведь всякое создание живёт по своим законам. Так феи-изгнанники, по воле случая избравшие в качестве приюта и убежища случайно же встреченные ими на пути цветы, вдруг решали остаться там – и искренне старались сжиться, срастись с ними, и даже служили им по собственному разумению, изменяя и калеча и их, и себя...

Глава восьмая

Месть

К тому времени, как Колин с женою переселились в небольшой коттедж на юге страны, племя фей, изгнанных из Шотландии, уже обитало с ними по соседству на морском побережье в Девоншире. И не столь уж долгий срок понадобился любопытному и несчастному лунному народцу, чтобы разузнать, кто же именно прибыл на жительство в Южный Девон вслед за ними.

В день, когда выяснилось это обстоятельство, был созван большой совет. Вне всякого сомнения, что-то требовалось предпринять, дабы наказать давнего обидчика племени, а вот как именно его покарать – следовало тщательно обсудить. Едва ли не каждый лелеял планы мести, которую для устрашения можно было бы направить на детей...

Но Королева отказалась от излишней жестокости. Быть может, тяготы и лишения сделали её добрей и сострадательней? Кто знает. Во всяком случае, она предложила племени не принимать поспешных решений и понаблюдать за домашним укладом семьи Колина, на некоторый срок отложив возмездие. И тогда феи зачастили в домик на ферме, притом порою заявлялись туда большими компаниями. Всё же долгое время отомстить обидчику никак не удавалось.

Трое детей Колина – две старшие девочки и трёхлетний мальчик – воспринимали все каверзы фей как забавное развлечение, и навредить им не было никакой возможности. Когда хитрый народец, казалось, преуспев в своих уловках, выманивал детей за границы домашних владений, что-нибудь всегда нарушало изодранные планы мстителей. То вдруг, охваченные внезапной паникой, малыши поворачивали назад и неслись к дому со всех ног... То огромная разноцветная бабочка, или чудесная стрекоза, или ещё какое-то симпатичное крылатое создание пролетало мимо них в сторону дома – и ребятишки спешили вослед... То ласковый голос матери звал их от дверей...

Но вот час отмщенья настал. Однажды дети затеяли увлекательную игру. Сёстры завязали маленькому братцу глаза ленточкой и носили его – то на руках, то усадив его к себе на шею – по всем закоулкам фермы. При этом девочки рассказывали малышу придуманные на ходу забавные и страшные истории о невиданных краях и неизведанных странах, по которым они, как уверяли его, путешествовали, бродя по окрестностям усадьбы. В их повествовании, полном феерических вымыслов, всё выглядело очень натурально, и мальчик слушал затаив дыхание. Если вдруг приходилось подниматься вверх по ступенькам, то в фантазиях юных рассказчиц это, конечно, были неровные горные тропки, и взбираться на вершину с ношей на шее оказывалось ой как нелегко!.. Когда же путь снова шёл вниз, дети преисполнялись чудесной уверенностью в том, что теперь они спускаются в узкую зелёную долину... Затем, открыв кран у бочки с дождевой водой, они представляли себя путешествующими вдоль берега чистого ручья... А вот бесстрашные маленькие бродяги проникли в самую глубину таинственного великого леса, и тут уж мычание недоеной коровы, доносящееся с ближнего луга, вполне сходило за грозный рык хищного льва или грозного тигра...

Наконец они добрались до воображаемого озера, одинокого и холодного, а в него как будто бы впадал горный поток – и здесь надо было непременно разуться и снять носочки, чтобы не замочить ног при переходе стремнины вброд... И счастливый малыш, улыбаясь и грезя, скользил голыми пяточками по поверхности воды, представляя себя настоящим странником. Сёстры, шая, иногда окунали его в воду и брызгали друг на друга

то из деревянной бочки с тёплой водой для полива, то из большой каменной кадки, что стояла у самого порога – с питьевой водой, которая использовалась также для всяких домашних нужд. Девочки красочно живописали братцу картины, рождённые их юным свободным воображением, для пущей убедительности пронося его по всем самым необыкновенным, заманчивым, укромным и необычным местам внутри дома и за его дверьми на обширной родительской усадьбе. Рассказывая мальчику, как тяжело им выбираться из глубокой пропасти, сёстры действительно карабкались по крутой приставной лестнице, что вела на сеновал. Говоря, что бредут по пустыне, где нет ни одной дорожки и заблудиться ничего не стоит, они и в самом деле выходили на пустырь – таинственный, заросший дикими травами заброшенный участок земли в дальнем конце усадьбы. Устроенный там широкий крытый настил, который в случае необходимости использовался в качестве амбара, со стропилами, спускавшимися по обе стороны покатой крыши, был идеальным местом для воплощения в жизнь самых невероятных фантазий. Тишина и затхлость, царившие здесь, предельно усиливали ощущение одиночества и острое чувство покинутости всем миром, словно ты и вправду был затерян в бескрайней пустыне. И наблюдая за мгновенной сменой выражений на лице брата, девочки с детской непосредственностью отдавались участию в захватывающей игре...

Вот снова встал у них на пути непроходимый тёмный лес. Роль его успешно сыграл фруктовый сад, действительно весьма обширный. И в лунном свете, надо признаться, он мог пробудить странные иллюзии не только у наивного ребёнка, но и у искушённого взрослого. Девочки носили малыша вокруг старых деревьев в саду, и колючие ветки царапали им руки, и шершавые листья касались лиц... У сестёр глаза были всё время открыты, а мальчик, слушая, был полностью заморожен их сказочными речами, тихим шелестом листвы на ветру, цепкими захватами острых невидимых сучьев и прутиков. И наконец странное возбуждение охватило его, невыразимые словами предчувствия и непонятные ощущения ошеломили хрупкое сознание, беспокойство и необъяснимый страх потрясли детскую душу... Малыш готов был уже заплакать и запроситься домой, но огромное нервное напряжение сковало речь. Неведомо как и для чего его рассудок воплотил те реальные кошмарные картины, которые в близком будущем готовила ребёнку судьба...

Шалуньи несли братца через фруктовый сад и шуточно пугали его, убеждая, что видят фей, скользящих повсюду меж ветвями деревьев. Вовсе не предполагая, что он верит каждому их слову как истине, девочки посадили малыша под вишню, сняли с лица его лёгкую повязку – и кроха открыл глаза...

Сестёр не было. Он сидел на траве в полном одиночестве, и луна пристально наблюдала за ним с небес через мохнатые ветви яблонь, которые, думал он, походили на каких-то чудных старух, собравшихся вокруг него, и были такие худые, костлявые и недобрые...

Когда вернулись девочки, которые лишь на минутку отбежали в сторону и спрятались за стоящими поблизости деревьями, намереваясь удивить малыша и привести его в некоторое замешательство, – брат исчез.

В доме поднялся страшный переполох, стон и плач стояли до утра. Впрочем, отец и мать, вспомнив свой уже давний опыт общения с феями, быстро поняли: без них тут не обошлось. А потому лелеяли тайную надежду, что когда-нибудь, со временем, сын ещё возвратится к ним. Увы!.. Долгие и тщательные поиски, предпринимавшиеся неоднократно с отчаянным родительским рвением и неистощимой верой в душе, так ничего и не дали...

Обдумав множество планов по спасению сына, Колин не остановился ни на одном. Все замыслы казались либо смешными, либо неосуществимыми, либо слишком рассудочными в этой невероятной ситуации. Время шло, но ничего не менялось. Колин и подумать не мог, что его мальчика похитило то же самое племя фей, у которого ещё прежде, в Шотландии, он не только отобрал свою маленькую прелестную жену, но отнял также молодость и красоту. Приди это ему в голову, он, конечно, поторопился бы с поисками...

И вот семь лет минуло со дня исчезновения мальчика.

Как-то, неожиданно проснувшись в полночь, Колин открыл глаза, поражённый привидевшимися ему странными гротескными фигурами. Некоторые из них – он был абсолютно уверен в этом! – когда-то прежде уже встречались ему. В сегодняшнем сне, сумбурном и смутном, ему только что пригрезились как живые маленькие пары, танцующие на полу между камином и кроватью – и это была не нынешняя их комната в девонширском коттедже, нет! Фигурки танцевали на глиняном полу домика его детства... У одного из крошечных гостей была скрипка, но в этот раз музыкант почему-то не играл. Зато другие сказочные существа пели, громким хором поддерживая ритм своего танца. Пугающие слова их песни были обращены к костлявому скрипачу, который стоял в центре круга:

*Искусник Пустозвон, отъявленный худышка!
Сгодится на бульон украденный мальчишка?..
И щёчка, и глазок, ушко и подбородок?..
Ай, тонкий голосок рыдает – дело плохо!
Не хочет быть уродом, представьте, милый кроха,
так жалостно скулит: «Ой, папа, ой, болит!..»*

Тут худосочный Пустозвон прижал свою скрипку к плечу и извлёк из неё вопль, похожий на болезненный крик ребёнка, и после него танцоры снова взвились в бешеной пляске. Музыкант всё длил и варьировал этот стонущий дикий мотив, меняя громкость, темп, высоту и акценты – и бесконечная ползучая мелодия, казалось, извивалась в ритме буйного танца вместе с телами азартных плясунов, которые весело хлопали в такт ответной реплике Пустозвона:

*Ты, Обжорец, умой своё рыльце в пуху!
Не тебе ль я из уха готовлю уху?
А глазунью – из глаза, а щи – из щеки...
С отбивным подбородком пеку пирожки...
Живоглот ненасытный, помедли немного:
парня я засолил в Озерке Водяного,
чтоб к обеду врождённому дурню доспеть...
Папе Колину – глазом моргнуть не успеть!*

Затем скрипка снова изобразила подобие детского плача, и в танцевальных движениях появилось что-то совсем уж отталкивающее и гнусное. Колин похолодел от ужаса, хотя он и вполтину не склонен был верить тому кошмару, о котором с садистским удовольствием провыл ухмыляющийся костлявый изувер. Отцовское сердце забилося неровно и часто. Поражённо приподнявшись на кровати, Колин вперил остановившийся взор в картину балетного исступления маленьких злодеев, с душевным трепетом ожидая продолжения истории. Ждать пришлось недолго. Вперёд торжественно выступил слегка небритый толстомордый Обжорец и завершил куплет:

*Хэй-хо!.. А если он не станет торопиться,
и в Озерке мальчонка славно просолится...*

Эти полные угрозы слова новоиспечённого солиста все присутствующие феи сопроводили несколькими выразительными па, и в них Колину почудилось движение, которым вытягивают из воды полный невод... А мерзавец продолжил:

*Пусть знает, что к концу седьмой зимы соленья
грозит его мальцу наш пир пищеваренья:
ни глазок, ни щеки, ни подбородка с ушком –
лишь дырка для ватрушки, для кашицы кишки...*

И тут Колина осенило. Он вдруг понял: мучители сына – это его старые знакомые, шотландские феи, и все разрозненные и неестественные детали их выступления мгновенно собрались воедино! Не осталось и тени сомнения: разудалые кровожадные существа принадлежали именно к тому многочисленному племени фей, что семь лет назад проказничало в доме его отца-пастуха...

Снова загнусавил Обжорец:

*Ах, никогда Колину сынка не увидеть
и, усадив на спину, верхом не покатать,
с ушком, глазком, желудком, а может быть – без них...
Осталось девять суток, а дальше... – и-и-их-х!..*

Случайно перехватив полный страдания взгляд Колина, который в полуобморочном состоянии смотрел на беснующийся балаган с кровати, глумливый певец смолк – и с пронзительным хохотом все исчезли. Только унылые скрипичные наигрыши ещё долго тянулись за ними в ночи, словно шлейф за кометой...

Глава десятая

Снова старуха и курица

Теперь Колин прекрасно всё понял: в одно мгновение получил он исчерпывающее представление об этих феях, причём не столько благодаря собственным способностям, сколько – он не сомневался в этом – при посредстве иных сил, которые щедро подавали ему свою помощь.

Но что ж это были за силы? Во-первых, старуха с вересковой пустоши, решил он. На самом деле, Колин имел полное основание соотнести с нею и нынешнее доброе предзнаменование, ведь необыкновенное полуночное видение побуждало, подталкивало его к действию. Что ж, значит, он вернётся в Шотландию, и будет искать старуху с веретеном, и найдёт её. Он услышал её зов и напоминание – и он поспешит ей навстречу. Но древнюю мудрую пряжу ни за что не найти тому, кто, отправившись на её поиски, не потеряется сам – вот что нельзя забывать. По-иному никак не получится. Если хоть однажды удастся её отыскать и при этом не сбиться с пути, старуха, наверное, будет уже не собою, а обернётся собственной курицей...

Колин возвратился в Шотландию и без промедления отправился на вересковую пустошь. По этой обширной болотистой местности, что лежала к северу от дома его отца-пастуха, он так долго странствовал в детстве, что едва ли мог надеяться хоть когда-нибудь, пусть даже по случайному недоразумению, заблудиться здесь, на пустынной безрадостной земле, ведь она, кажется, была исхожена им вдоль и поперёк. Колину ещё только предстояло понять: не столь уж велика важность, где именно случится человеку потеряться. Главное – ощутить, что заблудился, пропал, обрести чувство оставленности – и всем сердцем отдаться переживанию этого бедствия...

Изо дня в день с утра уходил Колин на пустошь и возвращался затемно. Через некоторое время кошелёк его почти опустел, и Колин решил подзанять денег у одного

из своих старых приятелей. Отправился к нему на дальний конец болота Сотни Жал, однако дома никого не застал и, не в силах тратить время в пассивном ожидании, отправился в обратный путь. Уставший, голодный, в преддверии ночи он брёл прочь от чужого порога, размышляя о полной безуспешности своих упорных поисков. И, углубившись в тоскливый плен болотных кочек и осоки, всего-то на несколько миль отошёл от жилья – но тут совсем стемнело.

Небо затянуло сплошными тучами, скрывшими и звёзды, и луну. Колину казалось, что и во мраке память не изменит ему и он не сойдёт с дороги. Однако там, где он очутился, зыбкий болотистый путь требовал особого внимания и осторожности, здесь было трудно идти даже днём. Незаметно сойдя с тропы, Колин чуть не угодил в маленький омут – и только тут понял, что заблудился и не знает, в каком направлении ему теперь двигаться и что делать. И когда он, уяснив это, почти отчаялся, слева за деревьями мелькнул огонёк. Колин повернул к нему и пошёл, ведомый этой путеводной звездой. А приблизившись, обнаружил, что свет струится из распахнутой настежь двери знакомой маленькой хижины, похожей на улей...

Ещё в нескольких шагах от домика он услышал голос:

– Входи, Колин, я жду тебя.

Он повиновался сразу.

Старая хозяйка ничуть не изменилась с тех давних пор, когда Колин бывал у неё ещё мальчишкой... Всё так же размеренно работала прялка, так же крутилось веретено...

– Как поживаете, матушка? – поклонился Колин.

– У меня всегда всё в порядке. Никогда больше не спрашивай меня об этом.

– Ладно. Мне, честно говоря, хотелось бы спросить вас кое о чём другом, – согласился Колин. – Хотя, возможно, живя в Шотландии...

– Я нигде не живу. Но тот, кто прислушивается к моему голосу и к моим наставлениям, всегда найдёт меня, коли действительно захочет этого.

– Вы ещё видите, уважаемая?

– Вижу ли!.. Да я всегда вижу, причём настолько хорошо, что нет никакого смысла зажигать ещё и свет глаз. Потому-то я и отпустила их, они недёшево обходились...

Впрочем, выяснять, где именно теперь пребывают её глаза, Колину было, признаться, тоже не так уж важно. Нужнее были её советы.

– Итак, чего же ты хочешь на этот раз? – подводя итог разговору, для посетителя сейчас второстепенному, поинтересовалась хозяйка.

– Мне нужен сын. Феи похитили его.

– Знаю.

– И они отняли у него глаза...

– Я могу научить его видеть без них.

– И они отрезали ему уши...

– Слышат и безухие.

– И они засолили его щёку и подбородок в Озерке Водяного!

– А вот этому я уже не верю! – возразила старуха.

– Они сами рассказали мне... – отвечал Колин.

– Да эти феи куда большие лгунишки, чем я предполагала! Впрочем, и впрямь надо что-то делать. Садись поближе, я расскажу тебе одну историю.

– Семь лет ушло на поиски – и бесполезно, а сроку осталось только девять дней!.. – укоризненно произнёс Колин.

– Мне это известно не хуже, чем тебе, – рассердилась старая женщина, – потому я и говорю: некогда терять время. Присаживайся ближе и внимательно слушай меня... Видишь, вот и Пряха Дженни уже готова.

Торжественно ступая, из-за кровати появилась курица.

– Принимайся за стрижку овец, Дженни, да поторапливайся, потому что мне надо прясть скорее, чем обычно. Осталось только девять дней.

Дженни опрометью выскочила за дверь, держа голову вровень с хвостом, как будто коршун гнался за нею. Через несколько мгновений она вернулась с пучком шерсти, как старуха называла волокно для своей пряжи, хотя на вид это был обычный хлопок – лёгкий пух с хлопковых кустов, которые росли повсюду вокруг домика. Пучок был не меньше, чем сама Дженни. Опустив его на пол, курица тут же спешно отправилась за новой порцией. А старуха, прикрепив шерсть к прялке, зацепила нить веретеном и начала прясть. Работая, она рассказывала бесконечно долгую историю – речь её текла всё быстрее, быстрее и быстрее; и Пряха Дженни продолжала носиться туда-сюда неумолимо и целеустремлённо... Время шло, и Колин подумал, что уже, должно быть, полночь. Но когда рассказ был завершён, оказалось, что семь дней из девяти уже миновали.

– Колин, – мягко окликнула хозяйка своего гостя, – вставай. Теперь ты знаешь всё, что нужно. Отправляйся в путь сейчас же.

– Я готов, – ответил Колин, поднимаясь.

– Следи за дорогой. Дженни проводит тебя до мастерской сапожника. Скажи хозяину, что женщина с прялкой и веретеном велела дать тебе кусок сапожного воска.

– И что же мне надо будет с ним делать?

– Сапожник всегда знает, зачем нужен воск.

Произнеся это последнее замечание, старуха повернула лицо к огню: несмотря на то, что стояло лето, ночью было сыро и прохладно... И тут, поддавшись неожиданному любопытству, вместо того чтобы поспешить к выходу вслед за Дженни, как он только что собирался сделать, Колин затаив дыхание проскользнул вдоль стены к очагу и украдкой заглянул в лицо женщине... Там вместо морщин и старческой слепоты он увидел пару сияющих – нет, полыхающих – шаров света!.. Казалось, это не в них отражалось пламя, горевшее в печи, а сами они посылали яркие блики в огонь очага, поддерживая его жаркое горение!

В тот же миг домик и всё, что в нём находилось, исчезло. Колин поперхнулся холодным туманом, сгустившимся над болотом, и замертво упал навзничь.

Глава одиннадцатая Могущественный Сапожник

Когда, всё ещё лежа на болотной кочке, Колин пришёл в себя, он почти успокоился. Поднялся, внимательно огляделся.

Луна стояла высоко, но хижины нигде не было видно... Неимоверно сожалея о своём глупом и бесцеремонном любопытстве, на всякий случай Колин позвал: «Дженни, Дженни!..» – но безрезультатно. Что ж теперь делать? Завтра наступит восьмой день из девяти оставшихся, и если до полуночи следующего – последнего! – дня он не спасёт сына, ничего больше нельзя будет сделать как минимум ещё в течение семи лет! Это он знал наверняка. Если быть абсолютно точным, ровно семь отведённых на поиски лет истекали только к семи вечера десятого дня. Но феи не намерены были чем-то поступаться и милостиво дарить ему преимущества – и они забрали этот неполный день. Сейчас Колину ничего не оставалось, кроме как продвигаться наобум. Надо было идти хоть куда-то – движение вселяло в него тень надежды, может, он случайно набредёт на мастерскую Сапожника, а сидя неподвижно, он лишает себя и этого слабого утешения...

Предпочсть одно направление другому не было никакой возможности. Колин бесцельно проблуждал остаток этой ночи и весь следующий, восьмой день. Он не мог позволить себе возвратиться домой, пока не истечёт последний срок, и Сапожник уже никак не сможет помочь ему освободить сына. Найти мастерскую – эта единственная забота неотвязно занимала отца, так что, хотя он уже несколько дней не ел и не пил, Колин не задумывался над причинами надвигающейся физической слабости – некогда было. С наступлением темноты, однако, резко усилились мучительные боли несчастного: ноги его подкашивались, испарина изнеможения покрывала лоб, в горле пересохло и саднило,

глаза слезились от напряжения... Колин был на пределе сил – и душевных, и физических. Наконец он увидел слабо белеющий во тьме громадный плоский валун, который словно звал путника присесть и перевести дух, и медленно, с долгими остановками двинулся к нему, шатаясь от истощения и усталости.

Основание камня поросло мхами, а вершина слегка поблёскивала в свете звёзд. Но стоило Колину прислониться к прохладному и гладкому каменному боку, как он тут же увидел где-то впереди, чуть правее валуна (и не слишком далеко, мысленно отметил он) тусклое серебристое мерцание. словно окрылённый новой надеждой, забыв об изнурительных блужданиях, о слабости и голоде, о гудящих от боли ногах, Колин торопливо поднялся и направился к заинтересовавшему его месту.

Подойдя ближе, он затаил дыхание: в ночной тишине как будто слышался какой-то необычный мерный шум, словно сотканный из сотни схожих шумов поменьше. Звуки будили неясные воспоминания. Казалось, он уже слышал их прежде – где-нибудь на заводе или на фабрике в Лондоне, но где именно, Колин никак не мог припомнить. Задумавшись, он едва не упал, наткнувшись на длинное и очень низкое строение без окон и с одной только небольшой дверью в торце. Свет, привлёкший его внимание, лился из этой широко распахнутой дверцы. Колин приблизился и осторожно заглянул вовнутрь.

В помещении сидело множество сапожников – каждый на своём стуле, каждый со свечкой, воткнутой в специальное отверстие в сиденье стула. Дело кипело вовсю. Работники показали Колину невысокими ростом, хотя, конечно, не могли и сравниться размерами с крошечными феями. И – что самое замечательное в их поведении – все они одновременно и точно выполняли одно и то же движение – секунда в секунду, чётко и слаженно, словно были частью единого механизма. Когда один продевал иглу с нитью в подошву башмака, делая стежок – все делали то же самое. Если, удивлялся Колин, один, начиная вытягивать нить, поднимал глаза вверх – остальные тоже старательно тащили нить, глядя ввысь. Если кто-то вдруг принимался стучать молотком по шлифовальному кругу, то вся мастерская следовала его примеру. Не подневольное и не в стремлении подражать, вовсе нет – просто каждый в один и тот же миг хватал свой круг и впадал в процесс остервенелого битья молотком. Причём лупил по нему с такой сосредоточенностью и целеустремлённостью, как будто ничего иного в эту секунду от него ни в коем случае не требовалось да и его не занимало.

Колин решил присмотреться к ним более пристально – и заметил, что все сапожники слепы на один глаз и носы у всех свёрнуты на сторону, как сапожное шило. Тем не менее каждый из них чем-то неуловимо отличался по внешнему виду от своих коллег, несмотря на очень близкое, почти родовое сходство в чертах лица.

В это мгновение сапожники перехватили взгляд Колина, встали и все как один направили свои шила на пришельца и двинулись к нему, как ходячий куст алоэ, блестящий шипами.

– Хорошая кожа для голенищ, – сказали все хором, различаясь лишь сопровождающими их голоса гримасами.

– Верхушка черепа – отличная чаша для клея! – прозвучало следующее полногласное замечание.

– Свежие натуральные волосы – крепкие шнурки получатся! – продолжили они с алчным задором.

– Сухожилия – отличная нить...

– Кости и кровь – неплохое сырьё для клея, как раз пригодится крепить подошвы к нашим семимильным сапогам...

– А из ушей сделаем петли. Пришьём к семимильным!.. Стаскивать будет удобней. Славная парочка, а?.. Коротковаты, правда.

– Ступни пойдут на стельки в шлёпанцы Царицы Смерти!

С неподдельным увлечением продолжали они делить его тело на порции самым непочтительным образом, полагая каждую пядь его для нужд своего ремесла, пока, добравшись наконец до зубов, не заключили:

– Зубы – надёжные гвозди! Они всегда будут издавать особенный скрип, похожий на звук навощённой нити, когда она быстро и ловко проскальзывает сквозь кожу...

И вот уже они выросли прямо перед ним, грозно посверкивая своими носами-шилами, загнутыми вбок, как кинжалы. Нельзя было терять ни секунды.

– Старуха с веретеном... – начал Колин.

– Знать её не знаем! – взвизгнули сапожники и сделали ещё шаг вперёд.

– Старуха с прялкой... – уточнил гость поспешно.

И все они, бросившись назад, к своим стульям, торопливо уселись и энергично заработали молотками.

– ...она пожелала, чтобы я, – продолжил Колин, – попросил у Сапожника кусок воска.

Каждый мастер тут же схватил свой рабочий кусок смолистого воска и протянул его просителю. Колин взял воск из рук ближайшего, заметив, что и у всех прочих он тоже исчез, после чего сапожники застыли неподвижно и молча уставились на него.

– Но что же мне делать с ним? – поинтересовался Колин.

– Я немного провожу тебя, – сказал Сапожник, сидевший чуть ближе других, и взял Колина под руку. – Пройдёмся, я всё тебе расскажу. Старуха с веретеном и прялкой – моя царственная бабушка. Она воистину добрая и почтеннейшая доисторическая душа...

Колин переступил порог мастерской и, признаться, с некоторым облегчением выбрался наружу. Сапожник, пропустив его вперёд, проследовал за ним. Случайно оглянувшись, Колин обнаружил, что все без исключения стулья в мастерской опустели, а само место дышало теперь поразительной тишиной, словно старый церковный погост.

Теперь Сапожника было не узнать. И в разговоре, и в жестах, и во всём поведении его вдруг проявился невероятно вежливый – чтобы не сказать полный условностей – чопорный маленький человечек. По дороге он выдал Колину исчерпывающе подробную информацию, которая могла тому понадобиться в скорой борьбе с хитроумными феями, и сопроводил свои речи любезным подарком в виде удивительно изящного сапожного шила.

Они шли довольно долго, и Колин даже удивился тому, что силы ещё не совсем покинули его. Наконец Сапожник сказал:

– Я вижу, сэр, восход уже близится. Пора мне возвращаться к моим трудам. Как только солнце поднимется, вы сразу сообразите, куда попали.

Он свернул в сторону и в нескольких ярдах от тропинки, по которой они двигались, нырнул в растворённую дверь какого-то одиноко стоящего дома. В тот же миг все окрестности наполнились звуком мягкого постукивания трёх сотен и тринадцати сапожных молотков. И, верно, у каждого сапожника была своя маленькая свечка, укрепленная в дырке стула, на котором сидел и работал мастер...

Пока Колин с изумлением прислушивался и вглядывался в картину коллективно возобновлённого сапожного труда, из-за горизонта показался край солнца, и домик, у которого он теперь очутился, белый и мирно спящий, показался ему смутно знакомым. Мастера-сапожники, их огоньки, их стулья и инструменты – всё исчезло. Только в голове Колина продолжал биться жилкой на виске звонкий перестук маленьких молоточков, который постепенно сложился в загадочные, неровные слова песенки, похожей, быть может, на эту. И пусть в ней каждая строчка спешит, спотыкаясь, подпрыгивая и постукивая, к своей простенькой рифме и звучит не слишком связно и гладко, но это не лишает текст смысла.

Итак, в голове Колина звучало:

*Эй, рыцарь, мастер-рыцарь сапожных дел!.. э-гей!..
Стучи легко и быстро, обрезавай, прокалывай,*

простёгивай, промалывай, проветривай и шей!

*К седьмому дню недели большой отец... дзил-дзил!..
больной, сойдя с постели, ботинки попросил –
к порогу! В дорогу спешишь что было сил!
Скорей беги, э-гей!.. э-гей!..*

*Ах, фея, злая крошка, пришёл тебе конец!
С улыбкой нехорошею сняла свои сапожки ты –
легчайшие, несношенные... бенн-ц!..
Увы, подруга милая, малюсенькими ножками
над Озером болтать
слегка поторопилась ты:
не стоило их в воду окунать!*

*Наступишь там, где скользко, да полетишь на воске
по скалам, не по воздуху, и – и-шась!..
Да как тут не упасть: за сыном – вот напасть! –
похищенным из дома, дорогою знакомою
идёт отец, разгневанный вконец!
Увы, такая страсть!*

*Не жди теперь спасенья!.. А значит, в день рожденья
на камни и ракушки грозит посадка... бам-м!..
Беда тебе, старушка: не сможешь из ловушки,
из маловодной лужицы сбежать в луга к цветам.
Испивши Карачун... как ни старайся... вдруг... – бух-х!..
по лунному лучу ударить – ан нет, испустишь дух!*

*Кузнец-молотобоец, суровый Искроглаз
подковывает враз и страхи тёмной ночи,
и сонных водяных... вж-жик!.. и чёрных псов, и прочих
зверушек, пожесточе...
Решительный мужик!.. чурр-р!..
Ему всегда задача по плечу...*

*Не ускользнуть вам тоже – весёлый час настал! –
пристёгиваем кожу к русалочьим хвостам.
И домовым беспалым пристроим пару ног... хок-к!..
Чтоб без больших тревог, и ссор, и перепалок,
не скалясь и не хмурясь, по трубам и подвалам
они гуляли тихо, как крот или кротиха,
как смиренная крольчиха, лежали бы, зажмурясь –
и зубы на замок!..*

*Но волей Всемогущей нам не обути идущего
дорогою нехоженой без Бремни Костей,
без тёплой ризы кожаной, из глины необожженной,
светясь душой обожженной, по огненной черте –
путём воды и камня – в одеждах белотканых
к последней, к смертной высоте...*

Так странно и неожиданно серьёзно закончилась таинственная песенка в сознании Колина, прежде чем настойчивые звуки дружных молоточков в его голове замерли и словно освободили его от невероятного внутреннего напряжения последних дней...

Он увидел, что стоит на лугу с наружной стороны собственного фруктового сада в Девоншире, держась за ограду.

Глава двенадцатая

Шило и воск

Настал вечер. Солнце садилось над морем в безоблачном небе, расточая золото по всей округе. Колин подошёл к побережью чуть правее дома, западнее – ближе к заходящему светилу...

Отлив ещё не закончился, и большие открытые пространства песка и гальки лежали, поблёскивая в свете вечерней зари. Эта полоса обнажившегося дна соединяла скалистый берег и группу мелких коралловых островков, обычно разделённых в пору морского прилива. Теперь же торопливые ручейки, бесчисленные струйки и потоки бежали мимо них, спеша догнать свою родительницу-воду – большую, величественную и древнюю.

Встречные впадины и неровности дна временами пленяли эти разновеликие струи, преграждая путь. И тогда они разливались небольшими мелководными озерами, останавливаясь на временный отдых от утомительного бега; потом снова выбирались из песчаных выемок и вновь ручьями текли к морю, покрываясь рябью от множества маленьких течений, возникавших внутри каждого потока. И солнце сияло на воде, раздробленное на мириады рябинок, и песок в глубине блестел, как бежевый шёлк, залитый золотым шитьём – только золотистые нити всё время менялись, вились и перепархивали с места на место, как живые существа, что ни на мгновение не остаются в покое...

Теперь Колин не нуждался в магии и фокусах Королевы для того, чтобы, меняя и обостряя своё зрение, с полной очевидностью убедиться в реальном существовании фей. Он и так видел их сейчас – всех, до единой и до единого. Большинству людей, правда, непременно требуется какое-нибудь магическое средство или непонятное действие, чтобы теснее соприкоснуться с областью таинственного, но Колин был прекрасно одарён от природы. Потому он побрёл к невысокой уединённой скале, которую давно и хорошо знал. Слабые ручейки устремлялись от неё вслед за уходящим морем, а мелкие озера вокруг скалы были просто усыпаны феями, играющими и шалящими в воде. Дивное это было зрелище – наблюдать их так близко, вольно резвящихся в свете заходящего солнца, в ярких платящих, которые искрились от драгоценностей, пылающих всеми цветами радуги при любом, даже самом лёгком движении.

Увы, у Колина не было и минуты лишней, чтобы всласть полюбоваться игрою красок и изяществом поз резвых созданий. К тому же в тот момент, когда феи заметили его и поняли, что оказались в опасной близости к человеку, которому причинили непростительное зло, украв его ребёнка, и, зная, что Колин тоже видит их, феи тут же бросились спасаться бегством вверх по отвесной скале. Миг – и они исчезли.

Именно этого и добивался Колин. Он раз за разом обходил скалу кругом, выискивая, тщательно обследуя её и высматривая все тайные места, где мог бы скрываться омут или озерко – и везде у воды находил множество фей. Всякий раз при виде его хитрые грациозные существа испуганно и спешно прятались. Прогнав их отовсюду с песка и заставив скрываться на скале, Колин подошёл наконец вплотную к этому последнему их убежищу и вынул из кармана кусок сапожного воска.

Взобраться наверх было делом нескольких минут. Там, ногами опираясь на скальный выступ и удерживаясь рукой за острый верхний край маленького плато, венчающего скалу, Колин легко сохранял равновесие. Не поднимая головы выше этой естественной границы и осторожно перемещаясь по периметру, он начал обводить плато непрерывной восковой линией, широкой и скользкой. Так он продвигался по кругу, медленно и осторожно, почти

ползком, отмечая единой чертой край скалы, за которым скрывались феи, и чертил, не отрывая руки, до тех пор, пока восковая окружность полностью не замкнулась.

Тогда Колин поднялся чуть выше и окинул взором внутреннюю часть плато.

В центре, в самом сердце этого скалистого островка, который почти полностью покрывался водой во времена приливов, теперь, когда море отхлынуло, образовался довольно большой естественный водоём, и в его солёной прозрачной глубине хорошо прижились милые светло-зелёные водоросли, разноцветные ракушки и невероятное количество других мелких морских обитателей. Эта тихая лагуна на скале была самым любимым местом пребывания фей в Девоне, сейчас же они её просто заполнили.

Увидев гигантскую голову Колина, заглядывающего сверху в озерко, как в аквариум, феи разразились обидным громким хохотом и начали насмешливо заигрывать с ним, и дразнить его, и издеваться на сотни ладов. Некоторые строили преотвратительные рожи; другие старательно передразнивали жесты и подчёркнуто ехидно выражали якобы испытываемое удовольствие от встречи со старым знакомым; прочие распевали отрывки каких-то язвительных песен, и так далее. Только Королева сидела на дальнем выступе скалы, опустив босые ножки в воду, погружённая в глубокое раздумье. Она медленно подняла голову и хмуро взглянула на Колина. А множество фей продолжали нырять, и плавать, и плескаться, и кататься на лодочках, не переставая, однако, дразнить пришельца. Колин, наверное, с наслаждением созерцал бы их глупые и наивные проказы, если бы сказочная красота облика и движений малюток не была так изуродована злобными гримасами и жестами и, главное, если бы цель его путешествия не была так отчаянно серьёзна.

– Мне нужен мой ребёнок! – обратился Колин к повелительнице фей.

– Отдайте папаше его детку! – крикнула одна из придворных дам в платье цвета морского песка.

Тогда примерно дюжина пловцов нырнула в озерко и выволокла на поверхность массивного морского слизня – пугающее бесформенное создание, похожее на медузу. Ухмыляясь, ныряльщики предложили:

– Ребёнок там же, где только что был этот красавчик. Спустишь и достань его сам.

Другие феи притащили Колину голубого омара, который изгибался и неуклюже изворачивался в их цепких руках. Третьи – морского паука, четвёртые – морскую звезду... Зрители всё время напевали оскорбительные стишки, слагая из них умопомрачительное поурри, подхватывая мотив по кругу, один за другим. Наконец они вытянули из омута ужасающего монстра. Он был похож на распухшего гигантского ребёнка с лицом, наполовину объеденным рыбами, с огромным вытянутым носом, напоминающим щупальце осьминога. Но Колина было ничем не пронять.

– Очень вы хороший, добрый народец, – сказал он. – Продолжайте в том же духе. А вот я попробую сделать кое-что ещё.

Он спустился на песок с наружной стороны скалы, достал маленькое сапожное шило и стал буравить в камне дыру. Шило входило в твёрдую породу как горячее лезвие в масло, и, когда отверстие стало достаточно глубоким, из дальнего конца его начала всё сильнее прибывать вода, изливаясь наружу. Тогда Колин просверлил следующую дырку, тоже до самой воды, затем ещё одну – и продолжал вгрызаться в скалу до тех пор, пока число отверстий в ней не достигло трёхсот тринадцати. Через триста тринадцать открытых шлюзов тремьями тринадцатую потоками струилась на песок живительная влага из укрытого от взоров бассейна наверху скалы, прозванного за свою уединённость Озерком Водяного. И, сливаясь в единое русло, мощным потоком устремлялась к морю. Окончив свой труд, Колин поудобнее устроился на рифе у подножья скалы и стал ждать. Не прошло и десяти минут, как из водоёма донёсся шум тоненьких возмущённых голосов. Феи кричали, что уровень воды слишком понизился, хотя причина этого непонятна. Вскоре, однако, они обнаружили сквозные дыры, через которые безостановочно утекала свежая морская вода...

– Он раздобыл шило Сапожника Огарка! – завопили они с ужасом в голосе.

Услышав эти слова, Колин взобрался на скалу повыше, чтобы в полной мере насладиться гневом и смятением маленького народца. Впрочем, пришла пора кое-что прояснить.

В начале этой истории уже упоминалось о том, что феи любили воду. Но на самом деле они любили её, пожалуй, даже слишком сильно, порою просто до безумия. Ведь для фей дело жизни – заботиться и помогать цветам, в которых они обитают, а также оказывать разные услуги всем без исключения созданиям, существование которых как-то связано с процессом произрастания опекаемых ими цветов. Отсюда и родилось название этого чудесного племени – «добрый народец». Питая растения, в которых жили феи, всякий раз вода приносила чистоту и свежесть и их маленьким обитателям, которые разделяли с цветами это удовольствие, прикикая к прохладным живительным струйкам и каплям, собиравшимся в нежных венчиках. С течением времени феи влюбились в самую воду – или, точнее, в радость, которую она доставляла им, и уже не задумывались о том, благом или злом была влага для цветов, чьё существование так неразрывно связано с нею. Дело дошло до того, что некоторые племена, пренебрегая делами и заботами, возложенными на них от века, ради своих прихотей взяли привычку бросать любимые цветы и отправляться в путешествия по ручьям и потокам. По пути они окунались в каждый встречный омут, временно обживая любую заводь, ища всё новых и новых наслаждений, которые не налагали бы на них, легконогих и легкомысленных, никаких обязанностей. Так просто было, меняя воды – озерко на родник, ручей на речушку, поток на запруду – хохоча и резвясь, лишь сравнивая ощущения и ни о чём не сожалея, всегда купаясь в даруемом наслаждении и не отдавая ничего взамен – так беззаботно было жить, не оглядываясь на то, что было позади!..

Это и послужило причиной быстрого заката и нравственного падения доброго народца. Очевидно, могущественный Карачун – эликсир рождения и смерти – не предназначался древней Царицей для того, чтобы непременно погубить кочующее племя. Он только обнаружил уже почти свершившуюся духовную смерть фей, их реальную немощь и увядание – и привёл внешний облик этих крошечных созданий в соответствие с их хаотичным и бесполезным существованием...

По прибытии в Девон феи обнаружили, что солёная морская вода весьма благотворно действует на процесс восстановления их былой красоты, утраченной в момент, когда они отведали заветной силы и сладости Карачуна. Племя осталось на побережье, надеясь когда-либо исцелиться, и часами целеустремлённо купалось в воде – особенно в той, что оставалась в Озерке Водяного после прилива. Эта студёная, чистая, постоянно обновляющая свою свежесть влага настолько пришлась им по вкусу, что феи наконец стали полностью зависеть от морской приливной волны и связали своё существование только с её приходом, несмотря на непостоянство и капризы погоды на побережье...

И вот их заветное Озерко быстро и неуклонно мелело! Так что, увидев громадное любопытное лицо Колина, выглядывавшего из-за выступа скалы, крохотные купальщики и купальщицы бросились на него в ярости, карабкаясь по отвесной скале обнажившегося водоёма, подобно мириадам бешеных пчёл в потревоженном улье. Колин слегка отодвинулся от края, позволяя доброму народцу идти в решительное наступление всем племенем. Но в тот самый миг, когда первый из нападающих поставил свою ногу на описанную Колином вокруг плато линию, он, поскользнувшись, опрокинулся навзничь и полетел вверх тормашками в омут, взвизгнув:

– У него воск Сапожника Последнего Света!

– Он раздобыл воск Мастера, От Которого Не Ускользнуть! – вскричал второй, спиной падая в воду вслед за своим собратом по несчастью.

Раз за разом нападая, они скользили и срывались вниз, и это длилось до тех пор, пока никто уже не смел приближаться к роковому краю. Дело в том, что по извечному закону ни одна из фей не могла пересечь черту, нарисованную воском Сапожника, никаким иным

способом, кроме как на ногах. На ногах же фее ни за что было не удержаться, тем более что проведённая Колином по верхней границе плато линия уже успела расплыться и расплавиться на камне, нагретом солнцем, и стала теперь такой широкой, что преодолеть её пешему миниатюрному войску оказалось просто невозможно. Тогда Королева поднялась с каменного выступа на дальнем краю водоёма и спросила:

– Что тебе надо, Колин?

– Мне нужен сын, и вы это прекрасно знаете, – ответил тот.

– Иди и забирай его, – устало сказала Королева и снова села, хотя теперь её свободно покачивающиеся ножки не доставали до воды.

Но Колин прекрасно знал все её уловки – и потому тоже уселся поудобнее на краю бассейна, выжидая дальнейшего развития событий. К несчастью, пола его пальто случайно пересекла восковую линию – и в мгновение ока полдюжины фей оказались вне круга. Заметив побег, Колин поспешно встал. В общем-то, беда невелика, так как множество испуганных пленников ещё оставалось в своей тюрьме. Вода почти совсем спала, обнажив местами неровное дно, покрытое спутанными корнями водорослей. Наконец Королева не вытерпела.

– Смотри, Колин, – брезгливо произнесла она, – я желаю тебе добра, а не зла.

С этими словами она поднялась на ноги и стала медленно спускаться по внутреннему склону скалы к водоёму, уровень которого, по сравнению с прежним, теперь катастрофически понизился. Королеве приходилось передвигаться чрезвычайно осторожно и внимательно, потому что камни, прежде погружённые в воду, тоже были очень скользкими, хотя на них сейчас и не было воска. Где-то на полпути от беспокойной поверхности сильно обмелевшего оута, превратившегося в глубокую придонную лужу, Королева остановилась и сдвинула с места большой круглый камень, закрывавший незаметное постороннему глазу отверстие. Очевидно, догадался Колин, это была подводная пещера. Королева вошла вовнутрь. Через несколько мгновений она возвратилась быстрым шагом, ломая в отчаянии руки.

– О провидение! – воскликнула фея. – Что же мне делать? Вы, люди, так ужасно быстро растёте и толстеете! Твой мальчишка вымахал до таких гигантских размеров, что я не могу вытащить его, как ни стараюсь!

– Вы отпустите пленника, если я сам извлеку его из пещеры? – поинтересовался Колин.

– Отпустим, отпустим! Если его не отпустить, мы все скоро дойдём до полного истощения, а может быть, и умрём из-за отсутствия морской воды. Просто умрём от жажды! – нервно трепеща, ответила Королева.

– Поклянись шилом Сапожника и его воском! – потребовал Колин.

– Клянусь! – промолвила Королева.

– Шилом Сапожника и его воском, – уточнил Колин.

– Я клянусь шилом Сапожника и его воском, – повторила клятву Королева.

– Во имя своего народа?

– Во имя моего народа клянусь, что никто из нас, здесь присутствующих, никогда не досадит ни тебе, ни твоей семье. Вовек.

– Тогда я спускаюсь, – согласился Колин и прыгнул в Озерко.

С помощью сапожного шила он быстро расширил и расчистил в скале отверстие, что служило входом в темницу. Особых усилий не потребовалось, поскольку острое, как и прежде, шило вонзалось в камень, словно в мягкое масло. Когда дело было завершено, наружу выбрался симпатичный мальчуган лет десяти на вид и, подпрыгнув, радостно и доверчиво взобрался прямо на руки отца. У ребёнка были и ясные серые глаза, и маленькие ушки, и нежный детский подбородок, и румяные щёчки – всё на месте и в полной сохранности! И Колин с трепетом понёс его домой, к матери...

Первое впечатление у всей семьи было сложным: радость и печаль соединились в душе воедино. «Жаль, что мальчик нашёлся уже таким взрослым, – думали родители немного огорчённо, – ведь семь лет назад мы потеряли трёхгодовалого малыша». Впрочем, это

томительное чувство почти не мешало их благодарной радости от встречи с сыном, а вскоре и совсем исчезло, испарившись как лёгкое облачко, и весь дом преисполнился ликованием и счастьем.

Маленький Колин – ведь он всё равно остался самым маленьким в семье! – рассказал им длинную, грустную и захватывающую историю о времени своего семилетнего пребывания среди фей. Он относился к ним с неизменной жалостью и сочувствием... А уже через пару месяцев домашняя жизнь настолько увлекла и захватила его, что, вспоминая прошлое, мальчик воображал, что пробыл в своём подводном плену уж точно не больше недели и вернулся как раз ко дню своего рождения!

Михаил МУЛЛИН

Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

ИДЁТ КОЗА РОГАТАЯ

Зиночка Зелинская выросла в неполной семье, где кроме неё были ещё бабаня и мама. И деревня, в которой Зиночка родилась, тоже была как бы неполной: две небольшие серые с лубяными крышами избёнки (одна Зиночкина), да три крепких, казалось, на века построенных дома, один из которых – крестовый. А магазина и школы не имелось. Зато в двух шагах раскинулось красивое болото с прозрачной водой, упругими, осокой поросшими кочками и роскошным певучим рогозом да камышом. Зиночка никогда об этом не задумывалась, но если бы её спросили, что она любит, она бы, конечно, сказала: бабаню, маму и своё болото.

В зависимости от времени года рогоз и камыши становились либо сочно-зелёными, радующими глаз, либо тёмно-зелёными, смущающими душу какой-то тайной, либо рыже-оранжевыми – тогда взгляд кололся об их острые листья, но, привыкнув, примагничивался к удивительным всполохам. Потом их заросли ржавели, а к зиме делались тёмными, и резко выделялись на белом чёрные и бурые палки-соцветия рогоза. Тогда Зина начинала уважать эти растения, как уважают старших, ей казалось, камыш да рогоз стали сурово-серьёзными и знают много больше её.

Каждой весной Зиночка испытывала потрясение: стоило установиться погожим дням – и болото преображалось, из-под воды высывались свежие листочки, а затем камышовые заросли начинали полыхать зеленью. Так происходило каждый год, но девочка не могла привыкнуть к этому, всегда ждала и, надеясь, не верила в чудо. Озеро (весной болото нередко так называли) оживало, и Зиночка долго ходила возбуждённая, радостная.

С одной стороны к болоту примыкал редкий лес, состоявший в основном из осины и ольхи. А у самого берега, отдельно от всех, произрастал невесть как попавший сюда высокий рукастый дуб. И если поднять подол платьца и правильно выбрать место в болоте, то дерево раздвоится, как карточный валет (или нет, как король!), и нижний дуб начнёт под водой щекотать тебе ноги качающимися листочками.

*У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том...*

Это, конечно, про их дуб. Зина видела в книжке на картинке: дуб там совершенно такой же. А лукоморье – это, оказывается, вода. Всё совпадает! Кроме златой цепи. Но её уволокли, наверно. Спёрли. А может, председатель колхоза Исаев приказал снять и за сеялкой прицепить – он такой, каждый трос подберёт. Но дубу, наверно, лучше стало – зачем ему цепь? Лукоморье-то, небось, не украдут! А местные коты не привередливые – без цепи обходятся, гуляют по сучьям, разбойничают в чужих гнёздах!

– Зи-и-и-инка! – кричит мать. – Опять у тебя пиявки всю кровь из ног высосут! А ну, вылазь на берег! Сейчас я тебе уши-то повыкручу!

Дочь послушно тащится к суше. Пиявка на ногах всего одна – это меньше даже, чем ног. Зато лодыжки синие, наверно, от воды окрасились (вон какая она голубая сегодня, как небо!), а бёдра в пупырышках, как молоденькие огурцы. Хорошо бы сейчас огурчик с солью, да где его взять? Мама их ещё даже не посадила, ругаться только не забывает.

Зина наказания не боится: мать за ухо дёрнет раз или два – вот и всё. Боль можно стерпеть, а вот от стыда куда деваться?

Кто-то никогда не бывавший в их Михайловке объявил деревеньку НЕПЕРСПЕКТИВНОЙ. Что это значит, Зиночка не совсем поняла, но слово было обидным. Их лукоморье – НЕ-ПЕРР-СПЕТ-СПЕКТР-ИВНОЕ, НЕ-ПРО-СПЕК-ТИВ-НОЕ! «Там чудеса: там леший бродит...» Нет никаких леших? Ну, всё равно!

Там чудеса.

И года через три, когда Зина уже училась в шестом классе, действительно начались чудеса. И ясно стало, что такое НЕПЕРСПЕКТИВНАЯ. Население Михайловки ополовинилось. Опустел сначала крестовый домина большой семьи Шокуровых, затем покинули свою пятистенку молодые муж и жена Забродины. Алексей даже окна крест-накрест заколачивать не стал, а Татьяна просто сказала Зининой бабане:

– Продать не удастся – занимайте-ка нашу хату. Пока вы ещё не уехали, поживите. Чего вам в своей-то уютиться?

Зину притягивало болото. Слышала она, что и появлением на свет ему обязана. Приезжали-де сюда brave охотнички уток пострелять. Иногда в их домике ночевали. Один из них и стал Зининым отцом. Но мать, когда её об этом спрашивали простые в общении товарки, отвечала, показывая на дочь:

– Ветром надуло!

А может, и правда, она ВЕТРОВА дочь? И потому ветер для других шумит, а ей поёт в камышах: «шу-шу-шу, шу-шу-шу» – если прислушаться, то можно понять, что камыш рассказывает ей бабушкины сказки про Иван-Царевича и Медведя с липовой ногой и ещё какие-то, ещё более волшебные. И это, может, не угод дудукает, не дергач скрипит и не коростель свистит, а тот же ветер-отец с Зиночкой разговаривает!

Восемь классов проучилась в соседней Ольховке – будто восемь дней прошло. Школа, хоть и в соседней деревне, а до неё всего полтора километра по лесной просеке. Некоторым ольховским одноклассникам до с в о е й школы было дольше идти, чем Зине Зелинской. Так что ей даже квартира не потребовалась, только перед весенней распутицей недели на две устраивала её мать к своей подруге – ольховской швее.

Всё шло как по накатанной колее – задуматься ни разу не пришлось, решать ничего не надо, кроме задачек, задаваемых учителями на дом. И вдруг событие: пришёл какой-то дядя Вася, угрюмый и чёрный, согнул все пальцы на руке, кроме мизинца и указательного, и, покрутив кистью, сделал Зиночке «козу рогатую» (фи, как глупо, Зиночка давно не маленькая!) и сказал-то за вечер с десятков слов – а мама на другой день собрала два узелка и объявила, что уезжает к этому дяде жить насовсем. Что Зиночка теперь уже взрослая и что денег ей мама будет присылать и навещать тоже будет. Даже смотреть противно, как мама вокруг этого угрюмого вертелась, пылинки сдувала, а он на это каких-нибудь три словечка в ответ сказал! Ну, разве можно так унижаться?

Продолжали с бабаней содержать подворье. Так что своей картошки и мяса хватало. И всё шло как бы само собой. Будто что и как делать за Зину Зелинскую решал какой-то дядя. Она иногда пыталась представить его – получалось что-то вроде мамино дяди Васи, только потолще.

Получила Зина аттестат. Появилась мама, осунувшаяся, постаревшая. Дала денег и сказала:

– Надо вам, девки, в город перебираться. Здесь ни работы, ни жизни. А там... перспектива.

Вот оно, словечко-то, но «наоборот» тогдашнему!

– Больше у нас с Василий Николаичем нет, – сказала между тем мама, – но и на эти какое-нибудь жильё в городе, на окраине, подобрать можно.

И уехала к своему скучному дяде Васе.

Последний раз пришла к болоту. Длинноногая, как пигалица, побродила между кочек, у глубокого места приподняла было подол платьвица, но вдруг стыдливо опустила, огляделась по сторонам (чего глядеть – в Михайловке, кроме них с бабаней, никто уже не жил) и вошла в воду, приподняв подол платья чуть выше воды. Камыш рассказал ей очередную туманную историю о чём-то несбывшемся: «шу-шу-шу, шу-шу-сви» – и запершило в носу и горле, но чего плакать-то – в городе ПЕРСПЕКТИВА.

Так и попали Зинка с бабаней в город. Домов продавалась прорва, но просили за них в несколько раз больше, чем имелось денег. Цены поражали воображение. Наконец, на краю города, куда не ходит ни один трамвай и ни один троллейбус, нашли они согласно объявлению на столбе «недорогой дом», как раз по ихним деньгам. В обрез хватило. Но после трёх ночей, проведённых на вокзале, это уже было хорошо. Плохо было другое. После забродинской пятистенки новое жилище казалось очень уж неказистым: сени, одна комнатка да два маленьких окошка – одно в сторону леса, другое... А перед другим была невысыхающая лужа-бочажок, как бы небольшой кусочек их михайловского болота. В нём даже торчало с десяток камышинок. Странно, но, может быть, именно это и успокоило Зину: жизнь стабильна, и в городе перспектива.

Однажды, подходя к своему домику, она остановилась: жильё напоминало ей что-то очень знакомое и очень забытое. Чего-то не хватало избушке для полноты. Зина попыталась вспомнить, и её осенило: курьих ножек! Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом! И видно было, что избушке очень хочется повернуться, да ножек нет.

А потом пошли везения. С работой повезло: что за нагрузка такая – обматывать витки трансформаторов киперной лентой! И чего городские девки ноют – тяжело? Зиночке после сельских забот (по дому, со скотиной сколько возни!) это занятие игрой казалось. И ещё один раз повезло – вот уж на всю жизнь! Стояла Зиночка в трамвае, в самом конце, и сумку с продуктами держала. Подошёл парень, в костюме-тройке, в галстук и в пшеничных запорожских усах:

– Девушка, вы верите в любовь с первого взгляда?

У Зелинской дыхание перехватило, она сразу поверила. Не нашлась, что и сказать, рассмеялась только – счастливо, открыто – и кивнула головой.

– Это я о себе, – продолжил парень, – и о вас. А кстати, знаете верное средство от любви с первого взгляда?

– Нет.

– Ну, так я вам открою: внимательно посмотреть на объект второй раз!

Зиночка рассмеялась снова.

– Но это я уже не о вас и не о себе, – заверил парень, – на вас сколько ни смотри, разочароваться невозможно. Наоборот, даже страшно за себя делается. А знаете, мне вдруг очень захотелось стать клоуном.

– Почему?

– Вы очень красиво смеётесь! Как будто в трамвае солнышко взошло. И зубы у вас – любая кинозвезда, не задумываясь, с вами поменялась бы. Скажите, чем вы их чистите?

– «Поморином».

– Так я и знал: дело не в пасте, все «поморином» чистят; такая белизна и красота могут быть только врождёнными. Да, я хотел бы стать клоуном, чтобы после каждого моего слова вы смеялись, а я имел возможность любоваться вашим смехом. Но, увы, уже поздно переквалифицироваться...

– А кто вы?

– Я... боюсь разочаровать вас своей скучной, неромантической профессией. Я прямо чуть ли не бухгалтер.

– А точнее...

– Финансист я. Финансист – ясный сокол.

Зиночка в третий раз рассмеялась, на этот раз каламбуру.

– Давайте я подержу вашу сумочку – она не для ваших хрупких рук. А вы, должно быть, студентка театрального...

– Нет.

– Тогда журналистка?

– Нет, я на заводе работаю, обмотчица.

– Ну, как говорится, не место красит человека. А впрочем, зря скромничаете! Большой завод, принадлежность к солидному делу – это должно вызывать гордость.

И Зиночка тут же почувствовала гордость за свою профессию, выросла в собственных глазах. Но ещё больше в её огромных глазах вырос этот аккуратный, умный и весёлый парень.

– А вас как зовут? – неожиданно выдала себя Зиночка и смутилась.

Но собеседник тактично ничего не заметил.

– А зовут меня Каменев Камень, а вас?

– Зиночка. А почему «Камень»?

– Ну, Пётр, что на греческом языке означает «утёс, глыба, камень».

Зиночке было решительно смешно, и опять она рассмеялась, смущаясь от откровенного восхищения Петра.

Потом начались провожания, посещения кино и парка, с обязательными буфетами, мороженым и соком. Финансист – ясный сокол! Родной. Вот почему стоило перебираться в город. Вот она – ПЕРСПЕКТИВА...

Прежде с Зиной знакомились парни, но всё это были деревенские вахлаки, говорили неинтересно и в первый же вечер целоваться лезли, а от самих табачищем несёт – не продохнёшь! Тут и целоваться не захочешь – самой надо курящей быть, чтобы от этой махры не задохнуться. А то и такие попадались, что руки за лифчик, а то и куда почище, суют. Зина понимала, что они это ПРОСТО ТАК, НАРОЧНО, а всё равно неприятно было. Пётр, финансист – ясный сокол, только через две недели поцеловал, да и то руку при прощании. И этот поступок в шутку обратил. Уважает Зину – значит, и воспитанный. Табаком от него не воняет. Водки не пьёт. Если и пахнет, то разве чуть-чуть одеколоном. Нравились его щедрость, размах, умение тормознуть такси – всё это без кичливости. У него всё естественно получалось. Финансист – ясный сокол!

Всё естественно, боже мой! Не лапал он Зиночку – сама хотела сделать для него что-то необычное, отказать ни в чём не могла – получилось бы просто неудобно. Это было счастье. И беременность от ясна сокола – счастье. Петру нужен сын.

Самое непонятное то, что и исчез финансист как-то естественно, сумев подготовить к этому Зину. Даже горе потери и разочарования девушка осознала не сразу!

Вот, оказывается, чем кончается любовь, а по радио так красиво о ней рассказывали!

Дочке Юльке исполнилось два годика. Зиночкин портрет украсил заводскую Доску почёта. И Тонька – гладкая оторва, тёлка этакая – однажды с усмешкой, значительно шепнула Зелинской:

– Тобой Андрюха Митин интересуется. Сама слышала и видела, как твоей фотомордой любовался и приятелей спрашивал: вот, дескать, она на каком участке работает? А после сюда припёрся, долго на тебя зенки пялил, языком щёлкал.

– Прямо уж!

– Вот тебе и «прямо уж»! Радуйся, девка, Андрюха – мужик видный, а зашибает – дай Бог всякому!

Тонькина характеристика на Зиночку Зелинскую впечатления не произвела – мало ли что балаболка намелет! Однако Андрей Митин на самом деле однажды явился не запылел. И хотя Зине не до мужиков было – все заботы о Юльке-крохотульке, о себе и не вспоминала, – но Андрей оказался мужиком положительным: не алкаш, не бабник, хозяйственный, своё умеет взять. И замуж предлагает, чин по чину, а не в хахали набивается.

– У меня ребёнок, – предупредила жениха.

– Ну и что? Нынче у всех ребёнок! И почти у всех мужа нет. Моя вон тоже умотала от меня и сына забрала.

– Чем же допёк её?

– Характером не сошлись. Я порядок люблю во всём, а ей в доме всё до лампочки...

– Ну, порядок и я люблю.

– Знаю – разведаль. Баба ты – что надо, кому показать, завидовать станут. Зашибаешь – не каждый мужик-станочник сравнится. А у меня машинёшка, дача – жена мне вот так нужна!

– А ты... не ясный сокол? – усмехнулась Зиночка.

– Бери выше: я – орёл!

– Вот это хорошо, а то сокол у меня уже был.

А сомнения всё-таки оставались. И возник, оформился вопрос, вобравший в себя всё сразу, единственный вопрос:

– Слушай, Андрей, а ты случайно не знаешь, как переводится на русский язык твоё имя?

– Как оно может переводиться, если оно русское и есть?!

Ответ успокоил Зину окончательно.

Даже с бабаней никаких проблем не возникло, Андрей согласился и её к себе взять: дом у него большой, а с Юлькой всё равно кому-то возиться надо.

– К тому же на одной Юльке мы не остановимся...

Бабаня, правда, отговорилась:

– Поживите пока немножко одни, а уж я к вам месяца через три. Юльку временно у меня оставьте.

Такая удача – просто счастье! Ног не чуя, носилась Зиночка по мужнему дому, пока всё в нём не засияло, как улыбка новой хозяйки. Вкалывала на даче. Андрей тоже минуты лишней не прокурит: хлопчет, всё в руках его горит. А время выпадет – идёт на шабашку: купил на чёрном рынке сварочный трансформатор и выезжает теперь с ним – кому ворота сварить, кому ёмкость для воды. Об одном жалел, что новая жена не зубной врач.

– А почему именно зубной врач? – поинтересовалась Зелинская. – У тебя, что, зубы болят?

– Боже упаси! Просто прежняя супружница у меня была зубным врачом. Я ей кресло с бормашиной достал, дома поставил. С каждого клиента – червонец. Иногда за день по пятьдесят-шестьдесят целковых получалось.

– Она, что же, кресло после развода увезла?

– Как бы не так! Дам я ей кресло! В сарае стоит – вот и обидно, что ты не зубной врач. А может, – как бы в шутку добавил муж, – ты чем-нибудь другим подзаработать можешь?

– Нет у меня доходных профессий. Разве что на панель выйти.

Так счастье дало первую трещину.

Юльку навещала три раза в неделю. Андрей считал, что двух раз достаточно. Он не зверь – понимает, что надо, но ведь вот он навещает своего сына один раз в два месяца. Ну, и сын к нему сам примерно с такой же частотой ходит – и вполне нормально. Жить-то надо.

Ни в кино, ни в парк молодожёны не ходили. Деньги расходовали разве что на продукты.

– Андрей, а зачем тебе столько денег?

– Чтобы жить.

– А когда ты начнёшь жить?

– Вот зашибём маленько – и поживём. Ты гляди, как добрые люди поступают.

– Как они поступают?

– Ну ты даёшь – слепая, что ли? Молча живут – зашибают не нам чета.

– Но ведь не все же...

– Про дураков я не говорю...

Месяца через два во время уборки комнат Зиночка наткнулась на сберегательную книжку мужа. Почти не думая, раскрыла её и обомлела от обозначенной суммы вклада. Она вспомнила, как они с бабаней долго не могли купить себе дом, и подсчитала, что Андрей один мог купить хорошие дома многим таким бедолагам – и ей стало страшно. А ещё говорил, что «не ясный сокол»! Получается, что и этот – «финансист».

Позднее намотчице Тоньке, этой гладкой тёлке, она никак не могла объяснить причин разрыва.

– Нельзя же, – удивилась та, – не любить человека только за то, что у него денег много. Наоборот, с дитём тебя взял... И потом, богатства его не ворованные. Своим горбом человек заработал – это только приветствовать надо!

Зиночка Зелинская всё понимала, но неприязнь к Андрею не слабела. Подумаешь, своими руками заработал! Да разве бабаня за свою жизнь не в сто раз больше вкалывала? Всю жизнь убивалась от темна до темна. Так почему же у неё денег на приличное жильё нет? А мама? Она, бедная, на ферме здоровье оставила.

А тогда Зина написала Андрею записку: «Я насовсем ухожу к бабане. Искать меня и уговаривать не надо». Положила листок на кухонный стол. Придёт Андрей с шабашки – прочтёт.

Он не приезжал уговаривать и на работе не подходил – наверное, понял, что бессмысленно, а может быть, просто новая его жена – зубной врач, и бормашина теперь не простаивает зря.

Бабаня ни о чём не спросила, даже не удивилась – мудрая старуха, не зря в своей халупе осталась. А с халупой, между прочим, столько забот появилось: жесьть искать, приколачивать, красить – Боже упаси! А дождь прошёл – всё равно протекает. Избушка, избушка, повернись ко мне передом. Но избушка не виновата, просто у неё ног не осталось.

Крыша крутая, скользкая. Руки под холодным дождиком окоченели, не сгибаются пальцы, плохо держатся, да и не за что. А тут ещё ударила по гвоздю – попала по пальцу, ойкнула, выпустила и молоток, и лист – и сама вниз скатилась. И лететь невысоко, и упала в мягкий бочажок, а поди ж ты – попала в больницу со сломанной ногой. Только этого ей не хватало для полного счастья!

Бабаня часто прихварывать стала. Юлька – неухоженная, в сырых, прохладных «апартаментах» четыре на четыре, с удобствами во дворе. Взвыла Зинка. Если бы не Тонька, не знала бы, что и делать. Не такая уж она, оказывается, «тёлка». Через день навещала то Зиночку, то Юльку с бабаней.

– Не приходи ко мне, Тонька! Лучше к ним почаще...

– Тоже мне указчик! Молчала бы! Ешь вот яблоки – с витаминов быстрее выздоравливают.

Господи, пошли счастья Тоньке! Ну чего Тебе стоит?!

В конце весны, когда на бочажке налились малахитовой зеленью десятков камышинок, а ветер из ближнего леса стал приносить запах мёда, навестила бабаню её подруга, которая давно ходила, как буква «г», опираясь на палку. Она-то и сказала избитой чередой неудач Зиночке:

– Ты что это, дева, раскисла, с лица потемнела? Ну, знамо дело, беда за бедой, а только и тебе солнышко светит. Ну, побила тебя жизнь. Может, так и надо. Вот ты сама Юльку за ухо дёрнула для её же пользы – не на всю же жизнь расстраиваться. Она уж и забыла про то – опять к тебе ластится, тебя любит. Может, и жизнь, как мать, тебя учит. Как ребёнка своего наказывает. Ты бы, дева, вон к Кольке-то нашему пригляделась. Хоть и внук он мне, хвалить зря не буду, а мужик не балованный. Ходит холостой, боится теперешних девок-насмешниц. А если к нему поаккуратней, то всё и сладится.

– Ты, бабушка, уж не сватать ли меня пришла?

– Да нет. Не уполномочена, как ныне говорят. А только я много годков-то прожила, вижу, что у вас дело сладилось бы...

И тут как раз постучал и вошёл в Зинины хоромы Николай – внук бабаниной подружки. Изба была тесна ему, казалось, повернётся он неосторожно – и рассыплется жилище на брёвнышки.

– Бабушка, я за тобой, ужинать пора.

Парень стоял неловкий, неуклюже крутил громадными кистями и не знал, что ещё можно сказать.

– Дядя, ты – дядя Стёпа? – спросила вдруг Юлька.

– Вообще-то я – дядя Коля, но это одно и то же...

– А ты можешь поднять меня высоко-высоко?

Николай поднял девочку до потолка. Юлька завизжала от удовольствия.

– Вот на улицу выйдем, и я тебя ещё выше подниму – здесь потолок мешает.

– Выйдем скорее!

А минуту спустя через крохотное окошко Зиночка увидела счастье своей дочери. Юлька сидела на одной руке Николая, а другой этот увалень делал ей «козу рогатую». Юлька «обмирала» в притворном ужасе, отталкивала руку, хохотала и прятала лицо под пиджак на груди дяди Коли. Серебряное «ха-ха-ха» девочки и деревянное «бу-бу-бу» Николая сливались в немыслимо радующий слух дуэт. Права бабанина подруга. Как же я, дура (вот уж на самом деле дура), раньше не поняла? Николай на меня столько раз засматривался, ещё в прошлом году. Трусишка только – сказать ничего не умеет. Вспомнилось вдруг и приобрело особый смысл, как Николай много раз помогал ей и бабанине какую-нибудь тяжесть до дому доволочь.

Всё это так, да нравится ли ей Николай? Оказывается, да. Только он такой смешной, вот Зиночка о нём серьёзно и не задумывалась. И потом, он такой большой, что Зина просто никак раньше не могла представить его своим. А ведь хорошего человека чем больше, тем лучше.

Николай опустил Юльку наземь, они помахали друг другу, прощаясь, едва заметно стрельнул глазами в окошко, наткнулся на Зиноккин взгляд, смутился – и затопал сажеными шагами восвояси. А Зиночке показалось, что в её домишке большую яркую лампочку включили, а может, и не в домике, а где-то в груди. Она взглянула на себя в зеркало, поправила причёску, показала отражению язык: «В самом деле, чего раскисать, себя терять? Во всём беды видела, а судьба мне детские наказания придумала – вот и всё. Жизнь просто сделала мне «козу рогатую», а я уж испугалась. А надо бы, как Юлька, рассмеяться и спрятать лицо... Зиночка выставила указательный и средний пальцы, покрутила их – и уткнула себе в грудь: «Идёт коза рогатая!» – и рассмеялась, легко и звонко, как ребёнок.

– Ты чего это? – удивилась бабаня.

– Это я так, – быстро нашлась Зиночка, – в книжке написано...

Она хотела было придумать, что «написано» в книжке, но тут вбежала Юлька, взволнованная, разруганная от беготни и свежего воздуха, с тайной на лице:

– Мама, бабаня! А у нас камыш волшебный!

– Да ну?!

– Вот вам и «ну»! Он разговаривает. Бабушкины сказки шепчет: «шу-шу-шу, шу-шу-сви» – а почти всё понятно.

– А мои сказки он тебе тоже рассказывает?

– Из книжек? Тоже рассказывает:

*У лука-мордья дуб зелёный;
Зла-тая цепь на дубе том...*

– И цепь золотая есть?

– Есть!

– Не украли, значит. Ну, тогда всё прекрасно, Юлька!

Нелли КРЕМЕНСКАЯ

Нелли Фёдоровна Кременская – постоянный автор журнала «Волга–XXI век». Прозаик, художник. Живёт в Саратове.

РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ

ДВЕ МАТЕРИ

Всё-таки далеко было добираться до дачи: трамваем, автобусом, а теперь вот – пешком по едва приметной тропинке, петляющей по большому пригородному лесу. Всё бы ничего, но в одной руке у Нины – сумка с продуктами, в другой – трёхколёсный велосипед сына, а самому Костику наказано крепко держаться за велосипед и ни в коем случае не выпускать его. Четырёхлетний малыш уже устал, давно просился «на ручки» и готов был к капризам.

Ослепительным светом летнее солнце поливало лес, накидывало кружевную сетку на тропинку, переливалось и дрожало на траве, на листьях, на стволах таёжных деревьев. Кое-где с веток свешивались нитки паутины, иногда ветерок срывал их, и они невесомо плавали по воздуху, как бы раздумывая, стоит ли вообще приземляться. Становилось жарко.

Неожиданно впереди раздались треск раздираемых веток, шумное дыхание и какое-то утробное ворчание. И вскоре на тропинке появилась... медведица с детёнышем.

Ей сразу не понравились люди. Прикрывая собой медвежонка, она встала на задние лапы, наклонила голову и сделала угрожающий шаг вперёд. Нина окаменела на месте.

Она не могла убежать. Она не знала, как поведёт себя сильный и беспощадный зверь. Она испугалась. Не за себя – за ребёнка. И взмахом руки судорожно спрятала его за спину.

Две матери стояли друг против друга. И каждая видела в другой смертельного врага. И каждая готова была биться до конца, спасая своё потомство. От этой встречи воздух ежесекундно накалялся таким электрическим разрядом, что, казалось, ещё мгновение – и произойдёт что-то невозможно ужасное, непоправимое.

И тогда Нина заговорила. Тихим, размеренным, почти спокойным голосом она попросила:

– Медведица, пропусти меня. Пожалуйста. Я не трону твоего ребёнка. А ты не тронь моего. Ты мать, и я мать. Мы не враги. У нас с тобой одна задача: и тебе, и мне надо вырастить детей. Ты больше меня, сильнее. Поэтому уступи мне, освободи тропинку...

Что и сколько времени говорила Нина, потом она никак не могла вспомнить. Но пока матери договаривались, кто кому должен уступить дорогу, их дети уже с любопытством и без всякой вражды разглядывали друг друга. Костик забыл про усталость и попробовал было встать впереди Нины, за что, хоть и медленно, но без всяких церемоний был водворён обратно. Медвежонок тоже пытался обойти мать. Та с ещё меньшими церемониями, не спуская недобрых глаз с человека, лапой влепила детёнышу такую затрещину, что он кубарем покатился в кусты.

Эти маленькие происшествия как-то сблизили матерей. Ведь каждая спасала своего ребёнка. И где-то на уровне животного инстинкта они поняли друг друга. Медведица внезапно потеряла интерес к людям. Отвернулась. Сменила стойку – и вразвалку, с неторопливой грацией большого и сильного зверя вошла в заросли. За ней без всяких обид, будто и не было щедрого материнского подзатыльника, весело подпрыгивая, помчался её ребёнок.

Нина, велев Костику опять держаться за велосипед и следя за тем, чтоб он не услышал дикого страха в её голосе, на дрожащих ногах пошла вперёд по узорчатой от играющего солнца тропе.

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Он пришёл на окраину села на закате. Солнце ещё золотило верхушки огромных лиственниц, а внизу тайга уже погружалась в черноту. Он чувствовал, что она где-то рядом. Совсем рядом, близко. Но не понимал – где. Он стоял и ждал.

Из села доносились пугающие звуки: звон ведра у колодца, чуть слышный шум мотора возле дальнего дома, иногда приносимые ветром голоса людей. Он настороженно принюхивался к враждебным запахам, царственно поворачивал голову на любой подозрительный шорох. Но не уходил. Стоял и ждал.

Вот уже и небо потемнело, заиграли первые звёзды. Густой туман от маленькой речушки стал расползаться по селу и потёк в таёжные заросли. Сразу похолодало. Но он не обращал на это внимания. Он ждал.

Ему нужна была только она. Днём, спрятавшись в кустах, он следил, как неторопливо вышагивала она по лугу, но не решался выйти из укрытия. Он ждал, что она сама подойдёт к зарослям и увидит его. Но она не подошла. Хотя знала о его присутствии. Она беспокойно крутила головой, пыталась вырваться из плена. Но её не пустили.

И теперь он стоял на окраине села, сторожко всматриваясь в темноту. Он устал ждать. Не мог больше ждать. Вскипала кровь, просыпались древние инстинкты. И как ни хранил он тайну своего пребывания вблизи человеческого жилья – не выдержал, закричал. Он трубил страстно, призывно, нетерпеливо. Тело напряжилось, тяжёлые рога почти легли на спину, губы вытянулись и крупно дрожали от выдыхаемого вместе со звуком воздуха.

Помолчал, прислушиваясь.

И вдруг в ночной тишине по деревенским крышам, над речной ряской, по камышам и таёжным зарослям поплыло медленное и томное:

– М-м-у-у-у...

И снова тишина.

И лось снова затрубил.

И корова снова ответила.

***

...Собираясь ужинать, бабка Матрёна отлила из кринки стакан молока, отрезала краюху домашнего хлеба и, усмехаясь, прошепелявила своей городской гостье:

– А чего удивляться-то?! Любовь не только у людей. Диких зверей до коров мы, конечно, не допускаем, а за свиньями и не уследишь. В некоторых дворах полосатенькие поросятки бегают.

По лицу её в разные стороны побежали мелкие морщинки, а глаза излучали вековое понимание жизни. И мудрое одобрение этой жизни.

НАТЭЛЛА

Лубочный криминал

Необычная она была. Мощная, сильно выдающаяся вперёд грудь компенсировалась столь же мощным, сильно выдающимся в обратную сторону задом. Рост средний. Руки-ноги крепкие, как у кавалериста, кривые, словно выточены неумелым народным мастером из камня. Да и вообще, если тебе надо было дотронуться до неё, палец будто в гранит упирался. Голова посажена на столь же могучую борцовскую шею. Лицо...

А вот лицо красоты замечательной. Лебедино-белая кожа лба и подбородка ослепительно соседствовала с вечно пылающими, ядрёными, как крымские яблоки,

щеками и никогда не крашенными, но тем не менее всегда зазывно алыми пухлыми губами. Но особенно примечательными были глаза: жгучие, в мохнатых тёмно-коричневых ресницах, горящие под широкими, словно летящие птицы в облаках, бровями. Тёмные вьющиеся волосы густым ворохом клубились по необъятной спине. Видно, народный умелец не только выточил её из камня, но и расписал, не пожалев ярких красок.

Даже имя у неё было необычное – Натэлла. Ни Наташа, ни Элла. Натэлла – и всё тут! И приключением, которое произошло с ней, тоже не каждый похвастать может.

Как-то вечером возвращалась она от соседки. И дома-то рядом стояли. Надо было пройти мимо забора соседки и мимо своего забора до калитки. Всего-то!

А майский вечер был необычайно хорош. Вдоль дороги молодая трава нежными ростками с могучей силой раздвигала землю после зимнего безделья. А сирень, как невесту в тереме, вообще невозможно было удержать за забором. Тугие гроздья она перекинула за доски на улицу и приглашала всех желающих насладиться нектаром и ароматом или просто полюбоваться на весеннюю и такую недолговечную красу.

Ну так вот, не успела Натэлла пройти несколько шагов от соседней калитки, как сзади кто-то бесцеремонно схватил её за руку. Она повернула голову – и подарила алую улыбку парню, который уже стоял перед ней. Но не оценил он приветливость молодой женщины.

– С нами пойдёшь! – сказал твёрдо.

И в голосе его не было просьбы. Он просто ставил её в известность. Вдали урчала машина с открытой дверцей, в глубине которой уличный фонарь высветил ещё кого-то.

– Куда? – наивно спросила Натэлла. Улыбка всё ещё цвела на лице.

– Куда-куда! Тебе не всё равно?

Он дёрнул её за руку, сплюнул и почему-то пьяно выругался.

– Что так невежливо-то? – обиделась она.

Парень заёрничал:

– Может, вам и карету сюда подать? И дверцу распахнуть? Перебьёшься! Сама дойдёшь, – мотнул головой в сторону машины и, чтобы не сомневалась, что дойти всё-таки придётся, крепко схватил её за кудлатый ворох на спине.

– Ну зачем так грубо?

Она ещё пыталась как-то договориться с ним. Но голову повернуть уже не могла. «Как коза на привязи», – мелькнула оскорбительная мысль.

И тут что-то произошло. Она легко и быстро взмахнула рукой, и парень, как от копыта битюга, от неожиданной женской силы легко и быстро разлёгся на дороге.

В ступоре она ещё недоуменно глядела на лежащего в отключке грубияна, а от машины уже бежал второй.

– Э-э, ты чего это?!

Красноречие покинуло второго. А может, и не было его никогда. Он в изумлении переводил взгляд с поверженного товарища на Натэllu и обратно. И не мог взять в толк, почему она стоит, а он лежит.

Наконец сообразил. Почесал «тыкву». Произнёс:

– Ничего себе! Чем ты его? – тон не только дружеский, а почти уважительный.

На нервной почве она подрыгала коленкой, лихо повела плечом и похвастала:

– Одной левой!

Он хмыкнул, окинул её взглядом, задержался на живописном лице, но опасности не почуял. Ведь женщина – всегда лёгкая добыча. Поэтому планов не изменил. Посерьёзней и зловеще тихо произнёс:

– В машину пошла!

Ну что ты будешь делать! Опять её согласия не спрашивают.

– Зачем? – она тянула время, может, само собой рассосётся.

Не рассосалось.

– Пошла, говорю!

На шее у него вздулись вены. Бешено сверкнули глаза. Он протянул руку, чтобы опять, как козу на верёвке, привести её в загон.

И чего дались им её волосы? Так и норовят вцепиться. Не надо бы так...

– Постой... Отпусти меня... – попросила. Миром просила.

Он засмеялся. Нехорошо как-то.

– А вот поиграешь с нами, тогда отпустим.

Поиграла. словно кузнечный молот ударил его в пах, и он, тонко визжа, крючком свернулся на той же дороге.

Испуганно глядя на дело рук своих, она пыталась как-то оправдаться перед собой. Да, сами виноваты... Ведь просила их...

Наконец-то Натэлла сообразила, что пора убираться подобру-поздорову, и, пока парни не очухались, торопливо нырнула в свою калитку. Но в дом не вошла, затаилась в кустах у забора. Руки тряслись. Едва сдерживая шумное дыхание, прильнула к щели в заборе.

А на дороге продолжался сериал под названием: «Не надо грубить – могут пришибить»...

Впрочем, у небесного режиссёра был и другой похожий по смыслу заголовок: «Любовь не найдёшь, зато упадёшь».

Третий субъект вылез из машины. Он развернулся, пошарил взглядом по улице, почему-то никого не нашёл и отправился на поиски непонятно куда исчезнувших попутчиков. Земля под ним качалась больше, чем под его товарищами. Как по болотным кочкам, он всё же добрался до «Куликова поля» и в удивлении завис над «павшими». В ситуацию он ещё «не врубился».

– Бойцы! Подъём! – закричал весело. – Что это вы разлеглись? А баба где?

Сначала, всё ещё скрюченный, как червяк на леске, матерясь и чертыхаясь, приподнялся второй. Натэлла замерла в тревожном ожидании: очнётся ли первый, которого она огрела каменным кулаком то ли в челюсть, то ли в висок. Поди разберись теперь, куда она направила свою пращу.

Некогда ей было выбирать. Не хотела она ни убивать, ни калечить. Просто не рассчитала силу свою! Да что же это? Теперь майся всю жизнь!

А он всё валялся. И почему-то не вставал. Сердце трепыхалось и замирало от жуткой мысли: «Убила! Убила человека! Жизнь отняла! Как же так можно? Что теперь делать? Как нести этот груз? Ведь это – навсегда. И ничем это не оправдать, не замолить».

«Миленький, не помирай...» – шептала Натэлла, прислонившись лбом к тёплой доске забора.

Помирать «миленький» и не собирался. Держась за челюсть, он всё-таки сел и вылил в весенний майский воздух такое ведро словесных помоев, что вокруг него и трава расти перестала, и сирень застыдилась и, чтобы цветы не завяли, с помощью ветра снова попрыгала их во двор.

Натэлла же слушала грязную ругань, как меломан – сладчайшую мелодию на сцене лучшего оперного театра мира.

«Да родимый ты мой! Живой! Господи, слава тебе!» – шептала она в щель забора. И на радостях чуть не выскочила из своего ненадёжного укрытия.

А парни, постепенно приходя в себя, уже метались на дороге и на всю улицу орали:

– Девка! Где девка? Куда она побежала?

– Р-р-разор-рву падлу!

– Н-найду! З-зар-рою!

– Вон, кто-то в переулке! В машину!

– Не уйдёшь!

Долго машина гонялась за одинокими прохожими, но лишь потеряла улицу, где происходило побоище. Испытанное унижение, всё ещё сильная, неутихающая боль, полученная – от кого! – от бабы (никому и не расскажешь – засмеют), и пьяное бешенство троих седоков пригнали их вообще на другой конец города.

А в то время, когда её с таким пылом искали, Натэлла, прислонившись спиной к забору, сидела на земле в своём дворе. Напряжение наконец-то отпустило её, но почему-то по ядрёным крымским яблокам неудержимо текли слёзы, настолько обильные, что платье на её выдающейся груди стало мокрым, а ночной ветерок заставил дрожать уже не от страха, а от холода. Впрочем, кто его знает, от чего...

Наконец она встала и, шмыгая носом, вошла в дом.

РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ

«Газель» лихо неслась по городу.

Немолодой, видимо, высокий жилистый мужчина, сидящий на одиночном кресле у окна, был несколько скован явно маловатой для него одеждой неопределённого цвета (что-то военное, защитное). Черты лица были приятны. Но поражали глаза – нет, не бегающие, а какие-то блуждающие, потерянные. Ни на чём не останавливаясь, они бездумно обводили салон машины, устремлялись в окно, невидяще скользили по лицам пассажиров. Наконец мужчина обратился к девочке лет четырёх-пяти, сидящей на коленях у матери:

– Тебя как зовут?

Голос хриплый. И хотя вопрос был нейтральным, да и ответ не всегда предполагается, в словах было что-то молящее. Ребёнок тут же уловил это и удивлённо уставился на странного дядю. Мать девочки, инстинктивно всегда готовая защитить ребёнка, ответила невпопад:

– Мы сейчас выходим.

Мужчина понял, что с ним не хотят разговаривать. Но что-то томило его, что-то неудержимо рвалось из души его.

– Вы не могли бы выслушать меня? – вдруг обратился он к пожилой женщине с серебряной головой. – Нет-нет, не подумайте чего плохого. Просто лицо у вас хорошее и глаза добрые. А мне надо выговориться.

«Вот ещё, – пронеслось в голове у женщины, – не хватало дорожных исповедей! Уж не душевно ли ты больной, милоч?»

Мужчина словно угадал её мысли:

– Да нет, всё нормально. Просто я из Афгана еду.

И вдруг его прорвало. Он заговорил быстро, сумбурно, перескакивая с одной мысли на другую, боясь, что его не дослушают, остановят, перебьют, не дадут выплеснуть то, что мучило его, не давало покоя.

– В плену я был. Четырнадцать лет как из дома. Что пережил, вы и представить себе не можете! – он уже обращался ко всем пассажирам. – Майор я... – голос споткнулся. Страшные видения поплыли перед глазами. – Среди нас и женщины были. Им-то, бедным, в плену больше всего досталось. Что с ними моджахеды делали – никакой фантазии не хватит. А потом их к нам, потерявшим облик человеческий, кидали. Милые, симпатичные девчата в животных превращались...

В горле у него что-то забулькало. Он остановился, глотнул воздух и, обведя глазами пассажиров, очень тихо, больше для себя, чем для окружающих, прохрипел:

– Будь прокляты войны! Ну кому, кроме политиков, они нужны? Будь прокляты те, кто их затевает!

Он опять споткнулся. Опять замолчал. Повёл головой в одну сторону, в другую, но от тяжёлых мыслей освободиться не смог.

– Пацанов в атаки водил. Однажды в засаду попали. Полвзвода полегло. Остальных в плен забрали.

Он потянул носом воздух, издал какой-то странный звук и неожиданно разрыдался. Все пассажиры подавленно глядели на него. Маршрутка остановилась и выпустила женщину

с ребёнком. Никто не знал, как вести себя, что говорить. Женщина с серебряной головой участливо дотронулась до его руки:

– Да вы не волнуйтесь...

– Ничего. Всё в порядке. Извините.

Рыдания душили его. Он не мог остановиться. Но желание выговориться было ещё сильнее:

– Война давно кончилась, а во многих семьях она ещё продолжается. Что я скажу матерям тех ребят, которые навсегда остались в горах? Ведь до сих пор они надеются на возвращение своих детей.

Он беспомощно взглянул на женщину, словно надеясь, что она поможет ответить на этот вопрос. Она почувствовала ужас майора и, желая облегчить его муку, увела разговор в другую сторону:

– А дома-то ждут вас?

– Не знаю, – он помотал головой, – четырнадцать лет никаких вестей. Ни от них ко мне, ни от меня к ним.

Он обречённо посмотрел в окно бегущей «Газели».

– Не знаю даже, живы ли. А может, у жены моей – другой мужчина. Словом, что и кто меня встретит дома и нужен ли я кому – не знаю. Ничего не знаю. Ничего. Не знаю. Не знаю.

Его будто заклинило. Он уже раскачивался на сидении, а руки его постоянно были в движении: он то хватался за кресло, то кидал их на колени, то размашисто вытирал слёзы со щёк, то растёгивал и застёгивал ворот несвежей рубашки.

Кто-то из пассажиров подал голос:

– А дети есть у вас?

– Так точно. А как же? – обрадованно откликнулся он. – Двое. Девочка и мальчик. Мальчик постарше. Он сейчас в армии должен быть. Вся душа за него изболелась. Не приведи Бог ему пережить то, что мне пришлось. А дочка... Уже невеста. Все время её вспоминал. Два годика было ей, когда я воевать ушёл. Как представлю, что за шею меня обнимает и тёплой мордашкой к лицу прижимается – от счастья аж дух захватывает. Может, это и помогло выжить.

Губы его растянулись в улыбку, а лицо было мокро от слёз. Было странно видеть сильного и внешне здорового мужчину таким... разорванным жизнью.

– Страшно подумать, но иногда на месте какой-нибудь пленной девчонки свою повзрослевшую дочь представлял. Чуть не помешался.

Он замолчал. Он снова был в Афгане. Он снова воевал и снова был в плену. На лице его отражались дикие воспоминания.

– Есть к кому домой вернуться, даже если жена тебя не дождалась. – Это в разговор вступил водитель «Газели».

– Да без меня они выросли! Чужой я для них! Четырнадцать лет! Это же вечность! Тем более для детей...

Город плыл за окнами «Газели». Чужой город. Не узнавал он его. Солнце зашло за горизонт. По улицам поползла то ли туманная, то ли пыльная дымка. Мрачные силуэты домов иногда становились зловещими от налетающего и пропадающего за машиной света рекламы. Что-то нереальное, призрачное носилось в воздухе.

«Газель» остановилась.

– Вам выходить, – негромко сказал шофёр.

Майор продолжал сидеть. Кто-то открыл ему дверь. Пассажиры не торопили его. Наконец он встал и, согнувшись в три погибели, неловко начал спускаться по ступенькам, но не лицом к выходу, а спиной. И взглядом вцеплялся то в одного человека, то в другого, словно не желая расставаться, словно опасаясь, что если он выпустит их из виду, то кошмар, который он пережил, вернётся. Последний раз он обвёл глазами пассажиров, растерянно улыбнулся и прошептал, как будто оправдываясь:

– Четырнадцать лет всё-таки...

И, забыв закрыть дверь машины, пошёл по тротуару.

Пассажиры молчали в оцепенении. Шофёр не трогался с места. Все провожали глазами майора...

До войны в Чечне оставалось два месяца...

Михаил МУЛЛИН

Воин Любви и Света

Лесовой В. Люблю я Липову Долину. Издво «Здравие». – М., 2010.

Книгу Владимира Лесового «Люблю я Липову Долину», вышедшую в серии «Золотая лампада», можно справедливо назвать весьма необычной по многим причинам. Во-первых, она написана сразу на двух языках, причём часть произведений – только на русском, другая – на украинском, а некоторые имеют переводы (с русского на украинский или наоборот). Это обстоятельство, кстати, позволяет читателю не только расширить представления о родной речи, насладиться красотами и музыкой близкого (того или иного, в зависимости от происхождения читателя) языка, но и поудивляться, обнаружив вдруг, что вроде бы понятное украинское слово на самом деле значит вовсе не то, что ему (читателю) до сих пор казалось! Например, «зирка» в небе – это вовсе не «зорька», а «звезда»!

Это же обстоятельство позволит заинтересованному и внимательному читателю лучше узнать *свой родной* язык (или рідну мову) через другой (родственный), обнаружив в нём скрытые глубины смысла.

Именно двуязычие украинскорусское – в наше время не что иное, как сознательная и отважная демонстрация неразрывности общей истории искусственно разделённых народов, которых тёмные силы (потусторонние и не только) пытаются столкнуть уже в военном и кровавом противостоянии. Скажем прямо: книга «Люблю я Липову Долину» – это своеобразная скрепа, призыв к единству – культурному и духовному, по крайней мере.

Во-вторых, особенность книги В. Лесового заключается в её многожанровости, обозначенной автором на титульном листе как «Избранные стихотворения. «Стихоповести – прозопозэмы. Эпиграммы». А на самом деле к отмеченному можно бы ещё добавить: «Критика. Эпистолярый. Публицистика...»

И в любом жанре Лесовой пишет как дышит, пишет как живёт. В этом смысле он человек на редкость цельный и органичный, и творчество его, рассмотренное под этим углом зрения, становится вдруг также отнюдь не «разношёрстным», а абсолютно цельным.

Несмотря на многожанровость и многоязычие (кроме восточнославянских в книге «использованы» и французский, и ряд восточных языков), книга имеет единый замысел, читается как единое произведение.

Прозаик и поэт Владимир Лесовой – боец по натуре. В армии был десантником. Служил Родине, хоть и в мирное время, но – рискуя жизнью. И сейчас служит. И тоже с риском для жизни: регулярно получает письма с угрозами-предупреждениями... И в стихах, и в прозе остаётся «десантником».

Окончил МГИМО, был атташе в нашем посольстве в Монголии и ныне знание иностранных языков поставил на службу Отечеству, его культуре, его интересам (не в ущерб интересам других народов!), его литературе. Родился на Украине. Служит без страха и упрёка России. И Украине – подлинным, а не мнимым интересам её народа. Творчество Лесового, как и он сам, является своеобразным мостом между Россией и Украиной, связью, которую никому не удаётся и не удастся разорвать.

*Загашу я лучину,
До зорі помолюсь.
Добрый день, Батькивцино,
Мати – Киевска Русь!*

Сколько сыновней нежности в этих без перевода понятных любому «москалю» стихах! И как не посочувствовать *личной* трагедии поэта, который «...*Закінчено школу, / Поїхав в столицю. / А сталося так, / Що понав за границю...*»?! Ведь теперь не только он, не покидавший Родины, оказался за границей, но за границей оказались и могилы его предков...

Впрочем, Владимир Лесовой хочет «установить мосты» между всеми народами: написал «поэму ассоциаций» «Факел Фаиза» (пакистанский классик, творивший на урду), которая вышла сразу на трёх языках: русском, урду и английском; охотно вспоминает Назыма Хикмета, Редьярда Киплинга, Юрия Кузнецова, Тараса Шевченко.

Но, может быть, ближе всех ему А. С. Пушкин. Он «пропагандирует» русским Пушкина, открывает то, о чём мало кто знает: скажем, что «*Пушкин – потомок двенадцати святых по прямой линии, среди которых равноапостольные Владимир и Ольга, и тридцати святых – по боковой линии*». Не правда ли, такие сообщения помогут нам теперь несколько иначе прочитать Александра Сергеевича!

И, кстати, знаете ли вы, что (тут Лесовой цитирует строчку поэта Е. Семичева) «*Пушкин Дантеса простил*»? И не подкорректировалось ли ваше отношение к Пушкину по прочтении такой строчки?

А любовь к друзьямединомышленникам у В. Лесового действенная. Не жалеет он сердца и страниц для тёплых, добрых слов, скажем, о замечательных писателях М. Борисове, Е. Артюхове, В. Крупине, Н. Кобзеве, покинувшем наш мир, В. Волкове («*Закончилась жизнь, настало житие!*»). А ведь поэты редко хвалят собратьев по перу. Автор «Липовой Долины» и в этом чуть ли не исключение. Что говорит в его пользу.

Из ранее сказанного понятно, что Лесовой, конечно же, поэт и прозаик православный. Это и в «мелочах» проявляется. Например, отношение к досадным бытовым неурядицам у него ярко христианское:

*Зажал в деснице
Пятак я медный –
Спасибо, Боже,
Что я не бедный.*

В своей повести он написал о десантниках: «*Это мужество первой категории*». О трудах Лесового в литературе можно сказать то же самое. Бескомпромиссная честность автора наверняка понравится не всем. Он отважно идёт на обострение смысла во имя правды, какой бы «неудобной» для когото она ни была. Думается, многих возмутит такое:

«...Бедныебедные русские поэтессы... Их ныне – миллион и больше. В одной только Москве. Национальное бедствие. Они не хотят быть заботливыми и любящими жёнами. Не хотят рожать детей. Они хотят курить и писать стихи. Как Ахматова и Цветаева. При этом вменяют в заслугу Анне Андреевне то, что та якобы не умела пришить пуговицу, а Марине Ивановне – что она якобы не умела хорошо готовить... Да что вы знаете достоверно о тайных «привычках бытия» двух великих поэтесс?.. В любом случае им можно простить их «бытовые» грехи. Вам – никогда... Чувствуете разницу? А что касается любви, то любила Марина... так, что дай Боже каждому. Трёх детей родила. По нынешним временам считалась бы многодетной матерью и получила бы от Путина материнский капитал. Но не случилось... Слишком поздно родился Путин и его капитал... Подытожу. Дорогие, уважаемые поэтессы, оставьте ваши графоманские штучки... повернитесь лицом к проблеме. Россия вымирает без вашего участия. Без ваших стихов она обойдётся. Без ваших детей – погибнет».

Однако всё это продиктовано болью и тревогой за русскую цивилизацию, ведь и речьто здесь идёт отнюдь не о так называемой «женской поэзии», а о том, что ею ни в коей мере не является...

И успокойтесь, *«бедные русские поэтессы»*, ибо при непредвзятом прочтении книги вы, конечно же, поверите признанию В. Лесового: *«Всех люблю»* (здесь и далее выделено автором. – М. М.): *белых и красных, богатых и бедных, нищих и убогих, здоровых и хворых, верных и безбожных, слепых, юродивых, живых и мёртвых... Без них не было бы этой книги... Немного преувеличиваю. Книга была бы. Но другая – скучная и однообразная... как книги современных поэтесс, которые без sagesse (мудрости. – Прим. М. М.)».*

В конце книги Владимир Лесовой напрямую обращается к читателям: *«Спасибо всем гостям этого дома, приютившегося под обложкой этой книги... Эта книга – действительно большой, шумный, перенаселённый разными людьми дом. Притом дом, говорящий на разных языках... Здесь сошлись... сотни персонажей. Как в большом эпическом романе (ещё одна особенность, необычность издания. – М. М.) Мне не скучно и не сварливо с гостями. Мне с ними хорошо и хлопотно... Расширяйте границы земного рая. Границы любви. Любите друг друга...»*

«Воин любви» с любви (ещё на обложке с изображением трёх ангелов) начал книгу, любовью и завершает её. Однако кто-то, возможно, возразит мне: мол, В. Лесовой, скорее уж Богу служит, воин Христов. А по моему, всё едино, потому что христианский Бог – это Любовь. И не зря же в Библии после заповеди любви к Богу, дана вторая, *«подобная ей»*, с призывом возлюбить ближнего. А Лесовой к этому же призывает.

А закончить рецензию, пожалуй, справедливо словами, написанными о Владимире Лесовом Аллой Ждамировой: *«Дай Бог каждому из нас так служить своей Отчизне!»*

Елизавета МАРТЫНОВА

Силуэты и гравюры Нелли Кременской

*Созданье тем прекрасней,
Чем взятый матерьял
Бесстрастней:
Стих, мрамор иль металл...*

Н. Гумилёв

**Кременская Н. Ф. Колдовское дерево: сборник рассказов.
Саратов: издво «Научная книга», 2007.**

Любая проза вырастает из биографии. Нет биографии – нет писателя. В крайнем случае, эту биографию можно выдумать. Так «избыток вымысла» скрепляется, сшивается «нитками судьбы». Разумеется, биография эта не внешняя, а внутренняя, отпечатанная в благодарной или возмущённой памяти.

Некоторые писатели от биографизма в принципе отказываются, отрекшиваются. Это и понятно: для них копирование жизни означает отсутствие художественности. Но ведь можно посмотреть и с другой точки зрения: жизнь художественна сама по себе, и она куда бо́льшая придумщица, чем любой из нас.

Нелли Кременская – писатель, который строит свою прозу как биографию: собственную, своих близких, соседей, случайно увиденных знакомых; даже кошек и собак наделяет она каким-то забавными и серьёзными биографическими чертами.

Даже если перед нами – короткие завершённые рассказы, в них порой укладывается вся жизнь героя: *«А знаешь, Харламов-то умер. Пришёл с работы, сел за стол, положил голову на руки – и умер»*, – рассказывает о смерти человека, которого любила героиня рассказа «Два профиля», её сельская соседка. *«...Почемуто остановилось время. Или, наоборот, помчалось с бешеной скоростью. Не знаю, сколько это продолжалось...»* («Два профиля»)

Н. Кременская относится к жизни как к Богом данному материалу. «Колдовское дерево» – так называется книга. Это самое колдовское дерево – и есть жизненный материал, который оказывается в руках у писателя. И неслучайно рассказ о резьбе по дереву открывает книгу. Кстати, это произведение в прямом смысле автобиографическое – в жизни автор действительно занимается этим видом искусства (*«...с 1984 года профессионально занимается резьбой по дереву. Поэтому в её литературных произведениях часто сквозит тема изобразительного творчества»* – написано в аннотации).

Дерево – это материал, с которым трудно справиться. Но жизнь откликается на усилия, на огромный труд, на талант художника. «Фактура» жизни подчёркивает созданный образ: *«Резьба шла с таким усилием, таким надрывом, мелкие детали постоянно скалывались, стамеску было не сvezти. Чтоб я ещё когданибудь... Да никогда в жизни! И вообще! С грехом пополам всё же закончила. Стала шлифовать/полировать. И вдруг – о чудо! Без моего ведома, сам собой берег засверкал песчаными дюнами, паруса на кораблике стали полосатыми, море заигралозаитормило арабской вязью на волнах, а по небу поплыли дивные узоры облаков. Это был неожиданный подарок. Благодарное дерево словно*

отплатило за терпение, за ту энергию, которую забрало у меня, и вернуло своей красотой...»

Н. Кременская как резчик по дереву использует самый трудный материал – лиственницу, а для своих сюжетов – как писатель – выбирает трудные, конфликтные, тяжёлые ситуации, основанные или на надрыве, или на юмореиронии. «Преснятины» и «занудства», скучных прозаических описаний в рассказах Н. Кременской, к счастью, не встретишь. Она предпочитает яркие, контрастные краски – в прозе и в живописи, это её авторская манера. Недаром в книжном шкафу у героини рассказа «Колдовское дерево» стоят тома Чехова, Достоевского, Гоголя, Булгакова. Преимущество очевидно, тем более что автор сообщает о ней на первых страницах своей книги.

В книге ощущается высокий градус юмора, свидетельствующий о равнодушном отношении к жизни, к событиям и людям, о которых пишет автор. Между прочим, это и самоирония, и юмор по отношению к себе, а не просто общественная сатира, бичевание пороков.

Почему возникает юмористический колорит? Потому что герой Н. Кременской живёт во времени, ему определённом. В индивидуальном времени – «детство»–«юность», в личном – время «любви»–«нелюбви», общественном – эпохи мира и войны. И если приглядеться, как построена книга, то можно угадать движение от своего, близкого, лирическидневникового («Два профиля», «Рубенса привезли», «Чёрные силуэты», «Однажды в студёную зимнюю пору», «Куклы детства моего») – к судьбам других людей («Вадик», «Любаша», «Спасите газель», «Брызги салюта») и, наконец, ко времени, к его осмыслению («Наказание за преступление»).

Конечно, эта классификация условная. Ведь даже в рассказе «Русская гравюра» (картинка одного дня) есть приметы эпохи, а в тех, которые рассказывают о войне и мире, – живые, жизненные детали, которых не придумаешь.

И это свидетельствует о том, что Н. Кременская – настоящий художник. Она не ставит перед собой какихто специальных «дидактических» целей – учить и наставлять читателя и т. п., но с максимальными возможностями использует тот жизненный материал, который у неё есть – так, чтобы он заиграл самыми яркими красками.

Андрей МИХАЙЛОВ

Андрей Станиславович Михайлов родился в 1953 году в Саратове. Окончил строительный факультет Саратовского политехнического института. Работал в проектных институтах и на оборонном предприятии. Последние десять лет работал в горэкологии, а до этого занимался проектами в институте «Гипропромстрой». В настоящее время живёт в Бразилии. В литературно-художественном журнале публикуется впервые.

РОД КОРЕЛИНЫХ (КАРЕЛИНЫХ)

*Светлой памяти
Владимира Андреевича Комарова (1941–2015),
основателя и первого директора
Музея саратовской гармонии*

**Глава из рукописи Андрея Станиславовича Михайлова,
праправнука Дмитрия Геннадьевича Карелина,
«Портрет рода на фоне времени.
Автобиографические записи»**

ОТ АВТОРА

Для кого я пишу эти строки? Для моих сыновей, Виталия и Андрея, прежде всего, хотя и не могу сейчас сказать, что вижу их глубокий интерес к истории рода. В определённой степени этому есть объяснение: в молодые годы взгляд обращён в будущее. Желание узнать больше об истоках во всей своей силе проявилось у меня, когда счёт пошел на пятый десяток и родителей уже не было в живых.

Я пишу, вызывая из прошлого то, что памятно и дорого сердцу. Я теперь старше моего деда Андрея Ивановича Варламичева, в день рождения которого я появился на свет. То был год его смерти. И старше столь рано и внезапно ушедшего своего отца Станислава Васильевича Михайлова, осознание роли которого в моей жизни пришло слишком поздно (мы не прожили вместе и четырнадцать лет).

Здесь будут упомянуты люди не только известные, но и знаменитые, и даже исторические личности, с именами которых порой самым неожиданным образом я соприкасался в те или иные моменты жизни или с которыми, так или иначе, связана история рода. Заметное место займут воспоминания моих близких, а также тех, с кем меня свела судьба.

Меньше всего это будет похоже на гербарий, где засушенные листья-воспоминания переложены страницами-годами. Скорее – на детскую книжку-раскладушку, когда перед ребячьим взором вдруг поднимается зримо и выпукло то старинный замок, то какая-нибудь живая сценка. По крайней мере, я надеюсь на это.

РОД КОРЕЛИНЫХ (КАРЕЛИНЫХ)

Я приступаю к этой главе с особым чувством. На склоне лет мне стало известно, что по линии отца я принадлежу к известному и славному роду, внесшему особый вклад

в музыкальную культуру Саратовского края, и это явилось одним из побудительных мотивов создания этой пока ещё не изданной книги.

В написании главы мне очень помогли воспоминания бабушки Елены Ивановны Карповой (в девичестве – Ивановой, дочери Ольги Дмитриевны Карелиной) о воспитавшем её дяде М. Д. Карелине; рассказы моего двоюродного дяди Льва Георгиевича Дубова, двоюродного дяди Юрия Петровича Ткача и двоюродной тётки Ольги Георгиевны Дашко – сыновей и дочери сестёр и брата бабушки.

В тексте приведены цитаты из книг крупнейшего российского специалиста в области музыкальных инструментов Альфреда Мартиновича Мирека, создателя Московского музея истории гармоника России. Экспонаты музея целиком и полностью собраны его создателем: он занимался этим более полувека, составив коллекцию, которая отображает практически все этапы развития огромного «семейства» популярнейших во всём мире и, конечно же, в России, инструментов, носящих название «гармоника».

Использованы сведения из архивных материалов, которые разысканы саратовским литератором и краеведом Владимиром Ильичом Вардугиным при написании книги о саратовской гармонике.

Прапрапрадед Геннадий Дмитриевич Корелин (Карелин) (1821 год – не ранее 1891 года)

Доподлинно неизвестно, через «а» или через «о» писалась фамилия моего прапрапрадеда. Бабушка Лена называла своего прадеда и его родного брата (имя которого неизвестно) плотогонами – они сплавливали лес с верховьев Волги вплоть до Астрахани. Жили братья в это время, вероятно, в Костроме, поскольку сын Геннадия Дмитриевича, Николай, в детстве, в начале 60-х годов позапрошлого века привезённый в Саратов, назван в одном из документов костромским мещанином. А. М. Мирек также указывает в своей книге «Гармоника. Прошлое и настоящее» место рождения Николая Геннадьевича Корелина – Кострома.

Когда в результате нечестности компаньона (кто знает, насколько это верно) братья разорились (что означает: были они не наёмными работниками, а предпринимателями – из купеческого сословия), Геннадий Дмитриевич осел в Саратове. Здесь он выучился ремонту гармоней: скупал сломанные гармошки, чинил и продавал их. Известно о двух его сыновьях, Дмитрие и Николае. Николай прославился как гармонный мастер. Были ли у моего прапрапрадеда ещё дети, как звали жену и какого она была роду – сведений у потомков нет.

Уместно привести здесь совсем маленький отрывок из книги академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва «Воспоминания» (СПб: Logos, 1995). Описанное им время куда более позднее, но сохранявшее черты волжской жизни первой половины XIX века.

По Волге в 1914 году

«Волга тогда была другая, чем сейчас. Я уже не говорю о том, что она была без «морей» и разливов, без плотин и шлюзов. На ней было множество мелких судов разных типов. Буксиры тянули канатами караваны барок. Сплавливали лес плотами. На плотах ставили шатры и даже маленькие домики для плотогонов. Вечером ярко горели костры, на которых плотогоны готовили пищу и у которых сушили выстиранную одежду. Русские крестьяне при всей своей бедности были очень опрятны. Раза два-три встретились красавицы-беяны. Беяны назывались так потому, что они были некрашеные. Бель – это некрашеное дерево. Эти огромные высокие барки плыли по течению, управляясь длинными вёслами. В нижнем безлесном районе Волги их разбирали на строительный материал. И строились беяны в верховьях Волги так, чтобы не портить бревна и доски. Волга была наполнена звуками. Гудели, приветствуя друг друга, пароходы. Капитаны кричали в рупоры, иногда – просто чтобы передать новости. Грузчики пели.

Существовали специально волжские анекдоты, где главную роль играли голоса кричавших друг другу с больших расстояний людей, плохо и по-своему понимавших друг друга. Но были и детские байки, и звукоподражания. Помню такое «звукоподражание» перекликающимся друг с другом петухам. Первый петух кричит: «В Костроме был». Второй спрашивает: «Каково там?» Первый отвечает: «Побывай сам». Этот «диалог» довольно хорошо передавал по интонации петушину перекличку. А вот сцена, которую я сам наблюдал. Была она в духе Островского. Сел к нам на пароход богатый купец, не устававший хвастаться своим богатством. Встречающиеся плоты он приветствовал, приложив ко рту ладони рупором: «Чьи плоты-те?» С плотов ему непременно отвечали: «Панфилова». Тогда купчишка с гордостью оборачивался к стоявшей на палубе публике и с важностью говорил: «Плоты-те наши!»

Прапрадед Дмитрий Геннадьевич Карелин (1848 год – 1912 год(?))

Дмитрий Геннадьевич Карелин (именно так, через «а», записана его фамилия на табличке с годами рождения и смерти, прикрепленной к могильному кресту) работал у купцов Поповых, занимавшихся торговлей землёй, строительством домов и похоронным делом. В Саратове для ритуальных услуг кроме церквей с чином отпевания существовали конторы по изготовлению памятников и надгробий. Контора братьев Поповых была самой крупной, дом и лавка их стояли у «пяти углов», то есть перекрёстка Московской и Полицейской (ныне Октябрьской), где высились две церкви и были ранее кладбища.

Судя по документам, Дмитрий Геннадьевич родился в 1848 году, а на кладбищенской табличке написано: «1842–1912». В глубокой старости бабушка Лена (она скончалась на 97-м году жизни) на фотографии лежащего в гробу деда написала дату смерти: 1916 год, правда, поставив рядом вопросительный знак.

Работал ли где ещё за свою жизнь прапрадед – неизвестно. У Дмитрия Геннадьевича и его жены Евдокии Ивановны было трое детей: сын Михаил и две дочери, одну из которых нарекли Ольгой (это моя прабабушка), а младшую, родившуюся 25 октября 1887 года по старому стилю, – Екатериной. Правнук Дмитрия Геннадьевича – Юрий Петрович Ткач, со слов своей матери Веры Ивановны (в девичестве Ивановой) рассказал мне, как она в детстве бывала в гостях у жившей неподалёку богатой тётки – родной сестры её матери Ольги Дмитриевны. Очевидно, то была вышедшая замуж Екатерина. Жили Карелины обеспеченно, имели выездную лошадь с коляской.

За службу Дмитрий Геннадьевич получил от Поповых земельный участок на улице Соколовой. После его смерти вдова Евдокия Ивановна участок попридержала, а после замужества в 1919 году внучки Тонечки (Антонины Ивановны Ивановой, по мужу – Дубовой) подарила ей под строительство дома, ныне находящегося в ветхом состоянии. В этом доме вырос мой двоюродный дядя Лев Георгиевич Дубов, сын Антонины Ивановны.

Указано местоположение конторы: в ограде Старо-Михаило-Архангельской церкви. Старо-Михаило-Архангельской церковью, в ограде которой находилась указанная в рекламном объявлении контора, называли Спасо-Преображенскую единоверческую церковь, разрушенную в 30-х годах XX века. На месте этой церкви и погоста при ней в конце 40-х–начале 50-х годов разбит сквер, в котором теперь установлен памятник Первой учительнице.

Документов, подтверждающих, что Дмитрий Геннадьевич занимался изготовлением гармоней, не обнаружено. Думаю, не стоит этому удивляться. Лицензию на их производство получил его младший брат Николай, и этого было достаточно. Ведь и жили братья вместе. Все инструменты выходили «под грифом авторства» Николая. А для старшего, очевидно, основной работой была служба у Поповых. Но поскольку выдавать чужую работу за свою лицензией ремесленной управы запрещалось, то это только моя версия.

Однако в путеводителе по Саратову Г. А. Малинина, изданном Приволжским книжным издательством в 1974 году, говорится именно о братьях Карелиных как о создателях саратовской гармонике. Под фотографией братьев, снятой в 1890 году, написано: «Мастера братья Корелины». А передана эта фотография в Музей саратовской гармоники из консерватории.

На этом снимке, сделанном в период 1866–1902 годов (точнее определить затруднительно), хорошо видна Михаило-Архангельская церковь с портиком, четырехъярусной колокольней. А слева от неё можно разглядеть Старо-Михаило-Архангельскую церковь. В правой нижней части снимка виден Привалов мост, пересекающий наискосок Глебучев овраг. Дома на Кирпичной, где последние свои годы жил Дмитрий Геннадьевич, не разглядеть, так как располагался он на граничащей с оврагом более низкой стороне улицы немного правее хорошо различимого дома с двумя широкими печными трубами.

Евдокия Ивановна Карелина (Корелина)
(1853 год–21 сентября 1934 года)

О моей прапрабабушке известно немного. В 1903 году Евдокия Ивановна взяла кредит у Поповых, о чём свидетельствует сохранившийся документ, о котором рассказала О. Г. Дашко – дочь брата моей бабушки, Георгия Ивановича Иванова. На кредит был выстроен дом на ул. Кирпичной (Посадского) влево от пересечения с улицей Весёлой, за Приваловым мостом на овражной стороне улицы, почти что напротив колокольного завода Медведевых.

Человек твёрдых правил, глубоко верующая баба Дуня была прихожанкой Духосошестввенской церкви. В доме на Кирпичной было много икон, в проходной комнате помещалась деревянная статуя сидящего Христа с терновым венцом на голове – этой статуи пугалась в раннем детстве бабушка Лена. Евдокия Ивановна вкусно готовила, но в ещё большей степени обладала умением организовать застолье. Поэтому главным занятием после домашних дел, которых было невпроворот, стало проведение семейных праздников, свадеб, поминок. Приглашали её и в семью Поповых, в другие семьи, имевшие хороший достаток.

Брат и сестра Евдокии Ивановны жили в селе Питерка, где у сестры был двухэтажный дом со слугами. К ним ездили в гости.

В хозяйстве была корова, и Евдокия Ивановна ещё иногда продавала излишки молока. До революции частыми покупателями были служащие управления РУЖД (Рязано-Уральской железной дороги). Запомнился рассказ бабушки Лены, что, когда корова пала, бабушка Дуня решила продать мясо в Крытом рынке, а её взяла в помощницы (послереволюционное время было голодное). Видно, кто-то прознал и «стукнул», так как их забрали в отделение милиции в Мирном переулке. Они сознались, повинились. Мясо у них отобрали и отпустили.

Предположительно, верхний снимок Евдокии Ивановны сделан около 20-го года (имеющий дефект оригинал наклеен на простой картон с тиснением: до революции были снимки на высококачественном картоне с вензелем и именем владельца фотоателье), а нижний (небольшого размера оригинал на фотобумаге), возможно, в конце 20-х–начале 30-х годов.

В старости бабушка Дуня одевалась во всё чёрное, голову повязывала платком. В последние два года жизни силы покинули Евдокию Ивановну, и во дворе у дома в погожие дни для неё ставили лежанку. Умерла она 21 сентября 1934 года.

Двоюродный прапрадед
Николай Геннадьевич Корелин (Карелин)
(1854 год–1918 год)

В книге Владимира Вардугина «...И гармошки перебор – саратовский разговор» сказано, что в шестидесятые годы XIX века началось изготовление саратовских гармоник братьями Куликовыми и братьями Карелиными. Но ведь Коле Карелину в конце шестидесятых исполнилось только 15 лет. Выходит, в годы рождения гармоники главная роль принадлежала его старшему брату Дмитрию, 1848 года рождения. А теперь подробнее о младшем.

На этой фотографии слева – Николай Геннадьевич Корелин, справа его брат, мой прапрадед Дмитрий Геннадьевич. Лев Георгиевич Дубов заметил, что на этой фотографии братья чем-то похожи на «новых русских». Анекдотично воспринимается сейчас информация из книги крупнейшего специалиста по гармоникам Альфреда Мирека, что отец гармонного мастера М. Д. Корелина работал сторожем купеческих складов. Тому есть простое объяснение, ведь сын рассказывал А. М. Миреку об отце Дмитрие Геннадьевиче в сталинское время, когда нередко скрывали своё происхождение во избежание репрессий.

Ещё в детстве Коля Корелин (А. Мирек пишет его фамилию через «о») помогал отцу (моему прапрадеду) ремонтировать гармони. Сын пошёл дальше – он экспериментировал с различными материалами. Изготавливал детали из жёлтой или белой меди, стали, по-разному обклеивал меха. На Никольской улице (ныне Радищева) в начале 1870-х годов он открыл первую в городе мастерскую, в которой кроме него работали подмастерья и ученики. Здесь же, на Никольской, одно из зданий украсила большая (полтора аршина на пять аршинов) вывеска: «Музыкальная мастерская Д. Е. Жаркова». Дмитрий Ефимович Жарков – крёстный сын Н. Г. Корелина. Неподалёку появились и мастерские гармонных мастеров Г. Гвоздева и А. Емельянова, через улицу Гоголя, ближе к Глебучеву оврагу, – мастерская С. Борисова.

Николай Геннадьевич первым среди гармонных мастеров Поволжья получил «Свидетельство ремесленника Саратовской ремесленной управы» (18 августа 1879 года, № 730), сдал теоретические и практические экзамены. (Этот и некоторые другие факты в отношении Н. Г. Корелина, равно как и в отношении М. Д. Карелина, взяты из книги Альфреда Мирека «Гармоника. Прошлое и настоящее», М., 1994, издательство «Интерфакс».) В тексте свидетельства сказано: *«Дано сие на основании 109 ст. рем. уст. изд. 1879 года мастеру Столярного цеха Костромскому мещанину Николаю Геннадьевичу Корелину, записанному в книгу мастеров под № 2 для беспрепятственного производства гармонного мастерства, сроком по 31 декабря 1889 года, с тем, чтобы по окончании этого срока свидетельство это было возобновлено».*

На изготовленное в литографии Феокритова красочное свидетельство наклеили три марки, и Николай Геннадьевич получил право работать.

Жил Николай Геннадьевич на Кузнечной улице, «в доме Прошкина, 2 части 6 квартала», как указано в «Описи столярной цеховой управы, мастеров и подмастерьев за 1883 год». Подмастерьем у него был записан «Пётр Дмитриевич Маршев» (Гос. архив Сар. обл. – ГАСО).

В «Посемейном списке цеховым Саратова» (ГАСО), начатом в 1879 году, под номером 1562 значится *«Карелин Николай Геннадьевич, в 1891 году – 37 лет; его брат Дмитрий – 42 лет; их отец Геннадий Дмитриевич – 70 лет; Дмитрия сын Михаил – 1884 июля 21 (дата рождения); Николая сын Михаил – 1886 сентября 1. Причислен указом Казённой палаты 23 сентября 1889 года за № 4520».* В графе местожительства чернилами указаны: *«дом Лобанова, ул. Царицынская, 3 часть»*, а рядом карандашом – новый адрес: *«4 часть, Кирпичная ул., д. Карелина против завода Медведева».* В список внесли и домочадцев Карелиных: *«Николая жена Агафья Петровна, в 1889 году – 33 лет; их дочь Капетоллина, в 1907 году – 18 лет. Дмитрия жена Авдотья Ивановна, ея дочери: Ольга, рождения 1874 года июня 23 дня, замужем; Екатерина – 1887 октября 25».*

Выходит, семьи братьев и их отец Геннадий Дмитриевич жили вместе в одном доме. И сыновей называли одинаково – Михаилами. И оба стали гармонными мастерами.

Михаил Дмитриевич и Михаил Николаевич дружили. Последний, живя с 1918 года в Кузнецке, часто приезжал погостить в Саратов к двоюродному брату. Об этом вспоминала внучатая племянница Михаила Дмитриевича О. Г. Дашко, детство которой в сороковые годы XX века прошло в доме на Кирпичной.

Инструменты, сделанные в мастерской Карелина, были востребованы и любимы. Корелин скоро стал работать исключительно с заказами, то есть изготавливал товар штучный, уникальный. Первыми его заказчиками были гармониисты из города и окрестных сёл, солдаты Саратовского гарнизона, приказчики, содержатели гостиниц, трактиров. Заказывали у Николая Карелина гармошки для цирковых номеров знаменитые братья Дуровы (для них делались маленькие гармошки, называемые «черепашками»).

«Попасть к Николаю Геннадьевичу Корелину в ученики стремились многие...» – отмечал А. М. Мирек в своей книге «Появление и распространение гармоники в России». Продолжаю цитировать: *«Корелин отбирал тех, которые имели музыкальные данные, считая, что это главное для гармонного мастера. Имея отличный слух и эстетическое чутьё, он был первоклассным настройщиком и всегда сам наклепывал голоса и настраивал инструменты. Корелин одним из первых стал делать 10-кнопочные инструменты, постепенно увеличивая количество планок (с трёх до пяти). К основной планке добавляли две-три звучащие на октаву выше (так называемые свистовые). От увеличения планок корпус расширялся и принимал новые квадратные формы».*

Не ранее 1907 года (в этом году в «Посемейный список...» внесена его восемнадцатилетняя дочь Капетоллина) Корелин начал свёртывать производство в Саратове, уехал в город Кузнецк, а потом в Балаково. Умер в Балаково в 1918 году. Что заставило мастера на старости лет променять один из крупнейших городов империи, в котором он достиг большого успеха, на уездный Кузнецк, а потом и вовсе на Балаково, получившее статус города только в 1911 году? Можно только гадать.

**Двоюродный прадед
Михаил Дмитриевич Карелин (Корелин)
(21 июля 1884 года (по старому стилю) –
2 января 1951 года)**

Юношей взял Мишу в обучение его дядя Н. Г. Корелин. Уже в двадцать лет, с 1904 года, Миша стал работать самостоятельно в домашней мастерской, взяв к себе учеников Г. И. Иванова (своего племянника) и И. Н. Новикова. Корелин известен не только как замечательный мастер, но и как активный участник революционного движения. И это при том, что рос он не в бедности. В подвальчике его дома на гектографе печатались листовки. Представьте, каков был риск для семьи! В разысканной Владимиром Вардугиным заметке «Обыски» из газеты «Саратовский вестник» от 4 сентября 1907 года сказано: *«В ночь на 2 сентября полицией были произведены обыски у И. С. Смирнова (Соколова ул.) и у М. Д. Карелина (Кирпичная ул.). У обоих ничего компрометирующего не найдено».*

Отправляясь на очередную маёвку (обычно собирались на Соколовой горе), он проносил с юмором: «Выпьем, закусим, ну и про революцию поговорим». В 1905 году он участвовал в подпольной работе местной организации РСДРП, был арестован и посажен в тюрьму. По освобождении опять занимался гармонным ремеслом.

Началась Первая мировая война, и дядю Мишу, как его всегда звала бабушка Лена, призвали в армию и направили в Златоуст, где он работал слесарем по металлу. А в 1920–1923 годах дядя Миша служил механиком на пароходе.

По словам бабушки, дядя Миша был знаком с уроженцем Саратова А. И. Рыковым (чья революционная деятельность началась в 1901 году с создания социал-демократических кружков в Саратовских железнодорожных мастерских), ставшим председателем Совнаркома после смерти Ленина.

После победы Октября Михаилу Дмитриевичу предлагали «войти во власть», но он отказался. У дяди Миши был собственный выезд. Революционное прошлое не избавило его от конфискации: увели со двора его лошадку, о чём горевал сильно. Об этом не раз вспоминала бабушка Лена.

И вновь слово Миреку. Он упоминает о встрече с моим двоюродным прадедом в своей книге, которая, судя по названию, никак не связана с музыкальной культурой: «Тюремный рекем: Записки заключённого» (М.: Права человека, 1997). Необыкновенное увлечение Мирека изучением и коллекционированием музыкальных инструментов в 1984 году неожиданным образом привело к сфабрикованному обвинению и году в тюремной камере. Первый тюремный опыт он приобрёл в ГУЛАГе.

Вот что пишет Мирек:

«Ездил я и в Поволжье. Михаил Дмитриевич Корелин (племянник Н. Г. Корелина) славился «набивкой» планок (наклёпка стальных язычков над проёмами планок – главная деталь в инструменте). Показал он мне имевшиеся у него в работе гармоники. Продемонстрировал, как набиваются планки, в чём секреты и как приходит успех в работе. Рассказы такие для науки бесценны.

Он был главным организатором в 1929 году первой артели гармонных инструментов «Музыка». Известен как энтузиаст проводимого в то время объединения кустарей в артели. Правда, ко времени нашей встречи артель развалилась, но главное, кустарное производство, как тогда считали, «несовместимое с социалистическим строем», – ликвидировалось.

В артели у него произошёл такой случай. В тот год на главном кладбище города, «Воскресенском» (или, как ещё называли, «Пичугинском», по имени богатого купца Пичугина, подарившего под кладбище свои земли – А. М.), работала группа ЧК, извлекая гробы из могил и склепов богатых купцов (а таких там было много). После изъятия золотых и бриллиантовых драгоценностей прах ссыпали в могилы, а гробы (попадались и серебряные) складывались штабелями: нужен был металл. Медные толстые доски с выбитыми надписями и датами отправляли в артель «Музыка».

Мирек продолжает, приводя дословно рассказ М. Д. Корелина:

«В этот раз нам привезли медную пластину, точно по толщине отвечающую ширине планок. Напилили её на трехмиллиметровые полосы – планки, пробили проёмы. Все отходы смели веником и выкинули в общую кучу опилок и стружек во дворе. Металл был отличный, в работе мягкий и податливый. Баян, собранный на этих планках, звучал поразительно, но оказался тяжелее обычного – 20 килограммов. «Ну и звук – золотые планки!» Этот возглас натолкнул кого-то на мысль проверить металл на кислоту. А планки-то и впрямь оказались золотыми, да ещё и высшей пробы.

И пропал баян бесследно. Как ни искали и в Саратове, и в Энгельсе, и в Самаре, и кругом – никаких следов. А кладовщик Вася Рыжий с этого дня всё в куче мусора во дворе копался, и деньги у него завелись, прямо сказать, бешеные. Вот какой баян довелось мне в жизни сделать – так и чувствую, как планочки блестят в руках», – закончил свой рассказ известный саратовский мастер». (Заметка, опубликованная в газете «Коммунист» 18 февраля 1937 года.)

Михаил Дмитриевич первым – об этом упоминает А. М. Мирек – стал изготавливать и баяны.

Михаил Дмитриевич сделал комплект из семи инструментов в разных тональностях для знаменитой русской певицы Лидии Руслановой (она была у него в гостях в 1939 году вместе со своим аккомпаниатором виртуозом-гармошечником Максаковым). Выполнил он и заказы замечательного саратовского слепого баяниста, заслуженного артиста РСФСР Ивана Яковлевича Паницкого, часто заходившего в дом на Кирпичной. Много раз бывал в гостях у дяди Миши основатель и руководитель очень известного когда-то ансамбля «Саратовские гармоники» Дома культуры профтехобразования Семён Павлович Портнов –

бывший боец Чапаевской дивизии и замечательный гармонист, прививший любовь к гармонике многим мальчишкам. Сам Михаил Дмитриевич на гармонике, как ни странно, не играл, хотя умел: инструменты проверял на переборах. Последние годы жизни он работал на открывшейся фабрике «Игрушка» на улице Кирпичной, выпускавшей саратовские гармоники.

В числе почитателей таланта Руслановой был Фёдор Шаляпин. Так, в письме к известному московскому конферансье Александру Менделевичу он писал: *«Вчера вечером слушал радио. Поймал Москву. Пела русская баба. Пела по-нашему, по-волжскому. И голос сам деревенский. Песня окончилась, я только тогда заметил, что реву белугой. И вдруг рванула озорная саратовская гармошка, и понеслись саратовские припевки. Всё детство передо мной встало. Объявили, что исполняла Лидия Русланова. Если знаешь её, передай от меня большое русское спасибо».*

Бабушка рассказывала мне, что после победы под Сталинградом специально посланный офицер привёз дяде Мише для ремонта аккордеон, принадлежавший фельд-маршалу Паулюсу. Хотя бабушка была не склонна к выдумкам, у меня оставалось сомнение: действительно ли тот аккордеон имел отношение к фельдмаршалу? Но вот в 2005 году в газете «Аргументы и факты», которую привёз сын из Москвы, я прочитал заметку о старшем лейтенанте Фёдоре Ильченко, участвовавшем в пленении командующего 6-й армией. В ней я нашёл следующее свидетельство участника событий: *«В подвале было несколько комнат. В одной – некое подобие кабинета Паулюса. Кругом чистота, посередине – стол, накрытый зелёным сукном, на котором горела солдатская лампа-коптилка, сделанная из снарядной гильзы. Я поднял её: на кровати сидел очень пожилой, небритый мужик в свитере непонятного цвета. Мундир висел на стуле. Рядом на кушетке стоял классный аккордеон».*

Прабабушка

Ольга Дмитриевна Карелина

(23 июня 1874 года (по старому стилю) – 1910 год)

В проходящем через весь город Глебучевом овраге у Привалова моста (в конце 19-го века это уже был не мост, а насыпь с мостовой, соединяющая склоны оврага) в сторону Волги стоял дом, в котором жили сестра Михаила Дмитриевича, Ольга Дмитриевна Карелина, с мужем Иваном Авксентьевичем Ивановым. Традиционно в овраге селилась беднота. По дну текла речка Тайбалык, впадавшая в Волгу. По весне она сильно разливалась, подтапливая близлежащие дома. После схода большой воды на дне оставались маленькие озера.

Ольга рано вышла замуж. Видно, по любви. Она была из обеспеченной семьи, а муж из бедной. Точную дату не знаю, но в 1891 году, когда ей исполнилось семнадцать лет, она уже была замужем, что следует из приведённого ранее «Посемейного списка...» В семье было пятеро детей, по старшинству: Надежда (родилась в 1894 или в 1895 году), Антонина (1897 г. р.), Георгий (1901 г. р.), Вера (1903 г. р.) и самая младшая, Елена, – моя бабушка (1908 г. р.). Ещё одна из дочерей рано умерла от чахотки, как тогда называли туберкулёз.

Иван Авксентьевич окончил Александровское ремесленное училище (будущий индустриальный техникум, выпускником которого был Юрий Гагарин). Прадед работал мастером в Саратовских железнодорожных мастерских, тогда самом крупном предприятии города (в 1905 году число работавших достигло полутора тысяч человек). В статье в газете «Саратовский вестник» писали: *«Мастерские эти представляют собой несколько громадных, плохо освещённых, ещё хуже отапливаемых и невозможно плохо крытых сараев, разделённых на четыре отделения... В особенно плохих условиях находятся кузнечные и токарные отделения. В дождь там все станки вместе с занятыми у них рабочими обильно поливаются сквозь дырявую крышу...»*

Как вспоминала Антонина, пил отец страшно. Ольга Дмитриевна ходила на богомолье в Киево-Печерскую лавру и в Новый Иерусалим в Московской губернии, чтобы вымолить избавление мужа от порока, но тщетно. Умер он в 1908 или в 1909 году. Вскоре от чахотки умерла и Ольга Дмитриевна. Бабушка Лена говорила, что не должна бы помнить, а тем не менее помнит себя у гроба матери. На единственной фотографии, где моя прабабушка снята после смерти, рукой её дочери уже в конце прошлого века написано: *«Моя дорогая мама Ольга Дмитриевна Карелина»*.

Брат Ольги Дмитриевны, бездетный Михаил Дмитриевич, взял на воспитание четверых детей, а старшую, Надежду, отдал в приют на улице Приютской (сейчас Комсомольская). Мало того, он с женой Марией Васильевной (тётей Маней) принял на себя ещё и заботы о воспитании оставшихся без родителей двух дочек двоюродной сестры Жуловой. Он, известнейший гармонный мастер, зарабатывал много.

Уже в старости бабушка нередко вспоминала о своём детстве. Говорила, как хорошо к ней относились в семье дяди Миши, ни разу даже не шлёпнули за проказы. Вообще, вспоминала его только добрым словом. Говоря о тех годах, не раз упоминала о необычном портрете Льва Толстого, выполненном текстом тринадцатой главы его «Крейцеровой сонаты». Сейчас этот портрет хранится у племянника бабушки, Бориса Георгиевича Иванова, в Балаково. Портрет, созданный одесским художником Хазиным в 1913 году, был выпущен тиражом 10000 экземпляров, напечатанным на простой бумаге. Висел портрет в доме дяди Миши около верстака, за которым он делал гармошки.

А о том, что дядя Миша был племянником и учеником Н. Г. Корелина, бабушка не говорила. Очевидно, сама не знала. Не знал и я до последнего времени.

Моя дорогая бабушка Елена Ивановна Карпова (в девичестве Иванова) – дочь Ольги Дмитриевны Карелиной. Бабушка дожила до XXI века, скончавшись на 97-м году жизни.

Что осталось в памяти от рассказов бабушки о тех годах? То, что наискосок от дома дяди Миши, на углу Кирпичной и Вознесенской, работал колокольный завод купцов второй гильдии Медведевых. Здания, где он размещался, сохранились до наших дней. Что на углу Весёлой и Вознесенской был кинотеатр (недавно на краеведческом сайте я нашёл его название – «Огонёк»). Видимо, он находился в приспособленном помещении и просуществовал недолго.

Запомнилось, что река Тайбалык по весне разливалась так, что лодки доходили до Привалова моста. Что улица Кирпичная в её раннем детстве, до революции, была чистой, за чем следил городской, строго спрашивая с домовладельцев. Что во дворе у дяди Миши стояли у края оврага два сарая. Что садов на овражной стороне улицы не было, а были на противоположной. Как на большие семьи покупали арбузов целый воз. Как рыбаки торговали рыбой с телег, с которых порой свешивались хвосты огромных осетров и белуг.

Какие здоровенные были гурты дынь, арбузов, тыкв, фруктов, привезённых на пароходах и баржах и временно сложенных на волжском берегу. Любившая хорошо поесть и сама замечательно готовившая, бабушка рассказывала об обеде, которым её накормил в ресторане железнодорожного вокзала работавший в нём поваром муж её сестры. О том, как роскошно выглядело здание Пассажа на углу Никольской и Московской и как вкусны были пирожные в кондитерской, вход в которую был из внутреннего зала под стеклянной кровлей. Как хорошо готовили в ресторанчике, на том месте, где сейчас стоит здание института «Гипрониигаз».

Мой двоюродный дядя Лев Георгиевич Дубов (сын Антонины Ивановны, в девичестве Ивановой) не раз бывал в тридцатые–сороковые годы в доме по улице Кирпичной (теперь Посадского № 61), в котором жил М. Д. Корелин. Каменная пристройка возведена позднее племянником дяди Миши, Георгием Ивановым.

Одноэтажный дом, в котором жил Михаил Дмитриевич Карелин, стоял до 2012 года. Я ещё успел побывать у этого дома, но в это время никто из моих родственников в нём уже не жил. Сейчас на месте снесённого дома дяди Миши новые владельцы достраивают собственный дом.

Родовая могила Карелиных (Карелиных) находится на Воскресенском кладбище. Надо идти по тропе, что уходит в глубь кладбища справа от памятника на могиле Н. Г. Чернышевского. Оставив позади слева от края тропы могилу директора 19-й школы заслуженного учителя РСФСР П. А. Ерохина и находящуюся справа у самого края могилу Мамаевой, повернуть направо и пройти чуть вперёд. В этой могиле похоронены Дмитрий Геннадьевич, Евдокия Ивановна Карелины и ещё многие, но ни кресты, ни таблички не сохранились. Эмалевую табличку для могилы дяди Миши заказывала в 80-е годы бабушка Лена, а я закрепил её на кресте. Это было моё первое посещение могилы предков.

Евгений БАЖАНОВ

Евгений Александрович Бажанов родился в 1955 году в с. Черниговка Приморского края. Окончил Куйбышевский инженерно-строительный институт. С 1980 года занимается творческой деятельностью. Писатель, историк, этнограф-славист, краевед, общественный деятель, вице-президент Международной академии трезвости. Автор многих книг (среди них «Священные реки России»), документальных кинофильмов. Член союза писателей России. Живёт в Самаре.

ВОЛГО-УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН – РОДИНА РОССО-АРИЕВ

журнальный вариант

САМАРСКАЯ ЛУКА И РОССО-АРИИ

До наших дней дошли народные, казачьи предания о священных реках – Волге, Самаре, Беловодье... Список священных рек древних росо-ариев довольно значителен. И всё-таки Волга и Самара даже среди культовых рек стоят особняком.

Что же привлекало на Волгу, в особенности на её среднее течение, древних россов? Очевидно, причин несколько. Прежде всего географические: Волга протекает с севера, с прародины росо-ариев, на юг, к тёплым морям и регионам; пересекает лесные дебри, благодатные лесостепи, идёт в степные просторы... Различие климатических условий и сопутствующих им промыслов способствовало развитию судоходства ещё в каменном веке. Географические рельефы привлекали волхвов своей культовой символикой.

Не лишены смысла и геологические причины: камни и руды – большая ценность для древних.

Однако есть и другие – скрытые мотивы. Во многих культовых местах существуют особые энергии, подпитывающие посетителей этих зон. Что это за энергии?

Доцент Самарского государственного технического университета, физик, специалист по кристаллам А. А. Сидоров считает, что радиация урановых руд влияет на интеллектуально-культурные мутации. Урановая руда есть и на Самарской Луке, на глубине в несколько сот метров, но на поверхности земли это никак не ощущается и современной аппаратурой не улавливается.

Этим же учёным высказана мысль и об энергии большого потока воды, «вращающегося», текущего вокруг Самарской Луки, вокруг горной гряды.

Вместе с тем мы можем говорить и о других существующих энергиях, о которых наука только высказывает предположение или совершенно не знает. В культовых местах такие энергии действуют, более того – реально ощущаемы.

Ярким примером тому служит Аркаим. Летом 2008 года наша киносъёмочная группа из трёх человек двое суток колесила по священным рекам в Самарской, Оренбургской, Челябинской областях (с заездом в Башкирию). В Аркаим добрались уставшие, ночлега там не нашли и потому, отсняв немало интересного материала, в ночь двинулись в Медногорск. Чуть не до зари ехали по безлюдным степям, но спать уже не хотелось, и мы сами себя спрашивали, откуда у нас появилось столько энергии и сил.

О подобных ощущениях при посещении Аркаима могут рассказать тысячи экскурсантов, паломников. Об этих энергиях, без сомнения, знали и волхвы, и обычные селяне.

Многие слова тоже содержат немалую энергию, иные – высокую. Названия ряда гидронимов, топонимов несут в себе не только сокрытые знания, но и энергии, о которых мы знаем не столь много, как древние россы.

Ореол святых мест сиял тысячелетиями. Сияние древности видно во многих гидронимах и урочищах в дельте Самары и ближних районах.

Так, самарский краевед Е. Ф. Гурьянов издал хорошую, но не бесспорную книжку «Древние вехи Самары», где пишет: *«Для русских же людей – древних россов – этот край и далее на юго-восток... был «землёй неизвестной».* Отсюда автор делает вывод: *«Самара – слово не русское».* Гурьянов предполагал, что русские появились на Волге только в XVI веке.

Более информированный человек, профессор Самарского государственного университета, археолог, создатель Самарской археологической школы Г. И. Матвеева придерживается другого взгляда: *«Следует отметить, что на территории именьковской культуры встречаются славянские гидронимы: Бездна, Утка, Майна, Черемшан, Сулица, Сок. Их доболгарское происхождение подтверждается упоминанием некоторых из этих гидронимов Ибн-Фадланом, побывавшим на Волге в 922 году (Сух-Сок, Джарамсан-Черемшан, Банасна-Бездна)».* (Г. И. Матвеева. *«Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура»*, стр. 76). Сюда же можно отнести реку Моча и ряд других.

В устной беседе Г. И. Матвеева подчеркнула: *«Ибн-Фадлан вёз с собой двух переводчиков, один тюркский, а второй, Борис, – славянин. И это говорит о том, что на Волге в IX–X веках много русских селений».*

Даже во время нашествия болгар-тюрков на Среднюю Волгу здесь остаётся ещё много русских селений. То же нам подтверждают и археологические исследования, в частности, экспедиции под руководством Г. Матвеевой.

Идентифицировать население и его самоназвания на Средней Волге и в других регионах можно по гидронимам и топонимам. Когда гидронимов и топонимов десяток, то это оставляет простор для манипуляции «сомневающимися». Однако если гидронимов и топонимов эпохи каменного века сотни и тысячи и они хранят тысячи русских слов (целый словарь составить можно), это говорит о наличии языка и народа – его носителя. Если язык на 100 процентов русский, то и говорить, что тут жили монголы, японцы или португальцы, никак не возможно.

Если к реке или горе «прибита» табличка «бог», «росс» и «сок» или иное чисто русское имя, то и вопрос самоидентификации здешних аборигенов ясен как божий день.

Известный лингвист, директор Института языкознания Олег Николаевич Трубочёв также считал, что многие названия рек в Поволжье русские.

Впрочем, пойдём своей дорогой, соотнесём гидронимы и топонимы России не с V веком, а со II и III тысячелетием до нашей эры, с росо-ариями.

Как географический объект река Самара интересна двумя положениями. Во-первых, русло реки длиной 575 км (по другим данным – 594 км) тянется на восток (перпендикулярно Волге).

Самара служила водной трассой, по которой шёл торговый путь (через волок) на Яик и Сакмару, а через них – к региону Южного Урала и Западной Сибири, далее по Караганке (и Утеганке) до Аркаима, до городов, где жили соплеменники росо-ариев. Через Самару поддерживались торгово-политические связи союзных общин русского народа. И связи эти тянулись от Дуная до Аркаима. Вдоль реки проходил и сухопутный тракт, который отмечен большим количеством курганов каменного века и эпохи «бронзы». На протяжении тысячелетий тут жили общины одного народа, который постепенно развивался, имел свои региональные отличия, но говорил на одном языке.

Интересна Самара и своей знаменательной дельтой протяжённостью вдоль берега Волги около сорока километров и полосой до десяти-пятнадцати километров.

В Самарской плавне сотни проток, ручьёв-речек, озёр, лиманов. По сути, это – старицы Самары. Ещё на моей памяти были тут могучие дубравы на гривах, в низинах осокори

в четыре обхвата. После раздачи земли под садовые товарищества лес заметно поредел. Весной дельта затоплялась так, что лес стоял в воде, на лодках плавали. Одна из стариц ныне зовётся Татьянкой, на плане городских земель конца XVIII в. – Татъеша. Е. Гурьянов делает поспешный вывод: «Там, где протекает нынешняя река Татьянка, была скрытая дорога и исходное место внезапных набегов кочевников на русские поселения». Отсюда-де и Тать (еша), т. е. разбойничья река.

Вывод ошибочный. Кочевники плавать не умели, лодок боялись. А чтобы орда степных кочевников полезла в болото – и представить немисливо. Их туда и на аркане не затащишь.

Дороги в дельте вообще не было очень долго. Во время киносъёмки 2008 года мы ещё раз проехали и прошли по дельте, посмотрели крутые берега стариц: топкие луга-болота в сочетании с густым лесом для конницы, да ещё степной, непроходимы. До нарушения экологического равновесия комарьё тут было жуткое. Идёшь, машешь руками, и полчища кровососущих даже не слетают с рук. Лежать в засаде в таких условиях могли только пластуны и отваги, да и то без коней.

Вот представители воинских братств и могли поспособствовать видоизменению имени, появлению Татъеши, а может быть, даже молва о стародавних временах над тем поработала.

Истинное название Татьянки, Татъеши – Тат(а) Самара.

Итак, кочевников в Самарской плавне не было, дорог их тут не было. А вот древнерусской топонимики немало. Для казаков, рыбаков места изобильные, кормящие. Рыбный промысел русских и кормил, и одевал.

И здесь мы опять должны обратиться к традициям и промыслам росо-ариев. Древние россы жили охотой, рыболовством, скотоводством и земледелием. Причём рыболовство в древности – важнейший промысел. И даже в XX веке, в годы гражданской войны, последовавших разрухи и голода, именно Волга, рыболовство (миллионы пудов одной лишь воблы!) спасли значительную часть населения от вымирания.

Эта грань русских традиций отражается порой в самых неожиданных проявлениях, временах и странах.

В России вышло в свет переводное издание книги Франка Коуэла, специалиста по Древнему Риму. В книге есть два эпизода, интересных для данного исследования.

Римская публика развлекалась гладиаторскими боями военнопленных, рабов, среди которых и фракийцы с трезубцами и сетями. В художественном американском кинофильме «Спартак» на арене с трезубцем и сетью сражается могучий негр. И так вполне могло быть. Вопрос в другом: чьё оружие использовали гладиаторы с трезубцем и сетью? В переводе они названы «рыбаками».

Рыбаки так рыбаки. А вот в оригинале – видим – написано: «*ретиарии*» (*retiarii*) (Ф. Коул. «Древний Рим. Быт, религия, культура». М., 2006, стр. 226). И сразу многое проясняется.

Знаем, что Фракия и Ретия на Балканах – славянские, читай – русские государства. Ретии, именно в таком контексте, посвящён труд известного австрийско-немецкого профессора Бидермана («*Slavenreste in Tirol*»). Итак, рыбака с сандовью (волжское название остроги, национального рыболовного орудия) и сетью называли «ретиарий» (читай – «россо-арий»).

Римляне знали древних россов, живших на Дунае-Истре (древнее название «Истр» известно минимум с VIII в. до н. э.) и занимавшихся промышленным рыболовством. Орудие у рыбака-гладиатора, кстати, то же, что и в XXI веке, хоть ныне сандовь считается браконьерской снастью. Но потому и запрещается, что до сего дня имеет хождение...

Отметим, что именно ретийцев, россов называют «ариями». Для римлянина «ретиарий» означает «рыбак», «пленный раб» (с Дуная, из Фракии, из Ретии). А вот россы сохранили для себя приставку «арий», что значит «благородный».

Именно поэтому у росо-ариев рабовладение не получило широкого хождения. А сами они боролись с рабством всегда и повсюду. Знаменитый Спартак, вождь восставших рабов, потрянувших могучий Рим до основания, был фракийцем. О том, что Фракия – страна славяно-россов, убедительно писал А. Д. Чертков. С использованием накопившегося материала можно уверенно говорить о фракийцах как о росо-ариях.

Спартак жил две тысячи лет назад. Но тот же дух свободолюбия толкал россов на борьбу и пять тысячелетий назад, и семьдесят лет назад – во время Второй мировой войны, когда партизанские отряды в Польше, Чехии, Франции, Италии включали и русских бойцов.

МИФОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РОССО-АРИЕВ

Как жили люди, создавшие основу мировой мифологии и поименовавшие сотни культовых рек и множество гор и урочищ? Чем росо-арии занимались кроме рыболовства?

Начнём с *Нави*, мира мёртвых. Арии Волго-Уральского региона первыми начали возводить курганы для мёртвых. Вся территория России покрыта курганами. Много их и на славянских землях Европы. Только в Восточной Словакии открыто более трёхсот курганов. В лесостепях Восточной Европы и Сибири курганы появились за несколько тысячелетий до н. э. В большинстве курганов можно увидеть золу, следы костров и посыпанную охру, что подтверждает, что строители курганов были приверженцами солнцегогнепоклонников.

Явь – мир живых – имел достаточно обустроенный быт задолго до нашей эры. Крупнейший славист XIX века профессор Е. Классен писал: *«Зная, что Руссов называли Скифами, Троянами и Славянами, мы переносим на первых, т. е. на Руссов, все те отличительные черты, которые засвидетельствованы порознь за всеми тремя относительными их названиями историками фригийскими, греческими, римскими и немецкими, и из сего сгруппирования свойств и развития одного и того же народа оказывается, что просвещение древних Руссов и старшие, и выше греческого. Мы приведём здесь только некоторые факты, к этому предмету относящиеся:*

Геродот говорит, что умнейшие люди, которых он знал, были Скифы.

Страбон защищает Скифов, говоря, что если они приняли что-либо дурное в свой обычай, то заимствовали это у Греков и Римлян.

Дит и Дарет говорят, что Руссам Троянским известны были музыка, живопись, механика, комедия и трагедия.

Римский посланник к Аттиле говорит, что Скифы (Унны) – самый правдивый народ, и лжи не терпят.

Адам Бременский утверждает, что Скифам известен греческий огонь, называемый у них вулканоным горшком.

Все историки единогласно подтверждают, что Скифы – лучшие воины, а Свидас свидетельствует, что они издревле употребляли знамёна в войсках, чем доказывается регулярность в их ополчениях (...)

Промышленность Скифов также опережала таковую же у всех прочих народов; ибо известно, что Скифы изобрели сталь, огниво, нелиночии краски, выделку кож сыромятных и юфти; им известно было бальзамирование трупов, что они и исполнили над трупами царей своих; им же принадлежат и первые горные работы, и разные другие открытия и изобретения (...)

Скифские письмена, сохранившиеся в некоторых скандинавских и всех поморских рунах, а также и по левому берегу Енисея, повыше Саянского отрога, свидетельствуют, что служили образцом для древних греческих письмен, равно для Кельтских и Готфских алфавитов.

Скифы верили в бессмертие души и в будущую загробную жизнь, а равно и в наказания загробные. Их определение и идея о Творце вселенной не сделает стыда и христианам.

Но всё приведённое нами составляет только отрывки из разбитой по разным сказаниям истории развития и просвещения Скифов; главные их аргументы, без сомнения, утрачены все во время политических волнений на востоке, пожиравших и истреблявших всё огнём и мечом, и Греки только потому так выдались вперёд, на первый план народов просвещённых, что известия о них более сохранились» (Егор Классен. «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Руссов до рюриковского времени в особенности с лёгким очерком истории Руссов до Рождества Христова», 1854 год.)

Наука XX и XXI вв. считает, что в местах нынешнего (и древнейшего) поселения славян медь начали выплавлять раньше, чем в Египте, раньше, чем в Греции.

Образцы древней металлургии есть и на территории Самарской области, около села Михайло-Овсянка (Пестравский район). Археологи во главе с Ю. И. Колевым обнаружили в степи не только литейные формы, но и относительно глубокие шахты, где древние металлурги добывали медную руду.

Обыватель иногда представляет людей каменного века существами в звериных шкурах, которые нечленораздельно мычат и едят полусырое мясо. Отнюдь. Тогда существовали высокая культура, образцы прорывных технологий, включая металлургию, образцы высокого ювелирного, художественного творчества. Именно эти поколения, люди каменного века, создали основу богатейшего русского языка, основу мировой мифологии и базовые положения, которые вошли в состав ведущих религий мира. Это мы увидим и по гидронимам священных рек – в их именах заложена целая философия.

Люди каменного века научились плавить медь, но наряду с редкими, дорогими изделиями из меди ещё долго использовали каменные топоры и каменные ножи, что становится очевидным благодаря многочисленным археологическим раскопкам и опубликованным отчётам. Однако эти люди имели хорошо налаженные торгово-транспортные связи с регионами, отстоящими на сотни и тысячи километров. А для этого тоже нужны знание окружающего мира и устойчивые связи среди общин русского народа, рассеянного на огромных территориях Евразии.

Саратовские археологи древним поселениям на Волге дали условные названия: «самарская» и «хвалынская» культура.

В действительности имеем одну культуру – русскую. В этом вполне можно убедиться, рассмотрев топонимику Карпат и Закарпатья. Даже «забыв» о Дунае (Истре), о гето-даках, которые тут жили с каменного века, забыв о русинах, посмотрим на местные топонимы, например, в Потисье. Река Тиса (левый приток Дуная) имеет притоки: Иза, Тересва, Теревля, Боржава, Бодрог, Красна, Самош, Тур, Ботар – их названия соответствуют русскому языку.

И обряд захоронения в Потисье такой же, как на Волге: *«В эпоху неолита (5000–1900 лет до н. э. – Прим. Бажанова) стали хоронить умерших в скрюченном положении, иногда их посыпали охрой, а возле них помещали горшки с пищей и личные вещи. Уже в позднем неолите и энеолите появляется обряд трупосожжения».* («Древняя история Верхнего Потисья», 1991. Львов, стр. 33).

Интересно, что такой же способ захоронения пепла в урнах, как на Сомоторской горе и в Италии – у этрусков в конце II тысячелетия до н. э.; такие захоронения найдены на острове Рюген, в Арконе (Германия), где жили росо-сербы, которых ещё называли вендами и пруссами.

И этруски, и пруссы, видимо, имели свои общинные особенности, но в имени своём имели вполне чёткую национальную самоидентификацию. То же видим по топонимам не только на территории Греции, Болгарии, Сербии, Чехии, Словакии, но и в Венгрии – земле, захваченной мадьярами (венграми) у славян в IX веке, где уже тысячу лет нет

русских, но осталось много топонимов с корнем «рос», «рус». И топонимы эти датируются минимум двумя-тремя тысячелетиями до н. э.

Захоронения на Оке соответствуют канонам росс-ариев – солнцеогнепоклонников. Могильные ямы посыпались красной охрой; на глиняных сосудах изображены «зигзаги», а по сути, громовницы; рукоятки бронзовых ножей украшены изображением коней (в ювелирном исполнении), тут и традиционный кривой нож, среди предметов и «копье с боковым ушком на втулке». Но это не копье, а рогатина, русское национальное охотничье оружие. Ушко на втулке – для верёвки с палочкой, чтобы рогатина не пробил медведя насквозь.

Кто жил за две-три тысячи лет до н. э. на Оке, становится понятным не только по бытовым предметам, захоронениям, торговым связям, но и по гидронимам. А гидронимы в Волго-Уральском регионе ведические и соответствуют высочайшему уровню культуры, в том числе и культовым традициям. Для территории поселения росс-ариев характерно кустовое расположение культовых гидронимов и топонимов.

Культовые реки с русскими именами есть и в бассейне Оки, и в бассейне Камы, и в бассейне Самары, и в бассейне Яика, и в бассейне Дона, и в бассейне Днепра, и в бассейне Дуная, и в бассейнах многих других рек. И именам этим минимум шестое тысячелетие. Это отражает и значимость вед, и величие русского народа, и древность истории России.

Не только индийская и иранская мифология и география пропитаны русской культурой, историей и мифологией. То же мы можем сказать и об истоках египетской мифологии и топонимики. Здесь, как в Индии и в Иране, русские волхвы и их учение со временем ассимилировались, потеряли часть своей самобытности. Но посмотрим на ключевые образы и топонимы Египта.

Древнее название Египта – Ками (*Г. Бейли. «Потерянный язык символов». М., 1996, стр. 299*). На древнееврейском Khama – солнце. Кама – одна из богинь и в Индии.

Однако река Кама течёт на севере России и является притоком священной реки Раса (Волга).

Самая главная река Египта в древности звалась Ра. И тут переключка с рекой Раса–Рось–Волга. Но если в Индии, Иране, Египте это проходящий, прошедший образ, то в России многие из древних словообразов сохранились, потому что являются не привнесёнными словами, а частью живого, природного языка.

Ближневосточный Иерусалим в старину звали Ерос, Еросалим – вряд ли случайно. Ярос есть соединение Яро (имени бога солнца) и рос (с).

Главное божество Древнего Египта звали Птах. Птица Духа Птах (Pтах) снесла яйцо – Солнце.

Есть ли у египтян в современном языке данное слово – не знаю, вряд ли. А вот в русском языке «птах», «птаха», «пташка» – так обозначали птицу в древности, так и осталось в живой разговорной речи. В Египте бога солнца изображали в виде сокола. Но только в русском языке соловей и сокол содержат в своём имени «образ солнца» и являются зооморфными символами солнца и символами солнечного культа.

Чужое слово в силу того или иного обстоятельства может закрепиться в ином языке, но не будет для аборигенов иметь глубокого смысла. Даже при внешней схожести в ведических словах заложено много смысла. «Соловей» – «солнце веет, солнечный голос разносится». «Сокол» – со (лице), кол (о) – «птах, летающий около (коло) солнца».

Крупный английский учёный начала XX века Г. Бейли, пишет так: *«Гигантский бык, которому поклонялись древние народы, жившие в Европе, назывался у римлян словом «урус», «свет Огня» (Г. Бейли. «Потерянный язык символов», стр. 276).*

Для специалистов здесь важны не только корень «рус», но и чёткое понимание, что словом «урус» многие, особенно восточные народы, называли русских. И словосочетание «свет Огня» только определяет само слово «рос» («рус») как «красный» и в очередной раз

объясняет, почему в Западной Европе русских звали венды, то есть знатоки вед, создатели вед, создатели ведических традиций и богослужений.

Люди, поименовавшие реки от Сибири до Балкан, научились плавить медь раньше, чем в Египте и в Греции. Они же научились плавить бронзу раньше, чем в других регионах, на несколько столетий, а то и на тысячелетие.

Здесь, в лесостепях Средней Волги и Южного Урала, впервые изобретено колесо, причём колесо облегчённое, со спицами; изобретена колесница, в которую впрягались кони, – революционные технологии, изменившие и торговлю, и военное дело.

Колесницы, детали колесниц, отпечатки колеса в грунте археологи находят и в Поволжье, и на Урале. Описание колесниц ариев есть в «Ригведе». Кузов колесницы мог быть и плетёный, и дощатый. Деревянное колесо по ободу обивалось полосой железа (такие колёса дожили до XX века, в глухих деревнях их и сейчас можно увидеть).

Сосуд с изображением колесницы найден в кургане у реки Сухая Саратовка. Выскажу предположение, что имя «Саратовка» столь же древнее, как и сосуд из кургана.

В глубокой древности россы пользовались не только колесницами, но и санями. Сани – это не волокуша, а весьма удобное средство для передвижения зимой по снегу, по замёрзшим руслам рек. И сани в Волго-Уральском регионе известны задолго до нашей эры, что подтверждено археологическими находками. В 1923–1928 гг. близ г. Нижний Тагил на месте стоянки «Горбуновский торфяник» эпохи неолита и бронзы (III–II тыс. до н. э.) найдены идолы, деревянные вёсла, свайные постройки и обломки саней (**БСЭ**).

Благодаря колесницам и саням россы освоили гигантские территории по всей Евразии.

Неторопливые *«викинги появились на Скандинавском полуострове в конце VIII–середине IX века» («Боги викингов», стр. 7)*. Россо-ариев задолго до нашей эры можно было встретить от острова, где ныне Англия, – и до Индии. И следы их там видны и ныне. Способствовало этому открытие металлургии, появление колесниц, саней, ладей.

Избы россы строили срубовые и два, и три, и пять тысячелетий назад. Своеобразное деревянное зодчество не знает аналогов в мире. Люди, умевшие «побриться» топором, и терема строили на загляденье. Подтверждение тому дают и археологи, проводившие раскопки на реке Десна (20 километров южнее Брянска). Здесь открыты *«длинные дама полужуицкого городища IV–II вв. до н. э.» (сборник статей «Древняя Русь и славяне». А. К. Амброз, ст. «Некоторые вопросы заселения...», стр. 33)*. Строительные технологии деревянного зодчества в основе не менялись тысячелетиями, как былины, песни и гидронимы.

Древние россы очень рано начали выпускать монеты. *«В конце III–II вв. до н. э. в регионе (Потисье. – Прим. Бажанова) появляются монеты гето-дакской чеканки» («Древняя история Верхнего Потисья», Львов, 1991, стр. 92)*. Гето-даки – фрако-россы, поклонявшиеся Роду и Перуну, солнцу и луне, солуну.

В Смоленской губернии, под Рославлем, в курганах находили монеты в виде треугольника, или *«новолуния», «исчерченные непонятными знаками» («Памятная книжка Смоленской губернии», 1858, ч. 2, стр. 122)*.

Религиозные устремления древних россов на рубеже нашей эры и за три тысячелетия до н. э. можно определить как поклонение «солуну» (солнцу и луне). В российских музеях множество подвесок, которые учёные называют лунницами. Такие лунницы на Руси носили с незапамятных времён и до средних веков, и даже позднее. Подвески выполнялись в виде месяца, внутри них солярные знаки, солнце в форме круга, креста или того и другого одновременно.

Поклонение солуну видно и в почитании рода на Красную горку, когда крашеные, красные куриные и гусиные яйца катали с родительских могил в выкопанную лунку (луну). Соединение солнца и луны означало встречу Яви и Нави, Солнца и Луны, живых и покойных, верность роду и традициям рода. После этого гости, пришедшие на погост, раскладывали на могилах угощение и священные напитки.

Древнейший обычай сохранился и до наших дней по всей России. Правда, уже редко катают крашенные яйца. Практически повсеместно забыли, что означает сей обряд, но чувствуют связь с предками, его теплоту.

Известны находки каменных изваяний солони и солнца. В той же Смоленской губернии, в 45 верстах от Рославля (у деревни Болваны), есть *«грубое изваяние, смутно напоминающее крест либо фигуру человека»*. (С. Ракочевский. *«Опыт собрания исторических записок о городе Рославль»*, 1885, стр. 11). Изваяние углублено в землю на 21 дюйм, над землёй возвышается на 30 дюймов. Но это солунь, а не «болван». Символ солнца солнцепоклонников росо-ариев находится в центре окружности, *«образовавшейся из разбросанных разной величины камней»*.

Камни вокруг культовых мест и могил не разбрасывали, а выкладывали в виде «коло», круга – символа солнца. Вокруг каменного изваяния солнца под Рославлем был выложен круг-солнце из отдельных камней.

Грандиозные сооружения, построенные росоами, выделяются в разных местах. На острове Рюген высота вала достигала 27 метров. Под Рославлем известны валы крепости высотой «до 10 сажен».

АРИИ (РОССО-АРИИ)

За три тысячи лет до нашей эры древние росоы накопили значительную сумму знаний в области металлургии, зодчества, строительства колесниц и повозок, имели развитую мифологию и устоявшийся взгляд на земное мироустройство и космос.

Русский язык – это язык вед, язык богословов и богослужителей. В этом языке сокрыты глубины древнейшей мифологии, мировосприятие Древнего мира как космоса.

Даже не имея перед собой глиняных табличек, благодаря лишь языку мы можем войти в мир ариев.

Слово «арий» («арья») культовое, оно образовано наложением двух слов. «Арий» – наложение слов «арко» и «рий». «Ар» – «солнце» («арко») и «рий» – «рай». То есть арий – человек солнечного рая, человек космоса. Вполне оправданно, что река Арий впадает в реку Ирень (Ирень – «ирий» – «рай») и несёт свои воды в Каму и Расу (Волгу).

Древние гидронимы России не простой набор звуков, не хаос – но космос. В ИМЕНАХ РЕК ВЕДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОПЛОЩЕНА БОЖЕСТВЕННАЯ ЭНЕРГИЯ. И у этой энергии русские языковые формы.

В словаре А. В. Суперанской видим ещё два интересных слова: «арий» с пометкой «др.-церк.»: *«арей» из греческого «арейос» – посвящённый Арею, богу войны; Арей было также эпитетом Зевса»*.

«Арий» – имя, заимствованное греками у венедо-россов, у язычников, но никак не церковное. Известны священник с таким именем и христианское течение – арианство (IV век), названное по имени основоположника.

Зевса греки сравнивали с воинственными ариями. И немудрено. В Греции коренные жители росо-арии, которые оставили тут множество русских топонимов, гидронимов и потомков в Аркадии.

Распространённость имени «Арий» и его культовость у древних росоов отражены в книге Александры Баженовой *«Славян родные имена» (Словарь исторических родокоренных имён славян и руссов за два тысячелетия. М., 2006 г.)*. Труд данный настолько серьёзен и объёмен, что вполне достоин выдвижения на Государственную премию. Прочитываем А. Баженову:

«Арей, Арец, Ариан, Ариастик, Арий, Арман, Арней, Артыбаи, Арук, Арья (Орий) – пахарь, земледелец, оратай. Уп. в 1168 (Арук), киевлянин; XII–XVII вв. (Ариан, Арий, Арей, Арман) в писцовых книгах на Руси Великой; 1616 (Арец), рязанский помещик».

«Андрогаст, Андрогаст, Андрогост (у визант. писателей – Ардагаст, Ардогост) – он друг дорогой. Уп. В 584–593 в «Истории» Феофилакта Симокатты, славянин или ант,

его страна расположена на левом берегу Дуная, против Доростола, предводитель объединённых племён славян во Фракии, воевал с ромеями. Вступил в битву с греческим полководцем Коментиолом у Адрианополя и потерпел поражение. В 593 на Ардагаста напали войска греческого полководца Прииска, захватив врасплох спящим, и разбили славян, разграбив страну, подвластную Ардагасту. Имя встречается в древнеболгарском, старочешском и старопольском языках».

«Арбуи – жреци, знахарь от древнерус. «арбовати» – «отправлять языческое богослужение» (Фасмер, I, 84). Уп. в 1534 в Новгороде (у Срезневского)».

ПРЕДАННОСТЬ СВЯЩЕННЫМ РЕКАМ

Примерно во II тысячелетии до н. э. часть росо-ариев из Волго-Уральского региона двинулась на юг, часть – на запад. Что послужило тому причиной, неизвестно. Возможно, нашествие врагов, или природные знаки, принятые за указания богов, или эпидемия прежде неизлечимых болезней (чума, оспа), или что-то ещё.

Английский индолог А. Бэшем (*«Чудо, которым была Индия». М., 1977*) изучал великое переселение. Бэшем писал: *«Высокие, довольно светлокотые люди... Они приручали лошадей и впрягали их в повозки на колёсах со спицами». «Они принесли с собой... почитание небесных божеств, умение пользоваться конными колесницами».*

Полагаю, что большая часть росо-ариев вернулась на родные просторы Поволжья. Частью росо-арии ассимилировались среди местных народов, оставив им ведическую веру, часть традиций.

На территории России они проживали повсеместно. Благодаря этому значительное число гидронимов уцелело. Вера и промыслы, требующие дальних походов (звероловство, рыболовство, бортничество), устройство зимниц в глухих урочищах тому способствовали.

Приверженность россов родным рекам и умение вести партизанскую войну общеизвестны. Достаточно привести один пример.

Орда чингизидов в XIII веке огнём и мечом прошла по Китаю, Средней Азии, Ирану, Закавказью и Кавказу, вплоть до Египта и Центральной Европы. Сожгли и Русь. Русские князья платили дань ханам Золотой Орды.

Однако на самом пике расцвета могущественной империи монголов в Диком Поле хозяйничали русские воинские братства. Золотая Орда могла передвигаться по Дикому Полю только очень крупными воинскими соединениями, да и то зачастую не без потерь.

В Саратовском Поволжье, на Волге, возведён по тем временам огромный город Увек (Укек). Напротив Увека находятся укрепленные районы. Арабский путешественник Ибн Батута в 1334 году посетил золотоордынский Увек и оставил следующую запись: *«На один день пути от этого города находятся горы русских; последние христиане, рыжие, голубоглазые, безобразной наружности, народ плутовской».*

В наше время в «укрепленном районе» со рвами и валами археологи нашли монеты чеканки 761 г. и 1223 г., а ещё оружие: кинжалы, пики, бердыши, кольчуги...

То же обнаружил ваш автор совместно с самарским краеведом А. Грозовым в Сокольных горах в черте Самары.

Эти данные подтверждают, что носители русского языка, хранители гидронимов в Поволжье и на Урале, жили даже в годы самых жестоких испытаний и опустошений. Оттого и сохранились древнерусская топонимия и гидронимы в Поволжско-Уральском регионе. Россы сохранили и свои рыболовные промыслы, и пашню, и предания глубокой старины, и имена обожествляемых рек. Это ценнейшие памятники. Имена ведических рек – ключ к воротам Древнего мира, его культуре и тайнам.

Игорь ДРЁМОВ

Игорь Иванович Дрёмов родился в 1957 году. Археолог ГАУК и НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области, кандидат исторических наук. Живёт в Саратове.

ЗАГАДКИ «ПЕРВОГО» САРАТОВА

Место основания «первого» Саратова и происхождение его названия до настоящего времени остаются дискуссионными вопросами. Проблема возникла из-за отсутствия документов, сгоревших в 1701 году во время пожара Казанского дворца в Москве вместе с архивом приказа, ведавшего делами Поволжья.

1

На один из вопросов – о дате основания города – есть вполне определённый ответ.

В Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) имеются сведения от 1891 года о письме библиофила Н. П. Никифорова, мещанина города Горбатова Нижегородской губернии, что в его собственном собрании старинных книг находится Евангелие с записью попа Дениса Иванова: *«Лета 7098 (1590 год. – И. Д.) года месяца июля во 2 день на память положения пояса Пречистыя Богородицы (12 июля. – И. Д.) приехал князь Григорий Осипович Засекин да Фёдор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити»*.

Это Евангелие экспонировалось на выставке Саратовской учёной архивной комиссии. Владелец книги предлагал её купить, но в то время у комиссии не было денег и имелись сомнения в подлинности записи. Члены комиссии сняли с неё копию на кальке, которая находится в спецхране ГАСО в архиве СУАК (Саратовской учёной архивной комиссии (фонд 407). В дальнейшем книга бесследно исчезла, но этой дате нашлись другие подтверждения: запись в разрядной книге о назначении головой на «Саратове-острове» Фёдора Турова в 1590 году и строка в летописи: *«...а в 98 году (1590 год.– И. Д.) поставлен город Саратов»*. Поэтому подлинность записи на Евангелии и дата основания Саратова не вызывают сомнений, тем более что дополнительной информации нет. Как, например, понимать слово *«приехал»*: на пустое место или в этом районе уже была застава, где князя с боярином ждали для закладки города и констатировали их прибытие?

О месте основания Саратова существует несколько версий, которые имеют своих сторонников. Приверженцы «правобережной» гипотезы помещали «первый» Саратов на Увеке, в районе Пристанного или несколько южнее, в устье реки Гусёлка. Подтверждает правобережное расположение «первого» Саратова и карта Г. Герритса (1614 год), на которой город нанесён на правом берегу. В то же время сторонники левобережного основания города, опираясь на описания в «Книге Большому Чертежу» (КБЧ), размещали его в устье реки Саратовка, в районе села Шумейка или напротив Увека, в Анисовке.

Ещё бытовало мнение, что «первый» Саратов находился на острове. Основанием для этого служили словосочетания в ранних документах: «на Саратове-острове».

Чтобы не гадать, необходимо проанализировать имеющиеся сведения. На левом берегу, в устье реки Саратовка, сохранялись следы левобережного «старого» Саратова до XX века. Потом часть его территории была смыта Волгой, часть застроена дачами, но само местоположение известно. Однако на Саратовке город был построен только после пожара

1613 года, о чём свидетельствуют документы. До этого он находился в десяти верстах от этого места, что следует из «Памяти стрельцким головам» 1614 года, в которой стрельцов упрекают в том, что, проехав от Самары до Саратова на лёгких стругах за четыре дня, они *«заезжали есте на Саратовское городище, и копали ямы, и искали поклажеев, а от городища заезжали к Саратову близко десять вёрст, и прислали колокола...»*

Ещё А. А. Гераклитов в 1914 году отмечал, что стрельцы не возвращались на городище, а заезжали по ходу движения. Значит, о локализации «первого» Саратова в районе Увека, например, речи идти не может: от Увека стрельцам пришлось бы возвращаться к Саратовке за двадцать километров. Такой манёвр отнял бы у них ещё полдня, что они не могли себе позволить, так как Заруцкий мог уйти: разбойники были окружены астраханскими стрельцами, и требовалась срочная подмога для ликвидации банды. Письмо стрельцам было послано с территории Саратова, где назначено место сбора основных сил. Это место в другом документе названо *«саратовским пепелищем»*, следовательно, в данном случае это синонимы, так как бывшее поселение со следами укреплений и есть городище.

Ранее считалось, что левобережный Саратов появился лишь в 1617 году. А. Браташова подтвердила эту аргументацию тем, что в 1614 и 1615 годах налоги с рыбных промыслов близ Саратова принимали не в Саратове, а в Самаре (Браташова. С. 63). Однако в Саратове не собирали налоги и в другие годы. Я. Н. Рабинович отметил, что в документах Саратов упоминается в мае 1616 года. (Рабинович. С. 20–21). Протоиерей М. П. Беликов сделал справедливый вывод, что Саратов был построен уже в 1615 году, так как в мае мог только идти сплав заготовленных конструкций, а требовалось ещё время на сборку строений (Беликов. С. 35). М. П. Беликов указал мне на ещё один документ, свидетельствующий, что в 1614 году Саратов как административная единица с воеводой во главе не прекращал существовать. Зимой 1613 года к ногайскому князю Иштереку было направлено посольство Кондырева. Он искал ногаев на Волге, но в 1614 году узнал от воевод Царицына и **Саратова**, что ногайские князья ушли на Каму (Е. В. Кусаинова. С. 149).

В 1614 году было выбрано место нового расположения города – в устье Саратовки – и проведены подготовительные работы. Города рубились выше по Волге, где имелось достаточно строительного леса и было налажено производство заготовок. На это уходил год подготовительных работ. Затем в половодье заготовки спускались по реке и после этого в течение нескольких месяцев собирались на месте. Следовательно, левобережный Саратов был построен в 1615 году, а в 1616 году уже функционировал как крепость. Остаётся выяснить два вопроса: где он находился до этого и что означает название города.

Территория Увека на правом берегу Волги не может считаться местом расположения первоначального Саратова, так как, по свидетельству многочисленных источников, этот район исторически сохраняет своё название до настоящего времени. Незадолго до строительства Саратова в 1586 году ногайский князь Урус упрекал Фёдора Иоанновича: *«Ты на четырёх местах хочешь города ставить: на Уфе, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой Воложке»*. Также Увек упоминается у Христофора Бэрроу, который проезжал мимо города в 1579 году; и у Томаса Дженкинсона, который видел его в 1552 году. Уже из названия нашего города следует, что для строительства Саратова был выбран не Увек! При этом несостоятельны доводы, что другое имя было дано городу, чтобы избежать татарского наследия: ведь основа названия «Саратов» тоже нерусская.

У «левобережников» единственным аргументом является «Книга Большому Чертежу», в которой, в отличие от карты Г. Герритса, Саратов упоминается дважды на левом берегу, причём один раз напротив Увека. Для некоторых исследователей этот документ является определяющим, так как здесь содержится наиболее подробная и официальная информация. Однако всё не так просто.

Европейские карты, на которых Саратов обозначен на правом берегу, датированы непосредственно временем существования «первого» Саратова и созданы на основе

русских карт. Карта Герритса имеет указание, что она заимствована из «*собственноручного чертежа, который старательно выполнен Фёдором, сыном царя Бориса*». Фёдор же имел для этого и «Большой Чертёж», и другие карты отдельных территорий до 1600 года, и дорожные росписи. В отличие от них, «Книга Большому Чертежу» была составлена в 1627 году. Как следует из предисловия к КБЧ, автору было поручено, во-первых, перерисовать обветшавший «старый чертёж», во-вторых, сделать «новый чертёж полю до Перекопу» и, в-третьих, составить на основе этих чертежей описание – «Книгу Большому Чертежу». Составленное автором КБЧ описание имеет форму типичных для того времени «дорожников», или путевых «росписей». Это наводит на мысль, что при составлении КБЧ он пользовался не только «старым большим» и «новым чертежом поля», но также и письменными источниками, хранившимися в том разрядном приказе, где работал над «Книгой». Хотя в основном излагаются сведения, которые можно получить с карты, местами текст содержит такую подробную информацию, которая не могла быть получена непосредственно из неё. Например, описывается застава из Можайска «*на Протве в острожку*», на которой досматривали товары у купцов и проверяли «*проезжих грамот и воеводских печатей*» (КБЧ, С. 121). В другом месте: «*...а в тот брод лезли татаровя, как в 79 году (1571 год. – И. Д.) шёл крымчский царь под Москву*», а в Москве тогда был большой пожар (КБЧ, С. 115). Приводит автор и новые сведения, отсутствующие в «старом Чертеже»: «*А на той дороге ныне деревни Рыльского Уезду*» (КБЧ, С. 114); «*на реке Остря на устье был город Литовский Остр, а ныне снесён*» (КБЧ, С. 108).

Я привожу эти цитаты, чтобы наглядно показать, что автор «Книги Большому Чертежу» не буквально переносил сведения из старого чертежа, а подходил творчески. В одном случае инновация отмечена автором в тексте: «*А на усть Вязовке, с Крымской стороны поставлен город новой Донков, перенесён с старого места 20 вёрст*» (КБЧ, С. 78).

Исследователи выделяли в этом сочинении и другие новые объекты, которых не могло быть на старом чертеже, хотя автор КБЧ не оговаривает этого обстоятельства. Описание составлялось им уже по новой вычерченной карте, и лишь в затруднительных случаях он обращался к старому чертежу. Это видно из таких замечаний, как: «*от Конских вод до Перекопи, вёрст со 100 и больше по старому чертежу...*» (КБЧ, С. 64); «*...в старом чертеже испорчено и ветхо*», поэтому надпись не читается (КБЧ, С. 113)».

Описание левобережного Саратова в «Книге Большому Чертежу» говорит лишь о том, что при её составлении автор нанёс его на карту на левом берегу, где он и действительно в это время находился. По описанию – это устье Саратовки, а на основании каких источников – неизвестно.

О Саратове говорится в двух местах: в описании Дона и его бассейна и в описании Волги. В первом случае сказано: «*А Увеша пала в Волгу против города Саратова, выше городища Увешина...*» (КБЧ, С. 85). Эти слова надо понимать не буквально, а в значении противоположного берега, так как во втором случае – в описании Волги – автор даёт детали, соответствующие левобережному Саратову. Второе описание более подробно, указываются расстояния: «*А ниже Карамана реки 40 вёрст на Волге город Саратов; под Саратовом пала речка из озера, а другая пала из поля. А с нагорной стороны выше Саратова пала река Таубалык, а на Волге реке против Саратова остров. А ниже того острова с нагорной стороны пала в Волгу река Увеша; а ниже её городище Увешинское*» (КБЧ, С. 143).

Эти данные «Книги Большому Чертежу», по мнению архитектора и краеведа Б. Н. Донецкого, указывают на расположение «первого» Саратова напротив Увека, в Анисовке, и в устье Глебучева оврага в современном Саратове (Донецкий, С. 42–48). В Анисовке впадает в Волгу подтопленный Волгой овраг Вихляный протяжённостью шесть-восемь километров. Эту территорию неоднократно обследовали, так как некоторые археологи жили или живут недалеко. Например, археолог А. А. Хреков и его коллега

И. А. Украинский на нём ни русских, ни золотоордынских артефактов не находили. Также проживающие в Анисовке археологи О. В. Сергеева и Д. Г. Баринев не обнаружили здесь соответствующих находок. Я осматривал здесь береговые «обнажения» и котлован строящегося дома на самом мысу Волги и подтопленное устье оврага. Кроме поверхностного современного бытового и строительного мусора, нет даже намёка на культурный слой. На удобном для поселения мысу старого города нет, а пойма низкая, заболоченная, изрезанная бесчисленными протоками, без высоких островов, на которых можно было разместить город. Утверждение Б. Н. Донецкого, что впадающий здесь овраг Вихляный ранее назывался рекой Саратовка, бездоказательно.

Не подтверждается и мнение Б. Н. Донецкого, что Саратов мог находиться на Глебучевом (в прошлом – Воровском) овраге, который якобы ранее был рекой Таибалык. При описании донской системы говорится, что река Медведица *«вытекла двумя протоки от Таибалык реки»*. В этом описании можно отождествить Таибалык с рекой Чардым, так как истоки Медведицы и Чардыма начинаются на одном водоразделе. С. А. Браташова считает, что Таибалык – это Терешка, поскольку при описании истоков некоторых притоков, Суры и Хопра, в КБЧ говорится, что отсюда *«потекла река Табалык прямо в Волгу»* (Браташова. С. 93). В действительности Терешка течёт параллельно Волге, а Чардым – по направлению к Волге.

Но Чардым и Терешка тоже не Таибалык, так как они имели свои названия ещё до составления КБЧ. Воеводы Григорий Засекин и Иван Нащёкин в 1589 году (за год до основания Саратова) из Змеёвых гор (напротив Вольска) посылали стрельцов для поимки *«воровских казаков по речкам, в Чардым, и в Курдюм, и Керешку (Терешку)»*.

На роль реки Таибалык претендует река Карабулак, которая начинается в пяти километрах от истоков Медведицы и впадает в Терешку близ её устья, а Табалык – это Избалык, который впадает в Терешку в её верховьях. Истоки Избалыка находятся рядом с верховьями других рек Донского бассейна, указанных в КБЧ. Между истоками Елань-Кадады (Ланкадада – в КБЧ) и Избалыком (Табалык – в КБЧ) шесть километров.

Я консультировался со специалистами по тюркской топонимике и выяснил, что аналогов гидронимам Таибалык и Табалык нет. Нет и версий этимологии этих названий. Очевидно искажение первоначального звучания. Из этого мы видим, что части карты между Самарой и Саратовом настолько *«испортились и ветхи»*, что автор КБЧ не смог правильно прочитать надписи. От Терешки, Чардыма и Карамана остались лишь участки их западных притоков с плохо читаемыми надписями, из которых автор КБЧ создал одну несуществующую реку Таибалык, впадающую в Волгу. Она впоследствии кочевала по европейским картам и оказывалась то выше, то ниже Саратова – на месте реальных правых притоков Волги. Не просматривался на этом участке и правобережный Саратов. Поэтому, за неимением точки отсчёта, автор КБЧ вёл счёт ниже Саратова не от города, а от Увека. На исходном Большом Чертеже более-менее сохранился участок Волго-Донского междуречья, а на правом берегу Волги автор КБЧ отметил лишь череду гор. Поэтому и расстояния ошибочны, и Саратов помещается то напротив Увека, то выше него.

Здесь свою роль сыграл человеческий фактор. Вероятно, права исследователь и автор самого авторитетного издания КБЧ К. Н. Сербина, считавшая, что КБЧ выполнял коллектив, так как стиль описания разных рек различается. По документам установлено, что автором КБЧ является Афанасий Мезенцев, с которым велись финансовые расчёты. Он мог возглавлять эту артель художников, но руку к написанию КБЧ приложили несколько составителей. Видно, что Донская система описана с указанием внесённых инноваций, а описание Волги представляет собой простой перечень расстояний. В итоге – разночтения в документе.

В результате неясности в КБЧ позволяют до сих пор сторонникам «левобережной» версии фантазировать на тему расположения «первого» Саратова, а названия «река Таибалык» и «Глебучев овраг» используются на краеведческих сайтах, а иногда и в географических исследованиях как синонимы.

Сопоставляя расстояния, указанные в «Книге Большому Чертежу», можно убедиться, что неточности в них составляют до 20 процентов от километровой версты. В дальнейшем переписчики заметили этот сбой.

Объясним и другой сбой – возможная путаница с Малым и Большим Иргизами. От Самары до Сызрани и далее до Малого Иргиза указано примерно правильное суммарное расстояние, но если предположить, что измерялось расстояние до Большого Иргиза, появляется ошибка в 50 километров. Зато от Большого Иргиза до Карамана – 30 вёрст вместо 75 километров. Между Иргизами – 50 километров, которые и составили неувязку – недостающие 50 вёрст. Её невозможно объяснить только длиной версты, так как ошибка в 2,5 раза.

Причиной ошибок могло быть несовершенство карт того времени, а на участке с Саратовом – дефекты на карте. Иногда видно, что автор КБЧ сопоставляет разные источники и сомневается, какому верить. Например: «*А от Курска положено до Кром 120 вёрст, а по иным верстам гадая, ино вёрст со 100 от Курска до Кром*» (КБЧ. С. 114). Расстояние между Курском и Кромами напрямую – 109 километров. У Федота Котова (1623 год) и Адама Олеария (1636 год) расстояние между Самарой и Саратовом 350–360 вёрст, фактически 350 километров. Немец А. Олеарий в своём описании вынужден был использовать и мили, и вёрсты, т. к. пользовался русскими дорожниками. Он указал, что от Москвы до деревни Клин 90 вёрст, или 18 миль, то есть в его милях было 5 вёрст. Считается, что немецкая миля равна 7 верстам и 7 километрам. В этом случае расстояние от Москвы до Клина должно быть 126 километров. Однако реальное расстояние от Кремля до Клина 88 километров по трассе и 85 километров по прямой. При любых расчётах, при сопоставлении расстояний как самой КБЧ, так и её современниками с новыми картами, верста времён КБЧ оказывается близкой к одному километру.

Тем не менее автор «анисовской» версии вычислил местоположение «первого» Саратова, исходя из убеждения, что в то время использовалась межевая верста – 2,16 километра. Это было ему необходимо, чтобы обосновать 7 вёрст от Курдюма и 10 вёрст от Саратовки. Но привести «анисовскую» версию в соответствие с документом о персидском посольстве можно только с помощью трёхкилометровой версты, каких никогда не существовало. Поэтому и пришлось помещать «второй» Саратов в Глебучевом овраге, а дату появления левобережного Саратова переносить на 1630 год. Иначе бы сосуществовали даже не два, а три Саратова одновременно. Кроме левобережного, он «установил» ещё два «первых» Саратова: в Анисовке (1590–1630 гг.) и на левом берегу Глебучева оврага, который был принят за Таибалык (1590–1613).

Я уже рассматривал его аргументацию, а здесь можно добавить, что в первом случае не учтено важное обстоятельство: в КБЧ при описании Волги указано, что Увек ниже Саратова, а не напротив него, и река Таибалык выше крепости. Тем самым невероятным становится её размещение в устье Глебучева оврага.

Кроме того, очевидно, что два близко расположенных города (то есть укрепленных военных административных центра) на единой территории – это нонсенс: к чему распылять и без того небольшой гарнизон! Но если и возможно было бы такое исключение, эти города носили бы разные названия, ведь основная функция топонимов не в том, чтобы сбивать с толку, а в том, чтобы помогать идентифицировать географические объекты. Возле города могли быть заставы, промысловые поселения, но город – только один. При этом, произвольно размещая города в местах, не имеющих подтверждений ни в археологических, ни в письменных источниках, Б. Н. Донецкий необъяснимым образом не нашёл места для единственных двух пунктов, согласующихся и с письменными источниками, и с археологическими находками – для устья Гусёлки и для Шумейского поселения...

За этим последовали «открытия» «нового» древнего Саратова. Кандидат географических наук С. А. Браташова в 2015 году верно разобралась в известных исторических документах и сделала вывод, что Саратов, основанный Ф. Туровым

и Г. Засекиным, находился в районе Курдюмского займища близ Пристанного. Первые три главы её книги, написанные на документальной основе, во многом согласуются с данными исторической науки, но далее следует утверждение, что до Саратова уже существовал город Саратау, или Сарата, напротив Увека, на золотоордынском Квасниковском городище.

Здесь в основе – та же ошибка, что у Н. Н. Студенцова, определявшем место «первого» Саратова на левом берегу, и Б. Н. Донецкого – в Анисовке. Вслед за ними С. А. Браташова считает, что в XVI–первой половине XVII века использовалась двухкилометровая верста, которая указывает на местоположение Саратова напротив Увека. Так как при этом возникали неразрешимые неувязки в измерении расстояний, понадобился «дополнительный» Саратов, за который она признала город Ф. Турова и Г. Засекина в семи верстах от острова Курдюм. Но он, по её мнению, является лишь производным от древнего Саратау в районе Увека. Однако, как и в случае с Анисовкой, нет ни одного источника, подтверждающего существование двух городов одновременно, да ещё и с одинаковым названием!

Решающим «документом» в конструкции С. А. Браташовой является упоминание Саратау в «Истории Казани» («Казан Тарихы») Мохаммедьяра Бу-Юргана. Это известная историкам фальшивка, разоблачённая ещё до её публикации. Труд приписывается средневековому поэту Мохаммедьяру (1502–1552), жившему в Казани. Якобы кроме двух известных поэм и теософского сочинения назидательного характера он написал вышеупомянутый капитальный исторический трактат, о котором, однако, не упоминает ни один источник и нет ни одного его списка. «Труд» Мохаммедьяра был создан студентом Казанского университета, пытавшимся на его основе защитить дипломную работу, но затея провалилась.

Отметим сразу, что фальшивка полностью противоречит подлинным документам эпохи. «Саратау» не отмечен ни на одной карте XV–XVI веков, начиная от карты Фра Мауро и Пицигани XV века и заканчивая картой Герритса начала XVII века. Поэтому в качестве подтверждения приводятся домыслы, что Саратау – это неопределённый Яйлак с карты Фра Мауро, нанесённый выше Увека, у С. А. Браташовой – напротив Увека, и т. д. Игнорируется факт, что путешественники XVI века отмечали отсутствие какого-либо постоянного жилья между Казанью и Астраханью. Томас Дженкинсон, проплывавший по Волге в 1552 году, писал, что по правому берегу Волги кочуют крымские татары, а по левому – ногайцы, но после страшного голода эти земли обезлюдели. *«Земля, изобилующая пастбищами, остаётся теперь не населённой, к великому удовольствию русских»*. Кроме гор и рек, единственный географический объект, который Дженкинсон отметил, – это Увек: *«28 июня мы проехали высокий холм, на котором некогда крымцы построили крепость, теперь уже разрушившуюся. Этот холм находится на половине пути от Казани до Астрахани»*. Он приводит координаты Увека. Далее в списке местностей на Волге с этими же координатами значится «Oweke» или «Oweake». Также и Христофор Бэрроу, проплывая по Волге в 1569 году, не заметил на её берегах ни одного населённого пункта между Казанью и Астраханью, отметил только развалины Увека: *«Эта местность считается за половину пути между Казанью и Астраханью. На этом месте стоял прекрасный каменный замок по имени Увек, а к нему прилегал город Садам, который, по словам русских, по причине развращённости обитателей вследствие праведного суда Божьего был поглощён землёю с частью цитадели»*.

Эти прямые указания современников на отсутствие долговременных поселений между Астраханью и Казанью С. А. Браташова не учитывает. Для подкрепления новой «концепции» о городе Саратау она приводит транскрипцию написания «Саратов» у немца Г. Тектандера (1603 г.) – «Saratha», на более поздней карте А. Олеария (1636 г.) – «Sarato», и на русской карте 1698 г. С. Ремезова, где Саратов написан «Сарато» со знаком титло над недостающей, не уместившейся буквой «в». По мнению автора, это означает, что до Саратова был город Сарату. Кроме того, на анонимной карте 1750 года на месте Увека показан населённый пункт и имеется надпись: «Ovesenska», на карте Н. Витсена 1687 года

надпись: «Ovesenskaja»; следовательно, по мнению С. А. Браташовой, на Увек до возникновения Саратова была казачья станица Увешенская. Известно, что на реке Увешенке близ золотоордынского города Увек на Ивановском Увеке существовала монастырская слобода. Приведённые данные карт лишь подтверждают общеизвестный факт, но к самому раннему этапу истории города отношения не имеют.

Особенно важным аргументом автор «квасниковской» теории считает рассказ начала XVIII века географа голландца Н. Витсена, который ошибочно назвал Саратовом развалины средневекового Сарая близ Астрахани. Зная средневековые источники и труды географов – своих предшественников, Н. Витсен дал точное и подробное описание Сарая, указал, что его кирпичи использовались при строительстве Астрахани, привёл распространённое средневековое предание, что Сарай был основан Александром Македонским. О традиции приписывать Александру все впечатляющие творения знает и С. А. Браташова. Так, шаг за шагом идёт мифотворчество, в результате которого Саратау и Увек становятся если не античными, то как минимум византийскими городами.

Подобные рассуждения позволили автору дать интерпретацию археологических находок с Квасниковского городища и с Увека. Первое якобы превращается к XVI веку из античного города в «скромный Саратау, а второй – в крупную казачью станицу» (Браташова. С. 80). Подтверждение значительности Увека в конце XVI века она находит в словах атамана Мещеряка, который послал весть «на Волгу, и на Увек, и на Яик».

Следовательно, река Увек поставлена вровень с Яиком и Волгой. Но Саратов и Царицын в 1587 году ещё не построены, местность Увек с Увешенским городищем оставалась лучшим ориентиром для места сбора казаков перед походом на только что возведённую крепость Самару. Этот документ тоже подтверждает отсутствие каких-либо стационарных населённых пунктов между Самарой и Астраханью. Где здесь казачий город Саратау или станица Увешенская? Максимум – временный разбойничий лагерь.

Подтверждением значительной величины казачьей станицы для С. А. Браташовой служат многочисленные безы Inventарные средневековые погребения в разных частях Увека, где наряду с типичными мусульманскими встречаются захоронения, не вполне соответствующие мусульманскому обряду. Подобное известно обо всех без исключения крупных могильниках Золотой Орды. Захоронения не по мусульманскому канону составляют порою значительный процент, т. к. население было смешанным в этническом, культурном и религиозном отношении. Но вывод автора парадоксален: эти погребения «казачьи», так как они оставлены разноэтничным населением! В подтверждение приведён документ 1538 года, в котором мирза приволжской ногайской орды сетует, что на Поле приходят разные казаки – и казанские, и азовские, и крымские, и иные казаки-разбойники, украинские казаки с ними смешиваются и тоже приходят для грабежей, а сделав лихо, разъезжаются по своим землям. Вместо того, чтобы сделать вывод о эпизодических набегах таких ватаг, которые приходили на Волгу не для строительства городов, автор «квасниковской» версии считает эти сведения подтверждением существования большой казачьей станицы на Увек. Цитируется множество известных документов, но автор не задаётся вопросом: почему при их обилии никогда и нигде не упоминались станица Увешенская и город Саратау? На Дону и Днепре, где реально существовали казачьи станицы, о них сообщают многочисленные источники, и они существуют как археологические объекты. Близ Саратова известна станица Караманская, которая просуществовала лишь несколько лет, но попала на страницы документов. Археологическими методами её невозможно обнаружить, т. к. караманский лес ныне затоплен. А о городе Саратау и Увешенской станице, существовавших, по мнению С. А. Браташовой, столетиями, почему-то не осталось ни документальных, ни археологических, ни фольклорных источников. Не решают вопрос и находки нескольких монет XIV–XVII веков с Увека. Нет сомнения, что Увек посещался во все времена, мог служить местом временных становищ. В отличие от него, на Квасниковском городище находили только золотоордынские монеты, а рассказы крестьян о кладе русских

пятаков с ранним Саратовом не связаны, так как медные пятаки появляются только при Петре I, с 1717 года. Если бы на Квасниковском городище был процветающий город, имелись бы монеты, отчеканенные в Саратау.

Далее перечислять всё нагромождение «фактов» и их интерпретаций так же бессмысленно, как доказывать, что Саратов не был основан Александром Македонским или что на Увек не находилась Атлантида. Даже если найти подтверждение, что казаки останавливались на Увек и организовывали временные полевые станы, как бы это доказывало наличие города Саратау в Квасниковке и связи Увека с Саратовом?

Также без большого успеха автор «квасниковской» версии проявляет эрудицию в области топонимических исследований. Такие топонимы, как овраг Мечетка, Застенная Воложка и Увек, тоже являются подтверждениями новой «теории». Якобы «Мечетка» – потому что в Саратау была мечеть, «Застенная Воложка» – потому что у города были стены, «Увек» – потому что здесь был брод, который контролировали горожане. Мечеть на Квасниковском городище была выявлена СУАКовцами, однако трактовка названия «Мечетка», как установлено в топонимике, относится к народной этимологии. Названия Мечетка, Меча, Меша, за единичными исключениями, обычно обозначают овраги, иногда маленькие речки, и их невозможно связать с мечетями. Несмотря на то, что Ф. В. Духовников, А. А. Кротков и П. Н. Шишкин называли этот объект городищем, фортификационных сооружений они не описывали, упоминали только холмы от золотоордынских кирпичных зданий. Отсутствие укреплений объясняется тем, что в период расцвета Золотой Орды ханы запрещали строить крепостные сооружения, чтобы легче было контролировать подданных. Застенная Воложка имела несколько десятков километров в длину и протекала рядом с левобережным Саратовом. Можно было бы связать название реки с его стенами, но, как выяснил М. П. Беликов, Застенные Воложки известны на Волге от Казани до Царицына ещё как минимум в трёх местах. Их наименования связаны не с городскими стенами, а с рыболовецкими угодьями на участках Волги, «застенёнными» от основного русла островами.

Историки давно отмечали упоминания о славянах в средневековых источниках. Подтверждением присутствия ранних славян на Волге, в Ульяновской и Самарской областях, является именьковская археологическая культура, в Саратовской области – иньясевская культура.

Раннеславянская иньясевская керамика была найдена на Алексеевском городище к северу от Соколовой горы, на Увек она не известна. Кроме того, на Алексеевском городище были обнаружены отдельные предметы, датируемые типологически XI–XIII веками – домонгольским и раннемонгольским временем. Отсутствие монет на памятнике также характерно для домонгольского времени. Алексеевское городище находится на одной территории (географической области) между Курдюмом и Увек, имя которой могло быть связано с происхождением названия «Саратов». Такое предположение представляется верным, но каким образом это доказывает связь Саратова с Увек, непонятно.

Есть ещё один тезис в книге С. А. Браташовой, который обоснован реальными документами и согласуется с источниками. Это упоминание «Саратов-остров», отмеченное исследователями наиболее ранних документов по истории города. Эта полузабытая ныне версия стоит особняком. Первый вывод, который отсюда напрашивается: изначально Саратов находился на острове. Самый ранний документ 1590 года, содержащий название города, гласит: *«В новом городе на Саратове острове голова Фёдор Туров»*. Второе упоминание о «Саратове-острове» – в документе 1595 года: *«На Саратове острове воевода Иван Григорьев сын Вальнской»*. Высказывались предположения, что островом могли называть обособленную местность, в том числе и сам город, отделённый от внешнего мира стеной.

Возможно, когда Ф. М. Турова назначили в 1590 году в Саратов, здесь или поблизости на острове уже была застава, в которую они с князем Г. О. Засекиным приехали на заклад

города, но крепость заложили на близлежащем берегу. Заставы на островах предшествовали, например, основанию Царицына и Самары. Словосочетание «Саратов-остров» могло употребляться по инерции, т. к. изначально применялось по отношению к заставам, расположенным на островах в качестве форпостов «плавных» ратей.

В середине 1980-х годов я опубликовал в областной газете «Коммунист» статью с обоснованием, что «первый» Саратов находился близ с. Шумейка на территории большого золотоордынского поселения. Эта версия сейчас известна краеведам только из книги Д. С. Худякова (Худяков. С. 24). Шумейское поселение в географическом отношении действительно находится на острове, так как место его расположения отделено протокой от коренного берега. Моя версия согласовывалась с письменными источниками и подтверждалась несколькими находками. Здесь на берегу был найден горшок и несколько десятков обломков русской керамики, не связанной с деревней XVIII–XIX веков. Кроме множества золотоордынских и одной римской монеты имелось несколько монет интересующего нас периода. Все они были найдены в части древнего поселения, примыкающей к Волге, к месту брода или переправы. Находки эти хранятся в музее, их список опубликован археологом и нумизматом Д. Г. Бариновым:

- серебряная «чешуйка» Ивана Грозного;
- серебряный полугрош Сигизмунда I Старого (1509 г.);
- полугрош неопределяемый плохой сохранности;
- две «чешуйки» Михаила Фёдоровича.

В дальнейшем на Шумейском поселении были проведены масштабные археологические раскопки, но следы русского города не выявлены. На окраине золотоордынского поселения имеется гигантское средневековое кладбище площадью более пяти гектаров. Его площадь установлена благодаря раскопкам на отдельных участках и сделанным вокруг шурфам. По предварительным расчётам, этот могильник может содержать несколько сотен захоронений. Здесь встречались могилы, обложенные золотоордынским кирпичом-плинфой, в них – погребённые в парчовых одеяниях. Величина кладбища, наличие в культурном слое серебряных монет и клада, плинфа, обломки водопроводных труб и стеклянных дисков – вставок в оконные решётки – могут указывать, что здесь было очень крупное поселение. Безусловно, его береговая часть сейчас в значительной мере смыта Волгой. Как далеко в сторону правого берега уходил данный остров и что было на нём, мы уже никогда не узнаем. Возможно, здесь или рядом была русская застава, существовавшая до строительства Саратова на противоположном берегу.

Возникает вопрос: почему Саратов дважды менял своё местоположение на берегах. Бродов через Волгу было немного, и они имели стратегическое значение. Город контролировал переправы и места промыслов. Но наличие бродов, то есть мелей, создавало и дополнительные проблемы. Волга имела на «саратовском» участке два основных рукава – вдоль правого и левого берега. Один из них время от времени оказывался несудоходным, а город становился отрезанным от основной транспортной артерии. С этой проблемой сталкивались и в XIX, и в XX веках до строительства Волгоградской плотины. Перед Саратовом приходилось перегружать баржи, углублять русло реки, строить дамбы, так называемые «тюфяки», вдоль левого берега выше Энгельса, чтобы перенаправить водный поток. Рыбаки и сейчас знают рыбное место «Тюфяки». Отец рассказывал мне, что в начале 1950-х годов он переходил по тюфякам и отмелям между островами почти до правого берега, а оставшийся участок Волги легко пересекал вплавь.

Если брод и был в средние века в районе Увека (о чём источники умалчивают), то во время существования «первого» Саратова он находился в районе Пристанного–Шумейки.

Итак, мы выяснили, что места расположения «первого» Саратова на Увеке, в Анисовке и на Глебучевом овраге противоречат всем письменным источникам, как это обосновал ещё А. А. Гераклитов в 1914 году, и не подтверждаются археологически. Мнение о левобережном городе как месте расположения «первого» Саратова тоже вступает в неустрашимые противоречия с такими документами, как «Память стрелецким головам», где между ним и сгоревшим городом указано расстояние в десять вёрст; документами о персидском посольстве, где между Курдюмом и Саратовом семь вёрст.

Таким образом, остаются участки ниже Курдюма, но выше современного Саратова. Местность у Шумейки отвечает определению «Саратов-остров», но не подтверждается археологическими раскопками. Имеющиеся находки показывают лишь, что здесь, на острове, начинался брод, была переправа и где-то рядом находилась застава, или «первый» Саратов.

На правом берегу Волги также имелись средневековое золотоордынское и русское поселения предположительно конца XVI века. В 1970-х годах здесь, недалеко от устья Гусёлки, экспедицией СГУ под руководством И. В. Сеницына велись раскопки Танавского городища. При этом на распаханном поле в месте впадения Гусёлки в Волгу было собрано два ящика керамики. По словам археолога Е. К. Максимова, здесь встречалась красноглиняная посуда, которая могла быть золотоордынской. Была и отличающаяся от неё, но также и от деревенской XVIII–XX веков, керамика с красным обжигом, и, кроме того, были обломки сероглиняной посуды.

В студенческие годы я видел эти ящики с керамикой, но они были депаспортизированы и, насколько мне известно, впоследствии ликвидированы. Поблизости от места сбора подъёмного материала были обнаружены христианские погребения с нательными крестиками. В. А. Осипов писал в своей книге по истории Саратова, что, по словам И. В. Сеницына, один медный крестик был сдан на радиоуглеродный анализ, и его датировали концом XVI–началом XVII веков. Поэтому для И. В. Сеницына и В. А. Осипова вопрос о месте основания Саратова в устье Гусёлки казался решённым. Но радиоуглеродный метод не применим к металлу, поэтому возникают сомнения в достоверности этой информации.

Однако известно, что до XVIII века в быту чаще использовались кипарисовые нательные крестики. В захоронениях они, как правило, не сохраняются, поэтому в ранних погребениях крестики встречаются в небольшом процентном отношении. В. А. Осипов не был археологом и мог неправильно понять, какой крестик был сдан на анализ, но, так как

И. В. Сеницын не опубликовал данные материалы, вопрос остаётся открытым. Для проверки и уточнения нужны новые находки с этой территории, но она застроена обкомовскими дачами и, по иронии судьбы, дачами СГУ.

Оба пункта – как на Шумейке, так и на Гусёлке – полностью соотносятся с письменными источниками. Оба они находятся в пяти-семи километрах (около семи вёрст) ниже острова Курдюм, что согласуется с сообщением о персидском посольстве, возвращавшемся из Москвы в 1600 году, но потерпевшем кораблекрушение *«против острова Курдюм... не дошед до Саратова за семь вёрст»*.

Оба пункта расположены в восьми-десяти километрах (около десяти вёрст) от левобережного Саратова, куда стрельцы привезли колокола из сгоревшего города. Если измерения велись в верстах длиной примерно в один километр, это соответствует расстоянию по прямой, если использовалась верста большей величины, это путь по извилистым протокам. При этом расстояние в семь вёрст от острова Курдюм до Саратова, где произошло упомянутое кораблекрушение, более соответствует Гусёлке. Сочетание «Саратов-остров» более подходит к Шумейскому поселению, но не исключается и правый берег. На острове могла находиться застава, предшествовавшая городу, в таком случае выражение «Саратов-остров» первое время

могло использоваться по инерции. Могли и местность в устье Гусёлки по какой-то причине называть островом.

Решающий довод, указывающий со всей определённой, что место расположения «первого» Саратова связано с Курдюмским займищем близ Пристанного, дают материалы, опубликованные А. А. Гераклитовым в 1914 году. Это документы на право владения горожанином Поповым сенокосными угодьями в Курдюмском займище близ старого Саратова. Приведён весь список документов, свидетельствующих о правопреемственности бывших владельцев пожни и показывающих, что эта земля находилась именно в Курдюмском займище. В первом документе 1681 года автор челобитной просит выделить ему половину пожни, принадлежавшей Любимову Фуфаю, который умер, а для наследника Петра Фуфая она слишком велика.

Это угодье находилось *«выше старого города Саратова у брода»*. Привязка дана, в первую очередь, к старому, т. е. изначальному Саратову, а *«у брода»* идёт как уточнение. Но главное, что в этом документе далее имеется определяющее дополнение. Ниже перечисляются свидетели – саратовские стрельцы, которые сказали, поклявшись перед иконой: *«В прошлых де годах на старом городе Саратове пожнею (владел) Любимов Фуфай, в прошлом де во 188 (1680) году он Любимов умре, а ныне владеет той пожней сын его Любимов Пётр»*. *«На старом городе»* означает город и местность, на которой он стоит, то есть в окрестностях; *«выше старого города Саратова у брода»* – уточняет местоположение пожни. В документе имеются сведения о пограничных с этим участком пожнях: с одной стороны, за сухим ериком, – Спасские старцы, с другой стороны, «по низам», – Фуфай, а с горной стороны по степи находилась пожня иноземца Ивана Корсака. Оставшейся границей, следовательно, и был брод, образованный наносами реки Гусёлка. Левобережный Саратов не может быть никак связан с упомянутым местом старого Саратова, так как принадлежавшие горожанам участки находились на правом берегу (Гераклитов. С. 34–36). При этом пожня Фуфая находилась несколько выше Саратова, в начале брода. Остров полностью не исключается, но если даже «первый» Саратов был на острове, то есть на участке займища, отделённом от суши ериками, он мог находиться только в непосредственной близости, в Курдюмском займище, в правобережье Волги. Поэтому продолжать поиски где-то в стороне, тем более в двадцати-тридцати километрах – в Квасниковке, в Анисовке, на Увекe, на месте нынешнего Саратова или даже в устье Саратовки – дело безнадёжное.

Курдюмские заливные луга до строительства Волгоградской плотины занимали широкую пойму правого берега Волги – как минимум до Пристанного. Археолог Е. К. Максимов рассказывал мне, что во время археологических раскопок И. В. Синицына в устье Гусёлки в 1960-х годах под берегом в затопленной пойме местами ещё стоял в воде лес.

Примем также во внимание, что устье Саратовки и левобережный Саратов располагаются мало того что на противоположном берегу, но и более чем в десяти километрах по прямой от Пристанного и вероятного места брода, а последнее заведомо находилось выше Саратова, как нового, на нынешнем месте с 1674 года, так и левобережного. По берегу и бездорожью такой ориентир без указания расстояния не уточняет расположение участка в рамках данного займища и потому не имеет смысла.

Название города, даже если он находился в Курдюмском займище на острове, могло происходить от названия местности на правом берегу Волги, как, например, остров Курдюмский – от реки Курдюм. Единственной неувязкой остаётся этимология названия «Саратов», если исходить из буквального перевода тюркского топонима «Сары-тау» в значении «жёлтая (или красивая) гора». Так как до настоящего времени была путаница с определением местоположения «первого» Саратова, неизбежна была и неразбериха с этимологией этого названия. Приведу весь список существовавших вариантов, любезно

предоставленный мне для этой публикации известным краеведом В. И. Давыдовым, за что выражаю ему искреннюю благодарность.

1776 год – «Московский любопытный месяцеслов» объясняет происхождение названия от золотоордынской столицы *Сарая*.

1848 год – опубликована версия А. Ф. Леопольдова о происхождении названия от татарских слов *сары* + *тау* – «жёлтая гора».

1887 год – М. В. Готовицкий предположил, что в основе – слово *сарт* – «оседлый, оседлость или удобное к оседлому населению место». Мухамеданский ахун Баязитов (в одном из докладов СУАК) добавил, что от *сарт* могло быть произведено *сартламак* – «вести оседлую жизнь» (*сартламак-сартлау-саратау*). М. А. Гамазов, директор Института восточных языков, допустил, что *Саратау* – это сочетание персидского и татарского существительных и означает «дворец хана» (*сара* – от *сарай* – «дворец»).

1891 год – Н. Ф. Хованский поддержал версию Леопольдова. К ней же склонялись тюрколог В. В. Радлов, этимолог М. Фасмер (M. Vasmer). Но профессор А. А. Гераклитов критически отнёсся к этой версии.

1891 год – А. И. Шахматов даёт свою расшифровку: *сара* – «хорошее качество, удобство предмета или местности» и *атой* или *атель* – «низкая местность».

1928 год – языковед А. С. Мадюев производит название от имени левобережной речки Саратовки как имеющего индоиранскую основу гидронима: *Sarat (a), Sarat (i), Sarat (u)* – «двигаться, течь».

1934 год – Г. Рамстедт (Ramstedt) – от калмыцкого *сарту балгасан* – «жёлтый город».

1935 год – академик Н. Я. Марр объединил в одну группу города Кострому, Казань, Саратов, Харьков по названию племен *косов* или *хазов*, *хазар*, *саров* (*gaz – gar – har – sar*) и, соответственно, – *sar + a + tov*.

1985 год – кандидат географических наук В. И. Горцев вывел наименование от мордовского *сара* – «осока, болото».

1987 год – писатель А. И. Баженова выдвинула теорию, сближающую *Саратов* и *соратники* (*соратаи*) на основании звукового сходства слов. Добавлю, что её поддерживал А. С. Папшев.

1988 год – Н. Н. Студенцов производит название от *сары-атау* (*атав*) – «низменный остров» (в ранних документах наш город именовался как «Саратов-остров»).

1990 год – доценты СГУ Е. К. Максимов и Л. Г. Хижняк на III краеведческих чтениях стремятся доказать, что название *Сары-тау* являлось именем этнической группы – сарты, ирано-тюркоязычной по своему происхождению. Ногайцы, унаследовавшие название урочища (юрта) от золотоордынцев, передали его русским как *Сары-тав*.

1990 год – краевед В. Малкин выводит наименование от финноязычного *sara* – «растительность осокового болота» (например, г. Сарапул – «осоковая трясина», г. Саранск – «город болотной осоки»).

1990 год – опять же В. Малкин – от финских слов *salo* – «густой лес», и *va* – «вода, река», т. е. «лесная река».

1991 год – Л. Г. Хижняк и З. Л. Новоженова вновь изложили версию, доложенную прежде Л. Г. Хижняк совместно с Е. К. Максимовым.

1993 год – В. А. Осипов в научном издании СГУ «Очерки истории Саратовского Поволжья» (т. 1, гл. 2) приводит все основные существующие версии.

1997 год – Сергей Алексеенко в статье «Индия... близ Плесеца» (журнал «Свет», № 3) выводит наименование от санскритского слова *sara* – «вода, наполненная силой».

1997 год – Владимир Шемшук в книге «Русско-борейский Пантеон» (изд. «Веды», Пермь) – от корня *sar* – «самое высшее».

1998 год – В. Коваленко предположил происхождение названия Саратова от *sara* – «ручей», *saras* – «озеро», *sarit* – «река», и *tavant* – «столь долгий».

2000 год – краевед В. Малкин дал новую, отличающуюся от версии 1990 года: название нашего города – протомадьярского происхождения: *szaga* – «стебель» + *tava* – «озеро» – «купеватое (ветвистое) озеро».

Добавлю к этому:

2013 год – в монографии «Чингизизм...» представлена версия казахского физика Мухаммед-Халел Сулейманова о том, что Саратов назван в честь предводителя сартов – Сары-ага, откочевавшего на Волгу и похороненного на горе Сары-ага тау.

2015 год – С. А. Браташова утверждает, что название *Сары-тау* происходит от санскритского *sartha* (торговец).

При определении семантики топонимов в первую очередь напрашиваются варианты буквального, дословного перевода. Для тюркских названий этот метод часто оказывается тупиковым. Особенно это относится к названиям, содержащим основу «*сары*», так как «жёлтый» обычно не связан с местностью. Иногда предлагается значение «красивый»: *Сары-тау* – «красивая гора».

Вероятно, изначальная семантика названия Саратова должна быть иной. В связи с многолетним доминированием «левобережной» теории версия происхождения названия города от «жёлтой горы» считается устаревшей. Но, так как Саратов был изначально основан на правом берегу, можно вернуться и к этимологии названия «*Сары-тау*».

В 2013 году опубликован исключительно интересный труд известного культуролога и топонимиста М. К. Семби, посвящённый географическим названиям Казахстана, буквальный перевод которых недопустим как искажающий семантику топонима. Одним из ярких примеров такого несоответствия является основа «*сары*». По мнению автора, одной из главных составляющих смысловых нагрузок топонимических названий является указание на место расположения объекта. В связи с этим Марат Семби предлагает переосмыслить название одного из важнейших географических объектов Казахстана – Сарыарка (Казахский Мелкосопочник) от, казалось бы, очевидного «жёлтый хребет» (или, буквально, «спина») на «северная местность». Действительно, определение «жёлтый» не подходит для огромной территории, раскинувшейся почти от Северного Приаралья до Иртыша. Сомнителен также для топонимики эпитет «красивый», которым можно заменить значение «жёлтый», так как это субъективное понятие можно применить к любой местности: оно не несёт смысловой нагрузки.

Для географических представлений кочевников, которые населяли степные территории в течение тысячелетий, важнейшими являлись определения сторон света. Для монголов определяющей точкой отсчёта являлась южная сторона, для тюрков – восточная (солнечные стороны). Соответственно, противоположная сторона называлась *арка* – обратная, противоположная, а боковые направления – левая и правая стороны. Для топонимики именно эти значения, указывающие на стороны света, были главными. Таким образом, определение «хребет/спина» в тюркских топонимах, которое во многих случаях не соответствует реалиям, может означать «северный». Слово «*сары*» часто означает в тюркских языках и, как правило, в топонимах не «жёлтый/красивый», а «сторона». Это проверено М. К. Семби в азербайджанском, алтайском, хакасском, узбекском и казахском языках, а также на примере многочисленных географических названий, для которых буквальный перевод неприемлем. *Сары-арка* – северная сторона/местность, по отношению к южным степям Казахстана (Семби. С. 42–44). Автор приводит такое большое количество примеров, где *сары* может означать только направление, что его цветное значение воспринимается скорее как исключение. В итоге «цветовая геосимволика у тюрков, выйдя из активного употребления, была заменена линейно-пространственной ориентацией» (Семби. С. 44).

В связи с этим и семантика названия «Саратов» должна быть интерпретирована иначе. Если исходить не из привычной версии этимологии Саратова от исходного *Сары/Сара-тау* – «жёлтая/красивая гора», а от значения «нагорная сторона», всё встаёт на свои места. Это тюркское название является «говорящим» и указывает на расположение местности

на правом берегу Волги. И в дальнейшем берега Волги ещё долго различали как горный (правый) и луговой (левый). Не противоречит это и названию левобережной реки Саратовка, которое могло происходить от иранского *sara* или тюркизированного *sar-ataw* – «низменный топкий остров» (Мадуев, Студенцов. С. 69–70). Для территории на противоположном высоком берегу вполне уместно название *Sara-tau* – «нагорная сара» или «нагорная сторона». Это название применимо ко всему правобережью Волги, и его этимология может вызывать сомнения, но в данном случае оно относится к конкретному участку правого берега. Участок этот расположен между рекой Курдюм и Соколовой горой, которая является доминирующей возвышенностью на указанной территории.

Находится объяснение и этимологии названия «Курдюм», которая, как выясняется, тоже связана с *Sary-tau*. М. Семби привёл ряд аналогичных гидронимов Центральной Азии – Курдым, Куртым, Куртум, Курдум. Присутствует этот гидроним и в тюркских эпосах: в казахском – река Курдымсу, в кыргызском – Курдум. В эпосах это название связано с понятием нижнего – загробного мира. В топонимах означает низовья реки (Семби. С. 51).

Как отмечалось выше, Курдюмское займище (пойма в устье реки Курдюм) занимало большую территорию вплоть до устья Гусёлки и дало название всей реке. С этими заливными лугами и мелями в устье связан и брод через Волгу. Таким образом, *Sary(a)-tau* – «нагорная сторона/местность» является противопоставлением находящейся рядом пойме (Курдюмскому займищу), местности Курдюм – «низовью».

3

В итоге можно сделать несколько выводов.

Во-первых, следует считать версию первоначального основания Саратова на левом берегу Волги ошибочной. В Анисовке и Квасниковке Саратов, Сарата или Саратау никогда не был расположен, поскольку там нет соответствующих археологических находок, культурный слой отсутствует, а все письменные источники противоречат этому. Левобережный Саратов не мог быть местом основания «первого» города, так как тот находился на расстоянии от него в несколько километров. Раскопки на Шумейском городище не подтвердили наличие русского поселения на сохранившемся участке, а отдельные находки монет второй половины XVI–начала XVII века могут свидетельствовать о присутствии рядом брода, переправы, промыслового стана или заставы на размытом участке или на смытом острове.

Во-вторых, «первый» Саратов находился выше современного города. Его размещение в районе Увека или в устье Глебушева оврага является лишь плодом фантазии и противоречит всем источникам.

В-третьих, единственным всесторонне обоснованным местом основания «первого» Саратова следует признать территорию в устье Гусёлки, что согласуется со всеми письменными источниками, а также археологическими находками, датированными археологом

И. В. Синециным второй половиной XVI–началом XVII века. Версия о расположении города на острове в Курдюмском займище не исключается, но не может быть проверена и подтверждена.

В-четвёртых, начальной датой левобережного Саратова следует считать не 1617 год, а 1614/15 год, если принять, что в 1614 году было определено его будущее расположение и началось изготовление деревянных строений в верховьях Волги, в 1615 году в половодье город был сплавлен вниз по реке и собран на новом месте, а в мае 1616 года впервые упомянут в источниках.

В-пятых, Саратов получил название от наименования местности. С юга эта территория ограничивается Соколовой горой, с севера – рекой Курдюм и Курдюмским займищем. До

возникновения Саратова-крепости недалеко на острове могла находиться застава, в связи с чем ещё некоторое время употреблялось словосочетание «Саратов-остров».

В-шестых, название Саратов происходит от *Сары(а)-тау*, что означает не «жёлтая/красивая гора», а «нагорная сторона (или местность)». Это говорящее название является противопоставлением лежащей под ней местности Курдюм, что означает «низовья».

Литература:

1. Баринов Д. Г. Золотоордынское поселение около посёлка Шумейка//Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997. С. 241–252.
2. Беликов М. П. «Старый собор и Старый город: История Свято-Троицкого кафедрального собора и города Саратова в свете новых данных». Саратов, 2015.
3. Браташова С. А. Одиссея раннего Саратова – Интернет-ресурс <http://www.studfiles.ru/preview/3397300/page:5/>
4. Браташова С. А. Ранний Саратов: на перекрёстке путей и эпох. Саратов, 2015.
5. Гераклитов А. А. Где был построен Саратов // Труды СУАК. Вып. 31. Саратов, 1914.
6. Донецкий Б. Н. Кочующая крепость // Альманах «Памятники Отечества», 1998, № 39 (1–2).
7. Книга Большому Чертежу. Редактор К. Н. Сербина. М., АН СССР, 1950.
8. Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII вв. Волгоград, 2005 (ссылка на: РГАДА, ф. 127, оп 1., 1613. № 5 Отправление в Орду посла Кондырева).
9. Осипов В. А. Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов: СГУ, 1993.
10. Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1617–1641). Саратов, 2013.
11. Семби М. Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов. Алматы, 2013.
12. Студенцов Н. Н. Две загадки Саратова. Саратов, 1988.
13. Худяков Д. С. Земля Саратовская. Несколько портретов на фоне истории Поволжья. Саратов, 1998.

Виктор ТОТФАЛУШИН

Виктор Петрович Тотфалушин родился в 1954 году в Саратове, в семье военнослужащего. Окончил исторический факультет СГУ. В 1976–1979 гг. – учитель истории в средней школе, затем вожатый Всероссийского пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орлёнок»; с 1979-го по настоящее время – ассистент, старший преподаватель, доцент СГУ. Кандидат исторических наук, автор более 300 учебных и научных работ.

«ЛЫЖИ У ПЕЧКИ СТОЯТ»

Лыжи в России были издревле известны, повсеместно распространены и не менее популярны, чем коньки, поэтому они стали зимним видом спорта номер два. Однако долгое время занятия лыжами имели больше развлекательный характер, и первые лыжные соревнования в нашей стране, отмеченные в печати, были проведены лишь 13 февраля 1894 года Петербургским кружком любителей спорта, а первое лыжное общество – «Московский клуб лыжников» – возникло год спустя. Через два года подобный клуб под названием «Полярная звезда» был организован и в Петербурге. В 1901 году в Москве создаётся ещё один лыжный клуб – «Общество любителей лыжного спорта». Его создание сыграло важную роль в развитии спорта в Москве, так как стало возможным проводить интересные соревнования между клубами.

Если первоначально на старт выходили только мужчины, то с 1903 года в соревнованиях стали принимать участие и женщины. Однако заниматься лыжным спортом в России могли далеко не все желающие. Для занятий необходимо было приобрести дорогостоящий лыжный инвентарь, который в основном завозили из Финляндии и Швеции, заплатить вступительный взнос и представить рекомендации трёх действительных членов клуба. Поэтому, несмотря на то, что в последующие годы было создано ещё несколько лыжных клубов – в Туле, Рязани, Костроме, Ярославле, Смоленске и других городах, – лыжный спорт в эти годы не получил широкого распространения.

Дальнейшему развитию лыжного спорта способствовал розыгрыш 7 февраля 1910 года Первого Всероссийского чемпионата по лыжным гонкам на дистанции 30 километров, который проводился московским клубом лыжников в Петровском парке. А в 1911 году был создан Всероссийский союз лыжебежцев (как называли тогда лыжников).

Горнолыжный спорт стал развиваться в России ещё позднее, после того как общество «Полярная звезда» в 1906 году в Парголово (под Петербургом) построило первый трамплин, с которого можно было совершать прыжки на лыжах с 8–10 метров.

В программу лыжных соревнований, которые в России проходили только на равнинной местности, входили дистанции на 250, 500, 1000, 1500, 5 тысяч, 10 тысяч метров и более. Соревнования проводились с палками и без палок, устраивались гонки с различными препятствиями: рытвинами, канавами, пригорками, гонки с лошадьми и т. д. Лыжники тогда пользовались длинными (до 3–3,5 м) лыжами, палками в рост человека и выше, крепления и пьексы¹ применялись мягкие.

Наиболее ранним свидетельством интереса саратовцев к этому виду спорта является информация, появившаяся 10 января 1910 года в журнале «Русский спорт». В заметке сообщалось, что *«на днях из Саратова приезжала экскурсия 12 гимназистов с двумя преподавателями с целью познакомиться с постановкой лыжного спорта в Москве и затем ввести этот <...> вид спорта у себя в Саратове. Это тем более интересно, что <...> лыжного спорта почти нигде в России не существует»*.

А уже в феврале того же года в Саратове состоялось несколько лыжных «вылазок»: в первой (7 февраля) приняли участие 11 человек, во второй (14 февраля) – 14 человек, третья была намечена на 21 февраля. *«Жаль только, – сетовал корреспондент, – что <...> совсем не видно было учащих...»* *«С будущего года, – продолжает он, – предполагается учредить здесь общ [ество] лыжников или соединиться с нарождающимся общ [еством] «Сокол».*

Свидетельством определённого интереса к лыжам в Саратове является объявление магазина Р. Штроля о продаже специальной одежды для занятий этим видом спорта. Однако предлагаемым саратовскими магазинами инвентарём местные спортсмены были недовольны: *«Немало <...> тормозят дело здешние магазины, – сообщал один из них, – продавая самые плохие сорта лыж по очень высоким ценам!»*

В дальнейшем инициативу в развитии лыжного спорта в Саратове подхватило общество «Спорт». 15 октября 1913 года его председатель А. И. Скворцов обратился к другому спортивному обществу – Саратовскому отделу Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты – с заявлением. В нём говорилось: *«Саратовское общество «Спорт» в зимний сезон имеет в виду развить лыжный спорт в Саратове. Для лыжных прогулок необходимо иметь небольшую станцию на окраине города, где лыжники могли бы оставлять свои лыжи, палки и одежду и обогреться по возвращении».* В этой связи была высказана просьба *«уделить одну из комнат»* стрелкового стенда² для спортсменов-лыжников.

В ответ уже 19 октября 1913 года совет отдела не только вынес положительное решение о предоставлении лыжникам общества «Спорт» одной комнаты на стенде *«по 1 января 1914 г. безвозмездно»*, но и дал право *«бесплатного входа в остальные помещения стенда и в буфет его...»* Этот факт сотрудничества в развитии лыжного спорта нашёл отражение также в отчёте отдела за 1913 год.

Постепенно лыжный спорт получил распространение среди членов Саратовского речного яхт-клуба и в спортивном отделении Саратовского отдела Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. Журнал «Русский спорт» в 1915 году сообщал, что *«с появлением снега на Волге в окрестностях города (Саратова. – В. Т.) начинают мелькать фигуры лыжников».*

Лыжный спорт пользовался популярностью и у саратовских скаутов – в 1916 году у них существовал *«лыжный патруль»*. Лыжами занимались и в спортивном кружке, созданном в марте 1916 года при 1-й Саратовской мужской гимназии, директор которой обещал юным спортсменам *«денег на лыжную станцию»*. Журнал «К спорту» 7 февраля 1916 года сообщал, что *«с конца футбольного сезона ничего достойного внимания в области спорта в Саратове не произошло, если не считать двух-трёх лыжных гонок».* Одна из них состоялась на Рождество, когда кружок молодых лыжников *«устроил состязание, привлёкшее, правда, очень мало участников (всего лишь 7)...»* В забеге на 4 версты победил И. Орлов, прошедший дистанцию *«финским ходом»*³ за 25 минут 35 секунд, вторым был В. Алексеев.

10 января был устроен пробег на дистанцию 16 вёрст по Волге от Саратова до Покровска. Хотя *«сильный ветер и таявший снег очень замедляли ход лыжников»*, результаты пробега были *«довольно приличные»*. Первым пришёл С. Петровский с результатом 1 час 59 минут 45 секунд, вторым – А. Федоровский – 1 час 59 минут 49 секунд.

24 января 1916 года состоялась новая лыжная гонка на 4 версты, *«привлёкшая очень мало и участников, и публики»*. На этот раз первенствовал В. Алексеев, И. Орлов пришёл вторым. Однако в том же году *«из саратовских лыжников никто не откликнулся*

---

2 Стенд был оборудован вблизи города, «невдалеке от трамвая», между кирпичными заводами А. Шумилина и П. Пирогова, которые находились соответственно на современных улицах Садовой и Симбирской.

3 Способ передвижения на лыжах, когда отталкивания палками производятся одновременно.

на призыв казанских и симбирских спортсменов...» принять участие в Первенстве Поволжья в Казани.

Устав Саратовского аэроклуба предусматривал также содействие развитию в Саратове таких экзотических видов спорта, как гонки на снеговых буерах, аэросанях, лыжах и т. д., однако сведений об организации таких соревнований в распоряжении автора нет.

Таким образом, хотя энтузиасты-лыжники прилагали много сил к широкому распространению любимого вида спорта, но это были усилия одиночек, которые в условиях нехватки инвентаря, спортивных баз не могли добиться многого, и лыжный спорт в начале XX века не получил широкого распространения в нашем регионе.

«МУЗЫКА ВОЙНЫ И МИРА»

СОБИНОВСКИЙ ГЛАЗАМИ САМАРЦА

Хотим мы этого или нет, но все мы, в большей или меньшей степени, живём воспоминаниями. Мы предлагаем вам в эти зимние дни вспомнить последний Собиновский фестиваль, который Саратовский театр оперы и балета традиционно, вот уже почти три десятка лет проводит в мае.

В этом году Собиновский фестиваль, уже двадцать восьмой, был посвящён 70-летию Победы и проходил под девизом: «Музыка войны и мира». На всех Собиновских музыкальных фестивалях последних лет бывает гость из Самары, музыкальный критик, редактор отдела культуры издания «Самарские известия» Валерий Семёнович Иванов. Мы попросили его поделиться с нами своими впечатлениями.

– Валерий Семёнович, вы давний гость нашего фестиваля. Чем он вас привлекает?

– Фестиваль – это всегда интересно. Не так много подобных фестивалей, а у саратовского – долгая история: он проводится каждый год уже в течение 28 лет. Только в Казани фестиваль идёт дольше, чем в Саратове, ему там уже 30 с хвостиком. И потом, такие замечательные традиции! Здесь можно посмотреть и оперные спектакли, и балетные, послушать симфонические хоровые произведения, которые больше нигде не услышишь. Сюда приезжают гости из столичных театров. Они и поют, и танцуют. И поэтому, когда меня приглашают в Саратов, никогда не отказываюсь. Если есть время, как в этом году, остаюсь на весь фестиваль. Но не всегда так получается.

– Валерий Семёнович, в этом году вы посмотрели весь фестиваль. Поделитесь, пожалуйста, мнением о каждом спектакле.

– Если говорить о новых спектаклях, их в этот раз было не так много. Главное – это исполнение произведений, так или иначе связанных с войной, с темой Победы. Бетховен – «Победа Веллингтона в битве при Виттории». Лист – «Битва гуннов». Очень интересное произведение Шнитке – «Ритуал. Памяти погибших во Второй мировой войне». Оно очень маленькое, но очень душевное. Вслед за ним – «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным» Прокофьева, текст вначале читал драматический актёр, а потом это воспроизводилось в музыке. А завершилось всё Чайковским, его «Славянским маршем».

На другой день была премьера балета «Стальной скок», который никогда раньше не ставили по разным причинам. Его восстановили, это тоже интересно, потому что этот балет был заказан ещё Дягилевым Прокофьеву для «Парижских сезонов». Там и музыка, которая неизвестна, она не звучит – ведь балет нигде не идёт. Балетмейстер Кирилл Симонов (который уже поселился в Саратове – так много он тут ставит) придумал бессюжетную историю, связанную с этой музыкой. Мне больше всего в балете понравилась работа художника Сергея Болдырева. Красиво, отражает эпоху. Что касается содержания, то его практически нет, придумана история двух женщин, которые борются за одного героя. Мне она показалась неубедительной. Но труппа хорошо станцевала то, что балетмейстер-постановщик ей предложил. Конечно, в таких современных балетах желательно, чтобы была какая-то хореография. Когда видишь одно и то же, это начинает надоедать. Но в целом хороший спектакль. Затем – «Кармен-сюита» Бизе–Щедрина в память о Майе Михайловне Плисецкой, ушедшей недавно. Были гости, но они танцевали

экспромтом: до саратовской сцены балет вместе не танцевали, это, конечно, отразилось, как бы они ни старались.

Было представлено ещё два балета – «Ромео и Джульетта» Прокофьева и «Раймонда» Глазунова. «Раймонда» была поставлена в прошлом году, а «Ромео...» – чуть раньше.

«Ромео и Джульетта» – один из первых балетов так называемого «балетного направления». Классический, очень красивый. Хореограф – Лавровский. А его сын Михаил сделал адаптированный вариант, который в Саратове и был поставлен. Видимо, театр не имел иных возможностей, поэтому взят такой лаконичный вариант.

В «Ромео...» и в «Раймонде» были две пары из Петербурга, из Мариинского театра, хорошие танцовщики. Хотя в «Раймонде» солист Игорь Колб тоже выступил впервые. Солисты танцевали на уровне своей школы.

Новой оперы на фестивале не прозвучало, но были две интересные оперы, отражающие мирную тематику. Фестиваль был назван так: «Музыка войны и мира». Война – балет, симфонические и хоровые произведения. А мирная тема – оперы и балет, не связанные с войной, отражающие мирную жизнь. Одна из них – «Садко» Римского-Корсакова, другая – «Орестея» Танеева. Я уже видел их 4–5 лет назад. В чём интерес? Если не здесь, то нигде их больше не увидишь, они уникальны. В «Садко» был хорош Анатолий Зайченко, солист Большого театра, который часто поёт в Саратове. В «Орестее» – три важные сопрано, две из них гости из Москвы (Ксения Вязникова и Елена Аюшеева). Должен сказать, что и местные солисты в этих операх не хуже бывают. Вот, например, в «Садко» есть три Гостя (Индийский, Веденецкий и Варяжский). Варяжский гость «приезжий» был хуже, чем артист, который здесь обычно исполняет эту роль: Владимир Верин более эффектен. (*Владимир Верин, к величайшему сожалению, умер осенью 2015 года. – Т. Л.*) В целом спектакли прошли хорошо. Особенно «Орестея» шла на подъёме, и все, кто пришёл, были довольны.

Вторая часть – Конкурс Конкурсов, уже 16-й по счёту. Всегда в нём 12 участников, один заболел, было 11. Они исполняли камерную и симфоническую программы. Первую – под фортепиано, вторую – под оркестр. Романсы, народные песни – в первый вечер. И арии из опер – во второй вечер.

В этот раз была некоторая «странность»: почти все участники, даже те, кто прибыл из Москвы и считается россиянином, оказались представителями восточных национальностей. Были китаянка, монгол, казахи, киргизы... Какое может быть суждение? Это Конкурс Конкурсов, они все – победители. Но сейчас столько конкурсов, что многие нивелировались. Победа на каком-либо из них не всегда бывает высокого класса. И потому некоторые, по-моему, были не такие уж выдающиеся певцы. Но они все молоды, все старались. Камерный репертуар петь трудно, требуется понимание тонкостей души. Женщины были лучше в этом. А в опере мужчины вышли на первый план и были посильней. Не все удачно выбирают репертуар. Арии все замечательные, но когда одно и то же настроение – плачут, умирают – это начинает надоедать. Олег Бударакский из Екатеринбурга мне совершенно не понравился, но он покорила зрителей, получил приз зрительских симпатий и поедет в Вену. Конкурсанты спели в меру своих возможностей – кто лучше, кто похуже. Лучшие вновь выйдут к зрителям в заключительном концерте.

– А вы согласны с мнением жюри Конкурса Конкурсов?

– Да, абсолютно. У меня всё сошлось «один в один». У кого хороший голос, кто что-то умеет, тот уже солист, как, например, Юлия Меннибаева (Первая премия) – она уже поёт в «Новой опере» и в Большом театре. Хорош был Глеб Ким (Вторая премия) из Киргизии, но на самом деле, хотя он приписан к Киргизии, он живёт в Москве, это наша школа. Обладателем Третьей премии стал певец из Бурятии Мэргэн Санданов.

Ну а гастрольная программа фестиваля... Группа артистов балета из разных театров сделала концерт военной тематики «Письма с фронта». И группа «Кватро» – но это уже шоу-бизнес, это меня не интересует. Но на фестивале принято, чтобы были разные

программы, в том числе эстрадные, которые по мере своих возможностей развлекают публику. Ещё был духовой оркестр, но на него я не попал, ездил в село. *(О концерте оркестра духовых инструментов «Волга-Бэнд» речь пойдёт ниже. – Т. Л.)*

Фестиваль прошёл, всё намеченное состоялось, публика осталась довольна. И она ходит на фестиваль, значит, ей интересно. Будем надеяться, что ещё будут фестивали и мы увидимся вновь.

– Валерий Семёнович, что вы скажете о концерте Леонида Сметанникова?

– Леониду Анатольевичу сейчас 75 лет. Это возраст, в котором и петь уже трудно. А он сумел сохранить уникальный тембр голоса, благодаря которому Сметанников сделал карьеру. Тембр голоса – это самое главное. Леонид Сметанников – первый исполнитель песни «День Победы». Ему нужно отдать должное. Концерт был хороший, публика его завалила цветами.

– Фестиваль этого года такого же уровня, что и предыдущие?

– Все Собиновские фестивали примерно одного уровня. Отличие в том, что в этом году не было оперной премьеры, была балетная. Видимо, сказались финансовые трудности, тут уж ничего не поделаешь, и упрекать театр за это нельзя. «Дон Жуана» поставят чуть позже. Участвуют солисты чуть лучше, чуть хуже – тут уж не угадаешь. Солисты были из Мариинского театра, из московских театров...

– А ваш Самарский оперный театр проводит фестивали?

– Да. Есть весенний фестиваль. Фестиваль в Саратове называется «Собиновский музыкальный», а у нас стабильного названия нет. Каждый год – разные названия. Один фестиваль был посвящён Ирине Архиповой, потому что с ней очень много связано. В этом году будет оперный фестиваль, посвящённый Чайковскому. Проводится балетный фестиваль имени Аллы Шелест – один из первых именных фестивалей очень высокого класса. Есть фестивали, связанные с именем Ростроповича, потому что он работал у нас, поставил оперу С. Слонимского в 1999 году «Видения Иоанна Грозного». Этот фестиваль устроен театром и Валерием Гергиевым – он его учредитель. Уже 6 лет он приезжает с оркестром, даёт минимум три концерта (самая сложная программа!) в память о Ростроповиче. В этом году в рамках Пасхального фестиваля тоже приезжали и исполнили Седьмую симфонию Шостаковича, потому что именно в Самаре (тогда – Куйбышеве) во время войны был в эвакуации Большой театр, и именно там была исполнена Седьмая симфония, которая считается лучшей симфонией столетия. У нас давно проходит оперный фестиваль Дмитрия Сибирцева «Басы XXI века».

– Самара, особенно после Великой Отечественной войны, когда туда были эвакуированы крупные заводы, значительно обогнала Саратов по всем параметрам. Как вы находите: Самарский оперный театр тоже намного превосходит Саратовский?

– Когда впервые приехал к вам, лет 15 назад, наш театр был в трудном положении, и я отдавал предпочтение Саратовскому театру. Потому что такого фестиваля, как ваш Собиновский, нигде не было. По прошествии времени в Самаре была произведена радикальная реконструкция театра, он был совершенно перестроен. Наружное всё осталось – здание по типу Дворца культуры. Когда у нас работал Большой театр, наш назывался «Дворец культуры имени Куйбышева». А теперь театр обустроен замечательно и акустически. Изменилась и кадровая политика. Очень хороший дирижёр – Александр Анисимов, много замечательных режиссёров, значительно обновился репертуар. Выделяются достаточные средства. И потому последние спектакли более яркие – и «Князь Игорь», и «Аида», и «Чио-Чио-Сан», и «Севильский цирюльник». Балет в Самаре лучше был всегда: там работали выдающиеся представители «петербургской школы»: Алла Шелест, Игорь Чернышёв, Никита Долгушин, а в Саратове таких кадров не было. Хотя в Саратове Долгушин ставил «Жизель», но это была разовая постановка. А опера... Молодой солист Георгий Шагалов (бас) перебрался год назад из Самары в Саратов, саратовец Илья Говзич (тенор) иногда поёт и в Самаре. Будут средства – всё будет хорошо.

– Вы согласитесь с мнением, что Собиновский фестиваль – один из лучших фестивалей России?

– Действительно такого фестиваля не было. И на «Золотую Маску» Саратовский театр выезжал шесть раз, а наш не выезжал ни разу. И саратовцы получили «Маску»! Это о многом говорит.

САРАТОВ И БОРИС ПИГОВАТ

На фестивале оркестр духовых инструментов «Волга-Бэнд» дал концерт под названием «Золотые трубы Победы». На нём впервые в России была исполнена симфоническая поэма «Помните!» Бориса Пиговата. Исполнение подготовил и управлял оркестром дирижёр Саратовского академического оперного театра Аркадий Шур.

Борис Пиговат – композитор, педагог, доктор Бар-Иланского университета, член Союза композиторов Израиля. Родился в Одессе в 1953 году. Окончил Московский музыкально-педагогический институт им. Гнесиных. С 1990 года живёт в Израиле.

Что связывает израильского композитора мирового уровня с нашим городом? Вот что нам рассказал дирижёр Аркадий Шур:

– У нас в России музыку Бориса Пиговата очень мало знают, исполняют и популяризируют. Хотя его сочинения звучат во всём мире, и в странах Европы, и в Америке. Известные дирижёры обращаются к исполнению его произведений. Выдающийся дирижёр современности Зубин Мета открыл концертный сезон-2013 Национального филармонического оркестра Израиля исполнением симфонической поэмы Бориса Пиговата «Музыка печали и надежды».

Почему я хорошо знаю его музыку? Так сложилось, что мы какое-то время назад с ним познакомились. Я был в Израиле в качестве туриста. Но ещё до приезда на Землю Обетованную думал: если когда-нибудь буду в Израиле, мне надо как-то найти этого человека, потому что я слышал его музыку, ещё будучи в России, не выезжая за пределы страны.

Когда приехал в Израиль и позвонил ему (нашёл его номер телефона ещё здесь), неожиданно для меня он очень тепло отозвался на мой звонок, даже с радостью. Я представился, сказал, что дирижёр. «Вы откуда – из России?» – «Да». – «Нам надо обязательно встретиться!» – «Я поэтому звоню и тешу себя надеждой на это». И встреча состоялась, и не одна. Я уехал в Россию с приличным багажом из его сочинений и партитур.

Когда вернулся в Саратов и рассказал о встрече моему коллеге Анатолию Дмитриевичу Селянину, профессору, заведующему кафедрой духовых инструментов Саратовской консерватории, он пришёл в неописуемый восторг: «Как? Вы с Пиговатом знакомы?! Да я же преклоняюсь перед его музыкой!» – «А я привёз партитуру – можно играть!» Это была копия авторской рукописи для оркестра духовых инструментов. Анатолий Дмитриевич посмотрел и сказал: «Скоро будет еврейский праздник Ханука, осенью. Оркестр «Волга-Бэнд» делает специальную программу. Мы это возьмём». И тогда впервые была исполнена фантазия Бориса Пиговата для оркестра духовых инструментов на тему: «Популярная еврейская мелодия «Хава Нагила». Это было осенью 2000 года, 15 лет назад.

И с тех пор мы с Борисом находимся в постоянной переписке, на связи. И он регулярно присылает мне свои произведения. Всё, что он мне присылал, я обязательно приносил Анатолию Дмитриевичу, и он регулярно включал это в программу оркестра «Волга-Бэнд». Таким образом, «Волга-Бэнд» являлся исполнителем всех российских премьер Бориса Пиговата. Это и «Ветер с Йемена», и «Посвящение Шагалу», да и другие сочинения, которые все очень интересны, но требуют хорошей проработки, подготовленности

оркестра – не каждый коллектив музыкантов может это сыграть. Но оркестру «Волга-Бэнд» подвластна любая музыка.

Я сотрудничал с оркестром «Волга-Бэнд», потом это сотрудничество по разным причинам сошло на нет. Анатолий Дмитриевич ушёл из жизни. Оркестр теперь существует без него.

В этом году «Волга-Бэнд» пригласили на Собиновский фестиваль, который посвящён 70-летию Победы. А у меня лежала партитура Бориса Пиговата – симфоническая поэма, которую он вынашивал около 10 лет. Писал, переписывал, выбрасывал, писал другое и опять возвращался к ней. В конце концов построил её по принципу кинематографа. Один эпизод документального фильма, третий, четвёртый – получается такая нарезка из хроники 40-х годов, причём хроники немецкой.

И я в качестве приглашённого дирижёра поставил эту вещь. Не сразу её поняли музыканты, мне пришлось им объяснять – что это и про что. Показал им определённые «куски», объяснил принцип построения – это контраст между мирной музыкой и совершенно нечеловеческой музыкой, которой наполнено всё остальное. Это сделано с большим мастерством.

И, к моей большой радости, уже после концерта ко мне подходили люди и говорили: «Вы знаете, мы даже не ожидали, что такой подарок будет на фестивале!» Замечательно! Очень этому рад.

Считаю, что в общую программу фестиваля это сочинение внесло значительный вклад. Убедился в этом уже после фестиваля. Музыка Бориса Пиговата прозвучала наряду с выдающимися сочинениями, он достойно выглядел в одном ряду с самыми большими российскими и советскими композиторами.

Записала Татьяна ЛИСИНА

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

«Литературно-художественный журнал «Волга–XXI век» – один из немногих литературных журналов, читать который – не только большое эстетическое, но и нравственное, человеческое удовольствие. В нём есть то хорошее, что может собрать и сохранить только провинциальный журнал (в лучшем смысле этого слова), и – одновременно – то большое, что позволяет ему оставаться одним из лучших толстых литературных журналов России. В то время как читателя медленно и планомерно приучают к разного рода добавкам к насущному хлебу, заменителям и консервантам живого слова, журнал продолжает мужественно и стойко выпекать этот самый насущный хлеб, несмотря ни на что. «Волга–XXI век» остаётся народным журналом, ареной, где озвучиваются большие и больные вопросы современности, публикуются стихи и проза не только саратовских авторов, но и писателей со всей России. Благодаря умению сочетать традиционализм и камерность с прекрасным литературным вкусом и профессиональным чутьём, позволяющим находить золотые крупницы живого слова далеко за пределами региона, главному редактору и всей редакционной коллегии удаётся сохранить уникальную направленность журнала и высокий литературный уровень публикуемых произведений.

Держу в руках номер 7–8 за 2010 год, который открывается прекрасной подборкой Евгения Семичева. Она завершается вот таким стихотворением:

*Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.*

*Полыхает костром заревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем...
И не сгинет Россия, покуда живёт
На спасительном выдохе Божьем.*

*Зря кликуши истошно хоронят её.
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней вороньё –
Не затмить ему русское солнце.*

*И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божьим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.*

Этой России и присягает «Волга–XXI век». В номере 9–10 за 2014 год видим, как разворачивается та же главная лирическая тема в стихотворениях Юрия Перминова. Мощнейшая поэтическая подборка завершается так:

*Мой путь к прозрению короче стал.
Яснее. Раньше – наугад.
Я слышу старые пророчества,
Хотя уже на новый лад.
Прости, Господь, мои смятения.*

*Тюрьмой стращают пусть, сумой...
Уже не с «этими», не с «теми» я,
А только с Родиной самой.*

В обзорной статье Вячеслава Лютого, посвящённой Юрию Перминову и намечающей художественные координаты его поэтической Вселенной, содержится вывод, закономерный не только для творчества Перминова, но и, пожалуй, для всех самобытных русских поэтов современности, думающих о России. Именно *окраина* (города и мира в целом) становится центром Вселенной, её духовным и метафизическим оплотом, местом встречи с собой.

В целом, номер 9–10 за 2014 год представляет сильнейшие поэтические публикации (Светлана Супрунова), богатую критику и эссеистику (Ефим Водонос, Михаил Муллин), глубокие литературоведческие материалы, посвящённые 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

Хочется пожелать журналу долгих лет жизни, творческих открытий и неизменного вдохновения!»

**Мария Знобищева,
г. Тамбов**

«Здравствуйте, Елизавета Сергеевна!

Я снова возобновил подписку на Ваш журнал. Наконец-то я держу в своих руках настоящий образец прекрасного издания. В нём нет ничего лишнего, и каждый раздел его как своеобразный урок, окно в творческую мастерскую литературного мира. Права уважаемая Людмила Борисовна Панкова, моя землячка, которая работает теперь в Центральной городской библиотеке города Саратова, филолог по образованию и бывший преподаватель русского языка и литературы. (*отклик Л. Б. Панковой опубликован в № 7–8 2015. – Прим. Ред.*)

...Спасибо Вам огромное. Это я говорю Вам искренне, от всего сердца, от себя и от своих близких, от отца-ветерана, участника Великой Отчественной войны, от сестры и от зятя – ветеранов педагогического труда, от своих земляков и, прежде всего, от Екатерины Евгеньевны Маштаковой – заведующей нашей поселковой библиотекой, большой поклонницы журналов «Наш современник», «Дон», «Нева» и «Волга–XXI век». Теперь новые номера вашего журнала я буду передавать после семейного прочтения в нашу библиотеку.

Дело в том, что я сам – филолог по образованию. Но, кроме того, у меня ещё два образования – юридическое и военное. Да, я офицер запаса и бывший педагог. Работал в нашей средней школе преподавателем русского языка и литературы. Всю жизнь пишу. Продолжал писать материалы в основном в газеты «Коммунист», «Заря молодёжи». Рецензентами были Михаил Чернышов, Владимир Бойко, Людмила Каримова.

А однажды состоялась встреча нас, селькоров, с саратовскими писателями Людмилой Михайловной Каримовой и Виктором Петровичем Сафроновым. В его повести «Комиссар Быков» есть герой – ротмистр Бикбулатов. Прототипом его стал мой дедушка по линии отца, расстрелянный в 1937 году в Саратове... Людмила Михайловна посоветовала мне продолжать и дальше писать, а Виктор Петрович предложил попробовать писать и рассказы.

...Ещё хочется сказать о журнале. Журнал действительно стал энергичнее, жизненнее, пространственной. Огромное спасибо!

С уважением и признательностью к Вам и журналу, к его авторам,

**Идеал Бикбулатов,
п. Восточный, Дергачёвский район**

09.10.2015»

«Здравствуйте, Елизавета!

Оба журнала получил. Большое спасибо. Журнал-то солидный! И рисунок хороший с волчатами, художника Ирины Шин. Успехов вашему журналу.

С уважением, Виталий Лозович»

«Здравствуйте, Елизавета!

Пишет Вам Бударин Сергей. Я знаком с Вами заочно по Вашим стихотворениям.

Возможно, и Вам моё имя памятно...

С интересом всегда читаю в «Нашем современнике» Ваше творчество, всегда с интересом читаю и Ваш журнал – одно другого достойно...

Много слышан о пиковом положении Вашего журнала. Надеюсь, хоть как-то это уладилось.

С уважением, Сергей Бударин».

Содержание номеров журнала «Волга–XXI век» за 2015 год

ПОЭТОГРАД

- Игорь Тюленев. Звезда любви. № 1–2, 4
 Светлана Сырнева. Час торжества. № 1–2, 50
 Андрей Фролов. Родина любимей не становится. № 1–2, 73
 Иван Печавин. Яблокопад. № 1–2, 126
 Алексей Борычев. И то, что с нами было... № 1–2, 152
 Владимир Скиф. Передний край. № 3–4, 3
 Александр Лайков. Я пилотку сошью из травы на кургане... № 3–4, 89
 Руслан Кошкин. В этой вере я не одинок... № 3–4, 109
 Сагидаш Зулкарнаева. В моём краю нет края синеве... № 5–6, 3
 Иван Малохаткин. Вот и приблизилась даль приворотная... № 5–6, 18
 Ольга Лукьянова. Над памятью моею – журавли... № 5–6, 68
 Александр Рыжов. Пока последний час не пробил... № 5–6, 91
 Ольга Комарова. Я рисовала ангелов. № 5–6, 174
 Михаил Муллин. Золотая акация. № 7–8, 3
 Елена Машукова. Приметы родины моей. № 7–8, 57
 Карина Сейдаметова. В неотмирной державе. № 7–8, 97
 Светлана Леонтьева. Люблю я эти небеса. № 7–8, 113
 Е. Русланов. Дуновенье творящего духа... № 7–8, 160.
 Мария Знобищева. По праву родства. № 11–12, 3
 Татьяна Шишкина. Отчего я люблю тишину... № 11–12, 14
 Александр Дивеев. Бирюзовое колечко. № 11–12, 30
 Татьяна Кузнецова. По Волге. № 11–12, 58

ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС

- Николай Болкунов. Долгота дней моих. № 1–2, 9
 Борис Бешаров. Песня моя недопетая... № 1–2, 148
 Борис Озёрный. Письма с фронта. № 3–4, 49
 Александр Андреев. Велико мгновенье на Земле!.. № 9–10, 24.

ОТРАЖЕНИЯ

- Георгий Горький. Скрипка. № 1–2, 79
 Татьяна Грибанова. Мальва. № 1–2, 115
 Виктор Бирюлин. Возможность горизонта. № 3–4, 9
 Игорь Соловьёв. Дымка над полигоном. № 3–4, 96
 Валерий Казаков. Два рассказа. № 5–6, 7
 Виктор Сазыкин. Милый Паня и другие. № 5–6, 22, № 7–8, 62
 Анатолий Крищенко. Ветушка калинушки. № 5–6, 73
 Наталья Моловцева. Вот придёт Большая Меведица... № 5–6, 155
 Александр Нестругин. Донские отсветы. № 7–8, 9
 Василий Реснянский. Непутёвый Лёнька. № 7–8, 116
 Елена Гаазе. Белая лилия, верная Лилия... № 9–10, 4

Светлана Голубева. Милька. № 9–10, 32
Виталий Лозович. Два рассказа. № 9–10, 44
Олег Корниенко. Тарзанка. № 9–10, 99.
Наталья Осипова. Самая красивая женщина Мариуполя. № 11–12, 9
Я. Удин. Бзик. № 11–12, 18
Николай Беседин. Распутица. № 11–12, 61

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

Александр Бунеев. Игры ангелов, № 1–2, 57
Ольга Соловьёва. Три в одном (их мальчик). № 5–6, 117
Вугар Асланов. Развозчик молока. № 7–8, 144

КАМЕРА АБСУРДА

Нелли Кременская. Жизньжестянка. № 1–2, 129
Фёдор Ошевнёв. Шоколадный символ воли. № 5–6, 97
Галина Дудникова. Мелкий бисер. № 7–8, 100
Михаил Муллин. Идёт коза рогатая. № 11–12, 108
Нелли Кременская. Разорванное время. № 11–12, 117.

В САДАХ ЛИЦЕЯ

Алексей Никитин. Ощущение чуда. № 1–2, 157
Кселена Литвинова. Лунный город. № 5–6, 123
Людмила Милославская. История с театральным. № 5–6, 164
Евгений Мельников. Дыхание земли. № 7–8, 140.
Илья Водолазский. Пещерные сказки о происхождении всего на свете. № 9–10, 134

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Николай Семёнов. Нетипичный дневник. Рассказы о войне. № 3–4, 19
Виктор Шептицкий. Мой день Победы. № 3–4, 31
Юрий Дмитриев. О суворовском училище. № 3–4, 68
Виктор Шептицкий. 1945 год. Начало. № 3–4, 80
Александр Редьков. Дорога к дому. № 3–4, 115
Анна Морковина. Библиотека М. И. Рудомино. № 3–4, 173
Виталий Земляк. Без розовых очков. № 5–6, 125
Виктор Семёнов. Война глазами подростка. № 5–6, 132
«Хлебнули мы горя...» № 5–6, 136
Письма Николая Рьжкова. № 7–8, 36
Татьяна Лисина. Невыдуманные истории. № 7–8, 150
Татьяна Кузнецова. По Волге: путешествие за радостью. № 11–12, 37

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Виктор Тотфалушин. «Выходят на арену силачи». № 1–2, 174
Алексей Чернышевский. Стихи о войне. № 3–4, 133
Владимир Кантор, Владимир Кормер. Посланный в мир. № 3–4, 135
Виктор Тотфалушин. «Бодрость духа, грация и пластика». № 7–8, 171
«Справедливости ради». № 9–10, 178
Андрей Михайлов. Род Корелиных (Карелиных) № 11–12, 129
Евгений Бажанов. ВолгоУральский регион – родина росоариёв. № 11–12, 145
Игорь Дрёмов. Загадки «первого» Саратова. № 11–12, 57
Виктор Тотфалушин. «Льжи у печки стоят». № 11–12, 176

В МИРЕ ИСКУССТВА

- Алексей Герасимов. Музы не молчат, когда гремят пушки. № 3–4, 165
Жанна Сапожникова. Летописец военных будней. № 3–4, 190
Алексей Герасимов. Актёр из нашего города. № 9–10, 170

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- Светлана Дурнова. «В сорок первом памятном году...» № 3–4, 82
«Когда окончится война...» № 3–4, 85

ЮБИЛЕЙ

- Виктор Шептицкий. Суворов в Крыму. № 1–2, 159

К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ МУЗЕЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

- Елена Манова, Ирина Семёнова, Наталья Соловьёва. «Вот местности главного знакомства моего...» № 7–8, 163
Галина Муренина. Верные спутники жизни. № 9–10, 166

ИНТЕРВЬЮ

- «Музыка войны и мира». Записала Татьяна Лисина. № 11–12, 179

СТАТЬИ

- Галина Рогожина. «А я ни разу не был на войне...» № 3–4, 57
Андрей Тимофеев. О современной органической критике. № 5–6, 142

РЕЦЕНЗИИ

- Михаил Муллин. Спешите делать добро. № 1–2, 183
Сергей Фолимонов. Одна лишь истина – любовь. № 1–2, 186
Елизавета Мартынова. Ускользящая реальность. № 1–2, 189
«Бирюзовое колечко» Александра Дивеева. № 1–2, 191
Карина Сейдаметова. Дорога чрез сердце избы... № 5–6, 177
Эдуард Анашкин. «Звёзды оклика». № 5–6, 180
Михаил Муллин. Ни много ни мало. № 5–6, 183
Сергей Фолимонов. «Впечатления о «Впечатлениях». № 7–8, 176
Елизавета Мартынова. «Воля к жизни». № 7–8, 180,
«Сны и сказки Кселены Литвиновой» № 7–8, 182
Михаил Муллин. Воин Любви и Света. № 11–12, 125
Елизавета Мартынова. Силуэты и гравюры Нелли Кременской. № 11–12, 127

СОБЫТИЕ

- В Саратове прошла книжная ярмарка «Волжская волна». № 5–6, 191

ФЭНТЕЗИ

- Джордж Макдональд. Карачун. (Перевод Риммы Лютой). № 9–10, 140; 11–12, 87

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ

- Михаил Муллин. Алёна Волчья Заря. № 9–10, 71.

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

- Михаил Каришнев-Лубоцкий. Хвалынские истории. № 9–10, 155
Ольга Колесникова. Любимый день. № 9–10, 123

МИНИАТЮРЫ

Вяч. Минаев. Камни и болото. № 9–10, 129

Галина Рогожина. Старый Дом и ежонок Топ. № 9–10, 132

ГОВОРЯТ ДЕТИ

Нелли Кременская. Вчера выйду замуж... № 9–10, 138.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Валентина Звягина. Вырос в лесу на горе городок... № 9–10, 84

Михаил Муллин. Дождь играл на барабане. № 9–10, 87

Михаил Кольяшкин. Ты куда бежишь, ручей? № 9–10, 93

Игорь Храмов. Лесной консультант. № 9–10, 97

ОТКЛИКИ

«Других писателей у меня для вас нет...» № 7–8, 184

Коечто о самокритичности. № 9–10, 185

Письма читателей. № 11–12, 187

Журнал «Волга – XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Фото Татьяны Кузнецовой.

Подписано в печать 14 декабря 2015 года.

Дата выхода в свет 15 декабря 2015 года.

Журнал отпечатан в типографии «Буква».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Астраханская, 102.

Заказ № 09/15125

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Соборная, 42.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.